This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3230.5
D55
1905
v.1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Для литературныхъ вечеровъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗБРАННЫХЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ

для

декламаціи и чтенія.

Томъ 1-й.

Для литературныхъ вечеровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня К. А. Четверикова. Караванная 7.
1905.

Часть первая.

ИЗБРАННЫЯ ПОЭМЫ,
СТИХОТВОРЕНІЯ
И МОНОЛОГИ
ВЪ СТИХАХЪ

Для любительницъ декламаціи и чтенія.

АРТИСТКА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ
М. Г. САВИНА.

Передъ судомъ.

Смотрите всѣ; я хороша,
Мой взоръ не охлажденъ годами;
Читайте въ немъ; моя душа
Теперь открыта передъ вами!
Больную гордость затая,
Свое молчанье я нарушу:
За что онъ полюбилъ меня—
За красоту мою иль душу?...
Въ какомъ-то непонятномъ снѣ,
Онъ овладѣлъ моей душою;
И въ сердце тихо вкралась мнѣ
Любовь коварною змѣею.
И долго я боролась съ ней;
Но воля чувству уступила—
И я, не выплакавъ очей,
Ушла отъ матери моей...
О судьи! Я его любила!

Свой стыдъ дѣвичій, свой позоръ
Я на груди его забыла;
Но ласку прежнюю съ тѣхъ поръ
Холодность явная смѣнила!
Въ кругу товарищей своихъ
Своей любовницы красою
Онъ гордо хвасталъ; ради нихъ
Онъ дорожилъ, безумецъ, мною.
Онъ былъ съ душой моей жестокъ.
Вѣдь ждалъ интрижки онъ веселой!
Онъ въ сердце кинулъ мнѣ упрекъ
И безпощадный, и тяжелый...
Онъ грубъ со мною былъ,—но я
Ему мученья всѣ простила;
Онъ гналъ на улицу меня!...
И я ушла, себя-жъ кляня...
О судьи! Я его любила!
Отчаянье мнѣ сжало грудь,
И въ сердцѣ жить не стало силы;
Куда пойти?.. Позорный путь
Лежалъ до сумрачной могилы,
Но я жила; въ груди больной
Надежда слабая таилась...
Его я встрѣтила съ другой—
Душа заныла... и скатилась
Изъ глазъ тяжелая слеза...
И онъ узналъ меня; съ презрѣньемъ
Онъ засмѣялся мнѣ въ глаза!
Какимъ стыдомъ, какимъ мученьемъ
Душа наполнилась моя!..
Я не снесла... я все забыла!
И, сердце грубое кляня,
Въ него свой ножъ вонзила я!..
О судьи! Я его любила!

N. N.

Вѣтеръ.

По полямъ и рощамъ, шелестя травою,
Пробѣгаетъ вѣтеръ легкою волною.
То въ густыхъ вершинахъ тихо онъ застонетъ,
То къ землѣ сгибая, спѣлый колосъ клонитъ.
То подыметъ вихремъ листья надъ землею
И несетъ и кружитъ рѣзвою толпою:
Подлетѣлъ онъ къ вѣткѣ молодой березы:
Въ листьяхъ не обсохли утреннія слезы,
Видно въ каждой почкѣ нѣгу и истому—
Какъ не погулять тутъ вѣтру удалому!
Шепчетъ ей онъ тихо, листьями играя:
„Полюби скитальца, вѣтка молодая!
„Долженъ я скитаться надъ сырой землею.
„Нѣтъ мнѣ ни отрады, нѣтъ мнѣ и покою.
„Погляди мнѣ въ очи съ необычной лаской,
Я тебя потѣшу заунывной сказкой,
„Я къ тебѣ склонюся буйной головою
„И обвѣю нѣжно отъ жары и зною,
„Пригоню къ тебѣ я птичекъ разныхъ стаю.
„Полюби скитальца, вѣтка молодая!“
И въ тревогѣ тайной отъ нежданной встрѣчи,
Слушаетъ малютка ласковыя рѣчи,
Листьями на солнцѣ радостно играетъ,
Сладко ей и больно, почему—не знаетъ;
Сладко ей склониться предъ безвѣстной властью;
А красавецъ вѣтеръ такъ и дышетъ страстью,
Льнетъ, цѣлуя нѣжно,ближе и смѣлѣе,
Словно нѣтъ на свѣтѣ никого милѣе,
Дунулъ онъ порывомъ, будто съ ней играя,
Дунулъ—и сломалась вѣтка молодая.
Листьями поблекла, листья пожелтѣли,
Отъ дорожной пыли почки потускнѣли,
На землю скатились утреннія слезы:
Нѣтъ, ужъ не родятся въ ней былыя грезы!...
Посмотрѣлъ на вѣтку вѣтеръ съ тихимъ смѣхомъ,
Много-ль въ ней осталось играмъ и потѣхамъ?

И порхнулъ онъ снова по полямъ и чащамъ,
Отъ росы хрустальной юнымъ и блестящимъ.
То въ густыхъ вершинахъ смѣло забушуетъ.
То младыя вѣтки ласково цѣлуетъ,
И твердитъ, небрежно листьями играя:
Полюби скитальца, вѣтка молодая!".

А. Турскій.

Путникъ.

По бѣломраморнымъ ступенямъ
Царевна сходитъ въ тихій садъ—
Понѣжитъ грудь огнемъ осеннимъ,
Сквозной листвой понѣжитъ взглядъ.
Она аллеей къ степи сходитъ,
Съ ней эѳіопскіе рабы,
И солнце острый лучъ наводитъ
На ихъ лоснящіеся лбы.
Гдѣ у границъ безводной степи,
Замкнувъ предѣлъ цвѣтовъ и влагъ,
Стоятъ столбы и дремлютъ цѣпи,—
Царевна задержала шагъ.
Лепечутъ пальмы; шумъ фонтанный
Такъ радостенъ издалека,
И вѣтеръ, весь благоуханный,
Летитъ въ пустыню съ цвѣтника.
Царевна смотритъ въ дѣтской дрожи,
Въ ея большихъ очахъ—слеза.
Красивый юноша-прохожій
Простерся тамъ, закрывъ глаза.
На немъ хитонъ простой и грубый,
У ногъ дорожная клюка.
Его запекшіяся губы
Скривила жажда и тоска.

Зоветъ царевна: „Братъ безвѣстный,
Приди ко мнѣ, сюда, сюда!
Вотъ здѣсь плоды въ корзинѣ тѣсной,
Вино и горная вода.
Я уведу тебя къ фонтанамъ,
Рабыни умастятъ тебя.
Въ моемъ покоѣ златотканномъ
Къ тебѣ я припаду, любя“.
И путникъ, взоръ поднявъ неспѣшно,
Глядитъ, какъ царь, на дочь царя.
Она—прекрасна и безгрѣшна,
Она—какъ юная заря.
Но онъ въ отвѣтъ: „Сойди за цѣпи,
И кубокъ мнѣ сама подай!“
Закрылъ глаза бѣднякъ изъ степи,
Фонтаны бьютъ. Лепечетъ рай.
Блѣднѣетъ и дрожитъ царевна.
Лежатъ невольники у ногъ.
Она растерянно и гнѣвно
Бросаетъ кубокъ на песокъ.
Идетъ къ дворцу аллеей сада.
Съ ней эѳіопскіе рабы...
И смѣхъ чуть слышенъ за оградой,
Гдѣ степь, и цѣпи, и столбы.

В. Брюсовъ.

Молитва.

Она передъ иконой стояла святою:
Скрестилися руки, уста шевелились;
Изъ глазъ ея слезы одна за другою
По блѣднымъ щекамъ жемчугами катились,
Она повторяла все чье-то названье,
И взоръ озарялся молитвеннымъ свѣтомъ
И было такъ много любви и страданья,
Такъ мало надежды въ моленіи этомъ!

Она преклонилась и долго лежала,
Прильнувъ головою къ землѣ безотвѣтной.
Какъ будто въ томленьи нѣмомъ ожидала,
Что голосъ надъ нею раздастся привѣтный.
Но было все тихо въ молчаніи ночи,
Лампада мерцала во мракѣ тревожномъ,
И скорбно смотрѣли Спасителя очи
На ту, что съ моленьемъ пришла невозможнымъ.

А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Ледяная дѣва.

(Изъ норвежскихъ сказокъ).

Зимняя ночь холодна и темна.
Словно застыла въ морозѣ луна,
Буря то плачетъ, то злобно шипитъ,
Снѣжныя тучи надъ кровлей крутитъ.
Въ хижинѣ тѣсной надъ сыномъ больнымъ
Мать наклонилась и шепчется съ нимъ.

Сынъ.

Матушка, тяжкимъ забылся я сномъ...
Кто это плачетъ и стонетъ кругомъ?
Матушка, слышишь, какъ буря шумитъ?
Адское пламя мнѣ очи слѣпитъ.

Мать.

Полно, мой сынъ, то не ада лучи,—
Сучья березы пылаютъ въ печи.
Что намъ за дѣло, что буря грозна?
Въ хижину къ намъ не ворвется она.

Сынъ.

Матушка, слушай! недолго мнѣ жить,—
Душу хочу предъ тобою открыть.
Помнишь: ты слышала прошлой зимой,
Какъ заблудился я въ чащѣ лѣсной?

Долго я шелъ, утихала мятель,
Вижу—поляна, знакомая ель;
Юная дѣва подъ елью стоитъ,
Манитъ рукою и словно дрожитъ.
„Юноша,—шепчетъ она,—подойди,
„Душу согрѣй у меня на груди“...
Я обомлѣлъ предъ ея красотой,—
Я красоты и не видѣлъ такой:
Стройная, свѣтлая, ласковый взглядъ,
Очи куда-то глубоко глядятъ,
Бѣлыя ризы пушистой волной
Падаютъ, ярко блестя подъ луной...
Дрогнуло сердце, почуя любовь,
Страстью невѣдомой вспыхнула кровь.
Все позабылъ я въ тотъ мигъ роковой.
Даже не вспомнилъ молитвы святой...
Цѣлую зиму, лишь ночь посвѣтлѣй,
Я приходилъ на свиданіе къ ней
И до утра, пока мѣсяцъ сіялъ,
Блѣдныя руки ея цѣловалъ.
Разъ, въ упоеніи, полный огня,
Я говорю ей: „Ты любишь меня?“
—„Нѣтъ,—говоритъ,—я правдива, не лгу:
„Я полюбить не хочу, не могу:
„Тщетной надеждой себя не губи,
„Но, если хочешь, меня полюби“.
Жестокое слово кольнуло ножемъ...
Скоро, безумецъ, забылъ я о немъ.
Въ бурю не разъ, весела и грозна,
Странныя пѣсни пѣвала она:
Все о какой-то полярной странѣ,
Гдѣ не мечтаютъ о завтрашнемъ днѣ,
Нѣтъ ни заботъ, ни огня, ни воды,—
Вѣчное счастье и вѣчные льды.
Чѣмъ становилося время теплѣй,
Тѣмъ эта пѣсня звучала грустнѣй;
Въ день, какъ растаялъ на кровлѣ снѣжокъ,
Я ужъ найти моей милой не могъ.

Много тебѣ со мной плакать пришлось!
Лѣто безжизненнымъ сномъ пронеслось;
Съ радостью, вамъ не понятной, смѣшной,
Слушалъ я вѣтра осенняго вой;
Жадно слѣдилъ я, какъ стыла земля,
Рощи желтѣли; пустѣли поля,
Какъ изстрадавшійся листъ опадалъ,
Какъ его медленно дождь побивалъ,
Какъ нашъ ручей затянулся во льду...
Разъ на поляну я тихо иду,
Смутно надежду въ душѣ затая...
Вижу: стоитъ дорогая моя,
Стройная, свѣтлая, ласковый взглядъ,
Очи глубоко, глубоко глядятъ...
Съ трепетомъ я на колѣни упалъ,
Все разсказалъ, какъ томился и ждалъ,
Какъ моя жизнь только ею полна...
Но равнодушно смотрѣла она:
„Что мнѣ въ твоихъ безразсудныхъ мечтахъ?
„Въ томъ, что ты блѣденъ, и желтъ, и зачахъ?
„Жалкій безумецъ! Со смертью въ крови
„Все еще ждешь ты какой-то любви!“
— „Нѣтъ!—говоритъ, — я правдива, не лгу:
„Я ни любить, ни жалѣть не могу!“
Преобразились черты ея вмигъ:
Холодомъ смерти повѣяло въ нихъ.
Бросивъ мнѣ полный презрѣнія взоръ,
Скрылась со смѣхомъ она... Съ этихъ поръ
Я и не помню, что было со мной!
Помню лишь взоръ безпощадный, нѣмой,
Жегшій меня на яву и во снѣ.
Мучившій душу въ ночной тишинѣ...
Вотъ и теперь, посмотри, оглянись...
Это она! ея очи впились,
Въ душу вливаютъ смятенье и страхъ,
Злая усмѣшка скользитъ на губахъ.

Мать.

Сынъ мой, то призракъ: не бойся его!

Здѣсь, въ этой хижинѣ, нѣтъ никого.
Сядь, какъ бывало, и слезъ не таи,
Я уврачую всѣ раны твои.

Сынъ.

Матушка, прежній мой пламень потухъ:
Самъ я сталъ холоденъ, самъ я сталъ сухъ.
Лучше уйди, не ласкай меня, мать!
Ласки тебѣ я не въ силахъ отдать.

Мать.

Сынъ мой, я жестокое слово прощу,
Злобнымъ упрекомъ тебя не смущу,—
Что мнѣ въ объятьяхъ и ласкахъ твоихъ?
Матери сердце тепло и безъ нихъ.

Сынъ.

Матушка, смерть ужъ въ окошко стучитъ..
Душу одно лишь желанье томитъ.
Въ этотъ послѣдній и горестный часъ
Встрѣтить ее хоть одинъ еще разъ,
Чтобы подъ звукъ нашихъ пѣсенъ былыхъ
Таять въ объятьяхъ ея ледяныхъ!
Смолкла бесѣда... Со стономъ глухимъ
Сынъ повалился. Лежитъ недвижимъ.
Тихо дыханье, какъ будто заснулъ...
Длинную пѣсню сверчокъ затянулъ.
Молится старая, шепчетъ, не спитъ...
Буря то плачетъ, то злобно шипитъ,
Воетъ, въ замерзшее рвется стекло...
Словно ей жаль, что въ избушкѣ тепло,
Словно досадно ей, вѣдьмѣ лихой,
Что не кончается долго больной,
Что надъ постелью, гдѣ бѣдный лежитъ,
Матери сердце надеждой дрожитъ...

А. Н. Апухтинъ.

Рабыня.

„Нѣтъ милосердія рабамъ!
А ты раба—раба нѣмая.
Подайте бичъ!“ Къ его ногамъ
Она склонилася, рыдая.
Давно-ль онъ жадно лобызалъ
Твои тоскующія очи,
И перси дивныя ласкалъ,
И страстнымъ трепетомъ искалъ
Тебя во мракѣ знойной ночи!
Увы, поблекли тѣ цвѣты,
Тотъ лугъ увялъ, гдѣ, замирая,
На зовъ его склонилась ты,
Еще любви не понимая.
Царица новая вошла
Въ его роскошные чертоги,
И ты покинута была,
Какъ желтый листъ въ пыли дороги!
„Нѣтъ милосердія рабамъ,
А ты раба—раба нѣмая.
Подайте бичъ! Къ его ногамъ
Она склонилася, рыдая.
И бичъ надъ ней взвился змѣей
И впился въ тѣло молодое!..
Зачѣмъ надъ этою страной
Ты, небо вѣчно голубое,
Сіяешь дѣвственной красой?...
Буди насъ бѣшеной грозой,
Яви свой гнѣвъ,—огнемъ объятый,
Пади карающей стрѣлой
На юдоль рабства и разврата!
Ея сады, поля, лѣса,
Завѣй пустынными песками,
Твори, какъ древле, чудеса,
Виси, какъ мечъ, надъ палачами!...

В. Немировичъ-Данченко.

Розы.

(Изъ лѣтняго альбома).

Въ разсвѣтномъ туманѣ стоятъ острова;
Скрывается море за сѣрою далью;
Несетъ къ нему гордыя воды Нева,
Сверкая то чернью, то жидкою сталью.
Какъ сторожъ суровый и вѣрный, гранитъ
Красавицу-рѣку безмолвно хранитъ.
И только съ далекаго моря, свободный,
Бушуетъ и рветъ ее вѣтеръ холодный;
Все мрачные, сѣрые всюду тона;
Блестящая звѣздами, ночь—холодна.
Деревья шумятъ своей темной листвою
Съ какою-то тайной тоской роковою,
А длинныя, черныя крылья тѣней
Отъ звѣзднаго свѣта чернѣй и страшнѣй.
Не спитъ еще городъ, — и мчатся коляски,
Спѣша уносить за четою чету.
Смѣхъ, говоръ, слова беззастѣнчивой ласки
Звучатъ въ этотъ утренній часъ на мосту;
Усталыя лица... небрежныя позы...
Пресыщенность позднихъ ночныхъ кутежей...
А рядомъ вдругъ—голосъ:
— „Душистыя розы!
Вотъ розы! Вы розъ не найдете свѣжѣй!“...
То жалкій бѣднякъ, озираясь съ опаской,
Тревожно и долго бѣжитъ за коляской,
Стремясь обогнать поворотъ колеса;
Охрипъ, весь оборванъ, прикрытъ еле-еле,
Лохмотья на тощемъ, продрогнувшемъ тѣлѣ.
Въ глазахъ—выраженье голоднаго пса;
А въ грязныхъ рукахъ его свѣжія розы,
Съ улыбкой своей безсознательной грезы!..
— Не въ пышныхъ садахъ благодатной земли,
Италіи свѣтлой, тѣ розы цвѣли,
Не роскоши дерзкой Нероновскихъ оргій
Онѣ въ упоеньи вѣнчали восторги:

На сѣверѣ бѣдномъ взростали цвѣты;
Въ позорныхъ и пестрыхъ притонахъ разгула
Мгновеньемъ ихъ юная свѣжесть мелькнула...
Тамъ къ стройнымъ ногамъ покупной красоты
Несла ихъ толпа раболѣпною данью,
Покорна грѣха и позора созданью.
Свое отыграли—и брошены прочь.
Бѣднякъ подобралъ ихъ подъ страхомъ угрозы,
И такъ простоитъ онъ до утра всю ночь,
Взывая напрасно:

— Душистыя розы!

Купите, вотъ розы, вотъ свѣжія розы!..
Я помню—однажды—преданье прочла:
„Въ Тюрингіи гдѣ-то графиня жила.
Какъ ангелъ прекрасна, добра и свѣтла.
Небесная кротость! Само состраданье!..
Судьба наградила святое созданье
Супругомъ, подобнымъ исчадію зла.
Однажды графиня,—гласило преданье,—
Несчастнымъ голоднымъ несла подаянье
Тайкомъ отъ жестокаго графа, какъ вдругъ—
О, ужасъ—ей встрѣтился грозный супругъ!
— Что вижу? Нарушивъ мои запрещенья,
Ты снова подачки несешь бѣднякамъ?
Скорѣй покажи мнѣ, что прячешь ты тамъ?
И если то хлѣбъ, такъ не будетъ прощенья
Своею свободой поплатишься ты!
— Цвѣты! — прошептала бѣдняжка въ смущеньи...
— Давай-ка... взгляну я на эти цвѣты!
И что-же? Увидѣлъ Господь ея слезы,
И хлѣбъ превратилъ Онъ въ душистыя розы“.
Всевышній, на трудномъ житейскомъ пути
Когда-то помогшій прекрасной графинѣ,
Скорѣй сотвори-жъ свое чудо и нынѣ—
И розы ты въ хлѣбъ бѣдняку преврати!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Артистка ТИНА ДИ-ЛОРЕНЦО.

Въ лунную ночь.

Полночный мракъ... Лишь луннымъ свѣтомъ
Въ моей тюрьмѣ озарена
Съ ночного неба теплымъ лѣтомъ
Рѣшетка узкаго окна.
О, сколько разъ, во дни былого,
Въ иные дни съ закатомъ дня,
Вотъ также съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Я былъ дитя. Вскочивъ съ кроватки,
Прижавшись къ нянѣ въ поздній часъ,
Я слушалъ, словно въ лихорадкѣ,
О Змѣй-Горынычѣ разсказъ.
Все въ чудной сказкѣ было ново!..
А въ дѣтской темно... нѣтъ огня...
И также съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Я помню ночь: всѣ въ домѣ спали;
Лишь мы въ аллеѣ, милый другъ,
Какъ дѣти, трепетно дрожали
За каждый шелестъ, каждый звукъ...
Руки пожатье... полуслово...
И мягкимъ свѣтомъ осѣня,
Вотъ также съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Осенній вечеръ. Тускло зала
Озарена... А впереди,
Въ гробу въ цвѣтахъ она лежала,—
Сложивши руки на груди.
Въ углу отъ горя рокового
Рыдалъ я, жизнь свою кляня...
И также съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Метель... Сугробы... съ дикимъ воемъ
Вокругъ меня стонала степь...
Я шелъ закованный, съ конвоемъ...
Въ ногахъ звучала мѣрно цѣпь...

Повсюду снѣгъ блестѣлъ... И снова,
Какъ будто путника виня,
Вотъ также съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Свидѣтель жизни неудачной,
Ты ненавистна мнѣ, луна!
Такъ не смотри-жъ въ мой уголъ мрачный
Сквозь раму тусклаго окна,
И не буди того тревожно,
Что улеглось во мнѣ давно...
Пусть лучше въ небѣ будетъ темно,
Какъ на душѣ моей темно!

Д. Д. Минаевъ.

Египетскія ночи.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ,
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу;
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивной головой...
И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
„Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вамъ купить...
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою“?

Рекла—и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца—
Она смущенный ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица.
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.
Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый—Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья—
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.—
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно оттѣнялъ,
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердце молодомъ...
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.
„Клянусь... о матерь наслажденій!

Тебѣ неслыханно служу;
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грознаго Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь,—подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!"
И вотъ, уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій фиміамъ,
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ;
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое.

. . . . . .

А. С. Пушкинъ.

Безъ любви.

(На мотивъ Теодора Штормана).

Я вѣрила ласкамъ твоимъ, какъ святынѣ,
Мечтала въ нихъ правду найти—
И все поняла я,—не вѣрю отнынѣ,
Не надо объятій—пусти...

Ты думалъ, желаньемъ минутнымъ волнуемъ,
Что сердце подъ ласкою спитъ.
И ты—ты шутилъ, не любя, поцѣлуемъ,
Но этого Богъ не проститъ:
Богъ видитъ неправду: мнѣ страшны объятья,
Въ нихъ—сердце сжигающій ядъ...
Мой ангелъ въ слезахъ: на устахъ, какъ проклятья,
Твои поцѣлуи горятъ.
Уйди—ты узнаешь мученія вскорѣ,
Знай—совѣсть тебя истомитъ...
Меня не любя, цѣловалъ ты на горе...
И этого Богъ не проститъ!
Любви поцѣлуй передъ богомъ святится,
Любви поцѣлуй—благодать,
Когда въ немъ любовь можетъ съ правдою слиться
Но грѣхъ—безъ любви цѣловать.
Уйди!.. Измѣнить мнѣ былого нѣтъ силы,
А сердце тоскуетъ, болитъ...
Меня, не любя, цѣловалъ ты, . о, милый,
Пусть Богъ тебѣ грѣхъ твой проститъ!

М. Гербановскій.

Дочери горя.

Мы—дочери горя, мы блѣдныя тѣни,
Мы часто проходимъ на вашемъ пути;
Сторонимся робко, боясь подойти,
Но въ храмѣ мы входимъ на тѣ-же ступени.
Мы—дочери горя, рабы нищеты;
Пусть солнце сіяетъ съ весенняго неба,
Пусть пышно кругомъ расцвѣтаютъ цвѣты,
Мы мимо проходимъ; намъ хлѣба! намъ хлѣба.
Другимъ—наслажденій и славы вѣнецъ,
Пиръ юности свѣтлой, мечтами богатой...

Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала — конецъ,

* * *

Зачѣмъ мы живемъ? Для чего существуемъ?
Зачѣмъ намъ и мысли и чувства даны?
Зачѣмъ иногда наши юные сны
Любовь обжигаетъ своимъ поцѣлуемъ?
Ужасна борьба увлеченныхъ сердецъ;
Мы купимъ мигъ счастья тяжелою платой...
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала — конецъ!

* * *

О, бѣдныя дѣти! Ихъ лучшіе годы
Не знаютъ блаженства, не знаютъ свободы
Въ погонѣ за хлѣбомъ всегда и всегда,
Ихъ матери—ясная нѣжность чужда.
И часто ихъ смерть не бываетъ утратой
Для горемъ и зломъ ужъ забитыхъ сердецъ...
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала — конецъ!

* * *

Деревья, и камни, и тучи—свободны!
Покой имъ дарованъ велѣньемъ судьбы
А мы... рождены мы для вѣчной борьбы,
Но наши усилья напрасны, безплодны!
Труда мы хотимъ?—Нѣтъ страшнѣе труда,
Какъ трудъ отыскать, если душитъ нужда!
И мы надрываемъ послѣднія силы,
Мы рвемся впередъ, чтобъ дойти до могилы.
За что эту жизнь ниспослалъ намъ Творецъ?
За что, за чей грѣхъ она служитъ расплатой?
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала — конецъ!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Двѣ сестры милосердія.

(Изъ Беранже).

У стопъ Аллы, въ предсѣньи рая,
Сошлась отшельница младая
Съ альмэ, плясуньей площадной,
Гаремовъ жрицею нѣмой;
Онѣ къ пресвѣтлой райской двери
Предстали, кончивъ дни свои,
Одна на легкихъ крыльяхъ пери,
Другая на крылахъ любви.
Изъ устъ привратника имама
Слова обычныя селяма
Онѣ прослушали... Потомъ,
Склонясь нахмуреннымъ челомъ:
„Всякъ человѣкъ корану слѣдуй!“
Сказалъ имамъ: „иль будь во тьмѣ,
Иль жизнь пророку исповѣдуй!“
И улыбнулся онъ альмэ.
„Въ дворцахъ и въ хижинахъ“,—сказала
Отшельница:—„я проливала
На раны страждущихъ людей
Медъ и цѣлительный елей“.
— Я всѣ серали покорила,—
Альмэ сказала старику—
Но часто-часто подносила
Шербетъ султана бѣдняку.
„Иманъ!“—отшельница гласила:
Я поучала, что могила—
Всѣмъ пристань на земномъ пути,
Что должно къ ней одной идти:“
—Имамъ! ты вѣдалъ сладострастье?
Альмэ спросила.—Можетъ быть,
Со мною вѣрили и въ счастье:
Я заставляла жизнь любить.
„Я именемъ Аллы просила
Для нищихъ братій“,—говорила
Раба пророка:—и Творца

Благословляли ихъ сердца"...
— А я,—пророкъ мнѣ будь свидѣтель,—
Альмэ сказала:—я порой
Спасала честь и добродѣтель
Моею ласкою одной.
„Войди, войди, чета младая!
— Имъ отвѣчалъ придверникъ рая—
Обѣихъ васъ любовь вела —
И васъ зоветъ къ себѣ Алла,
Всегда того принять готовый,
Кто осушилъ хоть каплю слезъ,—
Носилъ-ли онъ вѣнокъ терновый,
Носилъ-ли онъ вѣнокъ изъ розъ".

Л. А. Мей.

Бѣлое покрывало.

Позорной казни обреченный,
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ;
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ; гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межъ рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ,
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ,
И къ петлѣ присужденъ врагами.
Едва двадцатая весна
Настала для него—и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна.
Больному сердцу въ ней отрада!
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться.
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ.

По утру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: „Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно,
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою!
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать, какъ листъ, придется мнѣ".
Мать говорила, утѣшая:
„Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду, рыдая,
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ...
И въ утра часъ, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни на балконѣ.
Коль въ черномъ платьѣ буду я,
Знай—неизбѣжна смерть твоя...
Неправда-ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
Пойдешь навстрѣчу ты судьбѣ?..
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ?
Но если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай—вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами—
Не бойся, не дрожи, родной!"
И графу тихо, мирно спится,
И до утра онъ будетъ спать...
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится.

II.

Гудитъ набатъ; бѣжитъ народъ...
И тихо улицей идетъ,

Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настежь: сколько глазъ
Его слезами провожаютъ.
И сколько женскихъ рукъ бросаютъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ на площадь онъ глядитъ:
Тамъ, на балконѣ, мать стоитъ
Спокойно, въ покрывалѣ бѣломъ.
И заиграло сердце въ немъ!
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ... съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на помостъ съ палачемъ...
И ясенъ къ петлѣ поднимался,
И въ самой петлѣ улыбался.
Зачѣмъ-же въ бѣломъ мать была?
О, ложь святая!... Такъ могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью.

М. Михайловъ.

Яблоня.

Полная силъ, ароматная, нѣжная,
Яблоня въ нашемъ саду расцвѣла;
Словно невѣста, фатой бѣлоснѣжною
Скромно покрылась и ласки ждала.
Снились ей солнца лобзанія знойныя,
Душная ночь... тишина... соловей...
Грезы неясныя, сны безпокойные
Тихо кружились, витали надъ ней...
Вдругъ, помавая крылами могучими
Вѣтеръ, соперникъ ревнивый и злой,
Небо задернулъ свинцовыми тучами,
Чтобъ не пробрался къ ней лучъ золотой.
Пѣлъ онъ красавицѣ пѣсни побѣдныя,

Бѣшено плакалъ, метался, молилъ
И лепестки ароматные, блѣдные
Съ хохотомъ злобнымъ срывалъ и кружилъ.
—Будешь моею! Шепталъ, задыхаяся,
Стану я нѣженъ, какъ юный зефиръ,
Буду я пѣть тебѣ, тихо ласкаяся,
Сказки про чудный, плѣнительный міръ...
Я пролетаю равнины безводныя,
Пышныя нивы, пространства морей;
Южныя страны и страны холодныя
Я покажу тебѣ въ пѣснѣ своей!
Я принесу тебѣ сны лучезарные,
Бабочекъ пестрыхъ, прохладу степей,
Небо и воды, и тучи янтарныя
Будутъ завидовать милой моей!
Громче и громче мольба разросталася,
Яблоню звуки томили и жгли,
Ниже и ниже она наклонялася.
Полная нѣги, до самой земли...
Ночь протекла безпокойная, бурная...
Къ утру порывистый вѣтеръ утихъ.
Тучи умчались, и небо лазурное
Кротко сіяло въ лучахъ золотыхъ,
Птичка въ кустахъ шаловливо смѣялася,
Все отдыхало подъ лаской лучей...
Стройная яблоня только сломалася.
Слезы-росинки дрожали на ней...

С. В. Потресовъ.

На улицѣ.

На снѣгу ты лежишь неподвижная.
Разметалися косы кругомъ
И застыла тоска непостижная
На лицѣ посинѣвшемъ твоемъ...
Прямо въ небо глядятъ безмятежное
Не смыкаяся, очи твои...

Въ нихъ сквозитъ безконечное, нѣжное
Выраженіе скорбной любви...
Какъ погибла ты, жертва несчастная,
За кого отдала ты себя,
Въ это утро морозное, ясное,
Безпросвѣтную жизнь загубя?
Нищета-ль истомила глубокая,
Или общества злой приговоръ,
И на смерть ты пошла одинокая,
Пережить не могла ты позоръ?
Ты молчишь... Суетливая, праздная,
Собралася толпа... Надъ тобой
Какъ растетъ клевета безобразная;
Подымается говоръ глухой.
Полицейскій руками нечистыми
Поднялъ дивныя пряди волосъ;
Ихъ цвѣтами убралъ серебристыми.
Какъ фатою вѣнчальной, морозъ.
И лежишь ты невѣстой печальною
На постели твоей снѣговой,
Поражая красой идеальною,
Бездыханною, мертвой красой...
Успокоилась ты, одинокая!
Пусть кругомъ говорятъ и шумятъ,—
Не смыкаяся, въ небо высокое
Прямо гордыя очи глядятъ...

В. И. Немировичъ-Данченко.

Пустая церковь.

Вечерня отошла, послѣдній возгласъ клира
Замолкъ подъ сводами, волнуется народъ,
Молитва кончена, и снова голосъ мира
Въ растворенную дверь дѣтей своихъ зоветъ.
Покорная ему, спѣшитъ толпа густая—
Тѣ къ отдыху, домой, а тѣ—къ ночнымъ
трудамъ.

Кто—набожно крестясь, кто—нищихъ одѣляя,
Народъ расходится, пустѣетъ Божій храмъ.
Пустѣетъ... только тамъ старушка у иконы,
Да дряхлый инвалидъ осталися одни,
И тѣ, спѣша уйти, послѣдніе поклоны
Творятъ размашисто; вотъ вышли и они.
За ними вслѣдъ прошелъ священникъ торопливо,
И звукъ его шаговъ, на каменномъ полу,
Замолкъ на паперти, и сторожъ молчаливый
Лампады потушилъ и тихо сѣлъ въ углу.
Послѣдній солнца лучъ, въ окошко проникая,
Скользитъ и движется по стѣнамъ и столбамъ,
И лики темные, какъ будто оживая,
Глядятъ таинственно, являясь тутъ и тамъ.
Порой блеснетъ окладъ, мелькнетъ рѣзная рама,
Иль сцены библіей завѣщанныхъ картинъ;
Кругомъ и полумракъ, и тишь пустого храма...
Вотъ сторожъ задремалъ. Теперь я здѣсь одинъ.
Одинъ... нѣтъ, не одинъ... Мнѣ слышится рыданье,
Здѣсь горе и печаль, здѣсь люди быть должны;
Еще здѣсь кто-то ждалъ, тая въ груди страданье,
Уединенія, безлюдья, тишины.
Ищу, кто-бъ это былъ? Чье горе, укрываясь
Пришло наединѣ излиться предъ Творцомъ?
Вотъ группа... женщина, слезами заливаясь,
Съ малютками дѣтьми склонилась предъ крестомъ.
Невидимъ за столбомъ, я вижу ихъ свободно.
Бѣдняжка думаетъ, что здѣсь она одна,
И, предъ Распятіемъ припавъ къ плитѣ холодной,
Рыдаетъ, жаркою мольбой поглощена,
Какъ будто хочетъ все, весь гнетъ сердечной боли,
Въ ней вылить изъ души растерзанной своей.
Малютки—старшему девятый годъ, не болѣ—
Сробѣли, бѣдные и плачутъ вмѣстѣ съ ней,
Сынишка, къ матери припавъ и обнимая,
„Не плачь, мамашенька",—ей нѣжно говорилъ:
„Скажи мнѣ, кто тебя обидѣть могъ, родная?
„Скажи, я заступлюсь, Господь пошлетъ мнѣ силъ"...

И гнѣвомъ и мольбой горятъ его глазенки,
И судорожно сжатъ безвредный кулачекъ
А рядомъ дѣвочка, сложивъ свои рученки,
Глядитъ сквозь слезъ на мать, и дѣтскій голосокъ
Лепечетъ: „Господи! Утѣшь ее, мамашу,
Я буду умница, не стану я грѣшить,
Тебѣ вѣдь можно все,—верни скорѣй папашу,
Чтобы не плакать намъ и въ черномъ не ходить".
И группу скорбную какъ будто осѣняя,
Воздвиглося надъ ней Распятье въ высотѣ;
И, къ плачущимъ съ него объятья простирая,
Склонился Праведникъ, распятый на крестѣ;
Забывъ о собственномъ страданіи суровомъ,
Покрытый язвами и кровію облитъ,
Склонилъ Онъ блѣдный ликъ въ вѣнкѣ
Своемъ терновомъ.
И, полный благости, съ любовію глядитъ.
Случайно освѣщенъ въ тотъ мигъ лучемъ заката,
Онъ, мнится, говоритъ имъ взглядомъ
кроткихъ глазъ:
„Идите всѣ ко Мнѣ, кого гнететъ утрата,
„Ко Мнѣ, скорбящіе, Я успокою васъ!"

М. П. Розенгеймъ.

Письмо.

Дышала ночь восторгомъ сладострастья..
Неясныхъ думъ и трепета полна,
Я васъ ждала съ безумной жаждой счастья,
Я васъ ждала и млѣла у окна.
Нашъ уголокъ я убрала цвѣтами,
Къ вамъ одному неслись мечты мои,
Мгновенья мнѣ казалися часами...
Я васъ ждала; но вы... вы не пришли,

Въ окно вливался ароматъ сирени,
Въ лучахъ луны дремалъ заглохшій садъ,
Дрожа мерцали трепетныя тѣни,
Съ надеждой въ даль я устремляла взглядъ;
Меня томилъ горячій воздухъ ночи,
Она меня, какъ поцѣлуй вашъ, жгла,
Я не могла сомкнуть въ волненьи очи,—
Но вы не шли... А я васъ такъ ждала.
Вдругъ соловоей защелкалъ надъ куртиной,
Притихла ночь, въ молчаніи застывъ,
И этотъ рокотъ трели соловьиной
Будилъ въ душѣ таинственный призывъ.
Призывъ туда, гдѣ счастіе возможно
Безъ этой лжи, безъ пошлой суеты,
И поняла я сердцемъ, какъ ничтожна
Моя любовь,—дитя больной мечты.
Я поняла, что счастіе не въ ласкахъ
Грѣховныхъ сновъ съ возлюбленнымъ моимъ,
Что этотъ міръ разсѣется, какъ въ сказкахъ
Завѣтныхъ чаръ завороженный дымъ,
Что есть другое, высшее блаженство,—
Имъ эта ночь таинственно полна,—
Въ немъ чистота, отрада, совершенство,
Въ немъ утѣшенье, миръ и тишина.
Мнѣ эта ночь навѣяла сомнѣнье...
И, вся въ слезахъ, задумалася я,
И вотъ теперь скажу безъ сожалѣнья:
„Я не для васъ, а вы не для меня!“
Любовь сильна не страстью поцѣлуя!
Другой любви вы дать мнѣ не могли...
О, какъ же васъ теперь благодарю я,
За то, что вы на зовъ мой не пришли!

В. Мазуркевичъ.

САРА БЕРНАРЪ.

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Долго ночью вчера я заснуть не могла.
Я вставала, окно растворяла...
Ночь нѣмая меня и томила, и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла.
Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась, шумя, занавѣска,—
И влетѣлъ ко мнѣ юноша, свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска,
Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись;
Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились..
Чудный гость подходилъ все къ постели моей;
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
„Отчего предо мною въ подушку скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой?
Оглянися,—я богъ; богъ видѣній и грезъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы,
Чудныхъ грезъ, чудныхъ сновъ для тебя я принесъ,
Для тебя, для моей королевы!“...
Говорилъ—и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами.
Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ушахъ: „ты моя, ты моя!“
Точно арфы далекіе звуки.
Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой ужъ былъ облитъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

А. Майковъ.

Изъ женскихъ писемъ.

Простите мой порывъ! Быть можетъ... О, конечно;
Сердясь, промолвите брезгливо вы:—опять!
Да! да, мой милый другъ, я смѣю къ вамъ писать.—
Тамъ, гдѣ живете вы, такъ весело, безпечно.
Гдѣ за пирами дни несутся безъ заботъ,
Гдѣ мнится вамъ: какъ сонъ пройдетъ за годомъ годъ,
Гдѣ можете излить страстей своихъ избытокъ,—
Тамъ ваше счастіе.—А здѣсь, въ тиши глухой,
Блаженства „прѣснаго" вамъ опостылъ напитокъ,
Вамъ надобно любви и страсти не такой;
Отжившая душа не въ томъ находитъ радость,
Что я вамъ принесла, какъ лучшій сердца даръ.
Вамъ сладострастія необходима сладость,
Животной похоти сжигающій угаръ!
Не смѣйтесь надо мной, что я такъ безобразно.
Безстыдно говорю позорныя слова,—
Вѣдь вы—учитель мой! Но, съ вами мысля разно,
Предъ совѣстью своей чиста я и права.—
Какъ бабочка на свѣтъ, неопытный ребенокъ,
На жаркій вашъ призывъ отдалась вамъ любя...
Вы все шептали мнѣ:—„Я научу тебя
Любить по своему—мой вкусъ изященъ, тонокъ"...
И стали вы учить! Вы отворили дверь
Въ такую бездну мнѣ позора и паденья!
Вы погубили все, всѣ лучшія стремленья...
И вы пресытились теперь...
За то, что ты убилъ во мнѣ, что было свято—
Всѣ чувства чистыя, невинныя мечты,
И что меня вовлекъ въ свой темный міръ разврата,—
Мнѣ ненавистенъ ты!

Д. М. Ратгаузъ.

На городскомъ мосту.

Прохожій! спасите несчастную мать!
Я буду немногому рада:
Подайте отъ сердца, что можете дать...
„Работать, сказали вы,—надо!“
Я рада работать, какъ лошадь, весь день,
Работать, всю ночь до разсвѣта,—
Не даромъ смотрю я какъ призракъ, какъ тѣнь,
Съ того убѣжавшая свѣта.
Но въ щепку моя изхудавшая грудь,
Повисшія руки, какъ плети,
Вамъ скажутъ, что надо и мнѣ отдохнуть.
Въ холодной могилѣ... А дѣти?
Я такъ вотъ и слышу малютокъ моихъ,
Вникающихъ въ скорбную драму;
Я вижу, какъ ширятся глазки у нихъ,
Смотря на остывшую маму...
Но что же мнѣ дѣлать? вѣдь имъ не дадутъ
Питанья изсохшія груди;
А гдѣ же найду я по силамъ мнѣ трудъ?
Гдѣ сыщутся добрые люди?
Сегодня веселыя елки горятъ,
Всѣ окна сіяютъ огнями;
Мои же малютки голодныя спятъ,
Довольствуясь дѣтскими снами.
Я тоже, какъ будто стою въ полуснѣ
И вижу блестящіе круги...
Прохожій! Но гдѣ-жъ онъ?—иль чудилось мнѣ?
Иль, можетъ, спѣшилъ онъ къ супругѣ?
А! вотъ онъ подходитъ...—Ужъ это другой...
„Пойдемъ за хорошую плату
Со мной“,—вы сказали? О, Боже ты мой!
Вѣдь я не способна къ разврату;
И я ни къ чему не способна теперь...
Мнѣ хочется только забыться.
Открыть заповѣдную къ вѣчности дверь;
Я даже не въ силахъ молиться.

Молиться! Ужъ много безсонныхъ ночей
Прошу я защиты у неба,
Но съ этого царства холодныхъ лучей,
На землю не падаетъ хлѣба...
Все черныя мысли впиваются въ умъ
Мнѣ чудной какой-то отравой...
Какъ складко до уха донесся-бы шумъ
Теченья рѣки величавой!
Но холодъ, на зло, мнѣ сковалъ ее льдомъ.
Для бѣдныхъ вездѣ неудача...
Когда бы могла я пробить его лбомъ—
Рѣшилась бы мигомъ задача.
Тамъ славно, тамъ ждетъ меня вѣчная ночь,
Тамъ нѣтъ ужъ житейской заботы...
А дѣти-малютки?!... Несчастная! Прочь!
Работы мнѣ!.. Дайте работы!!..

И. Омулевскій.

Менестрель.

(Провансальская легенда).

Жилъ былъ менестрель въ провансальской землѣ,
Въ почетѣ онъ жилъ при самомъ королѣ,
Молчите, проклятыя струны!
Король былъ неровня другимъ королямъ:
Свой родъ возводилъ онъ къ безсмертнымъ богамъ.
Молчите, проклятыя струны!
И дочь онъ красавицу Берту имѣлъ!
Смотрѣлъ лишь на Берту пѣвецъ, когда пѣлъ...
Молчите, проклятыя струны!
Когда же онъ пѣлъ, то дрожала она,
То вспыхнетъ огнемъ, то какъ мраморъ блѣдна,
Молчите, проклятыя струны!
И самъ императоръ посватался къ ней...
Глядитъ менестрель все угрюмѣй и злѣй...
Молчите, проклятыя струны!

Данъ знакъ менестрелю, когда будетъ балъ,
Чтобъ въ темной аллеѣ у грота онъ ждалъ.
Молчите, проклятыя струны!
Что было, чью руку лобзалъ онъ въ слезахъ
И чей поцѣлуй у него на устахъ?...
Молчите, проклятыя струны!
Что Кесаря значитъ внезапный отъѣздъ,
Чей въ склепѣ фамильномъ стоитъ новый крестъ?
Молчите, проклятыя струны!
Погибъ менестрель, бѣдный вешній цвѣтокъ,
Король даже лютню разбилъ самъ и сжегъ,
Молчите, проклятыя струны!
И лютню онъ сжегъ, но ни грезы ни сонъ,
Вездѣ его лютни преслѣдовалъ звонъ.
Молчите, проклятыя струны!
И слышитъ: незримыя струны звучатъ
И страшныя снова слова говорятъ.
Молчите, проклятыя струны!
Не ѣстъ онъ, не пьетъ онъ, и ночи не спитъ,
Молчитъ, лишь порой, какъ безумный, кричитъ:
Молчите, проклятыя струны!

А. Майковъ.

Убаюкай меня.

(Изъ Филиціи Гименсъ).

Убаюкай, родная, больную меня,
Какъ баюкала, въ люлькѣ качая!
Мнѣ изнывшее сердце, родная,
Убаюкай, крестомъ осѣня!
Головой утомленной склонилась-бы я!
Засыпаетъ цвѣтокъ ночью темной.
Отдыхаетъ и странникъ бездомный...
Убаюкай, родная, меня!
Непогодой запугана птичка твоя...
Тяжела ты мнѣ, жизнь молодая!
И зачѣмъ я любила, родная?
Ахъ, баюкай, баюкай меня!

М. Л. Михайловъ.

Отцвѣло.

Перчатку въ юности она швырнуть посмѣла
И свѣту, и семьѣ; она презрѣть сумѣла
Приманку роскоши, тщеславья суету;
Съ избранникомъ души, убогимъ и гонимымъ,
Сильна созданіемъ добра непобѣдимымъ,
Она пошла на все—на скорбь и нищету!..
И годы потекли,—мучительные годы!
Въ тяжелые часы житейской непогоды
Не угасали въ ней ни правда, ни любовь—
И въ этомъ жизнь была, и въ этомъ было счастье!...
Но вотъ на склонѣ лѣтъ разсѣялось ненастье:
Богатство и почетъ судьба дала ей вновь...
И на закатѣ дня, родившагося въ тучахъ,
Дитя ея любви, дитя страданій жгучихъ,—
Сіяетъ дочь ея безоблачной красой!
Вся—вылитая мать: станъ горделиво стройный
Въ лазури глазъ—огонь рѣшимости спокойной,
И теменъ цвѣтъ кудрей, змѣящихся косой.
Но что съ ней, Боже, мой? Сверкаетъ залъ огнями,
Пѣвучій льется вальсъ, веселыми роями
Мелькаютъ, кружатся десятки юныхъ паръ,
Кругомъ веселье, шумъ...—Но съ дѣвушкой что сталось?!
Схватилась за сердце, блѣднѣя, зашаталась
И сѣла... Кто-жъ нанесъ незримый ей ударъ?
Въ томъ залѣ, гдѣ кипитъ все жизнью молодою,
Стоитъ развалина во фракѣ со звѣздою—
И съ матерью ея о чемъ-то говоритъ...
Мамаша польщена... глаза горятъ восторгомъ...
— И сердцемъ чуетъ дочь, съ какимъ постыднымъ торгомъ,
Съ какою тьмой борьба ей, свѣтлой, предстоитъ!..

Л. В. Величко

Мостъ вздоховъ.

(Изъ Томаса Гуда).

Вотъ еще одна жертва несчастная
Утомяся житейской борьбой,
Еще юная, нѣжно-прекрасная,
Такъ покончила рано съ собой!
Окажите усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе—
Прикасайтеся бережно къ ней!
Посмотрите на тѣло застывшее:
На немъ платье, какъ саванъ лежитъ,
И вода, этотъ трупъ напоившая,
Съ него капля-по-каплѣ бѣжитъ.
Не гнушайтеся тѣломъ безжизненнымъ,
Подымите его на рукахъ,
Не клеймя языкомъ укоризненнымъ
Этотъ бѣдный, истерзанный прахъ.
Не съ холодностью сердца жестокаго,
Не съ презрѣньемъ сухимъ на лицѣ,—
Но подумайте съ скорбью глубокою
Объ ея злополучномъ концѣ.
Позабудьте ея согрѣшенія:
Смертью смытъ ея жизни позоръ...
Пусть отнынѣ ея преступленія
Не коснется людской приговоръ!
Здѣсь не кстати упреки безплодные!
Позабудьте, простите вполнѣ—
И утрите ей губы холодныя:
Вязкой тиной покрыты онѣ.
Уберите ей косы прекрасныя,
Эти темныя волны кудрей,
Между тѣмъ какъ догадки напрасныя
Праздный людъ составляетъ о ней.
Кто она? Надъ печальной могилою
Слезы есть-ли кому проливать?
У ней были-ль родные иль милые,

Братья, сестры, отецъ или мать?
Иль другой кто-нибудь, еще болѣе
Близкій сердцу, чѣмъ домъ и семья,
Погорюетъ надъ грустною долею,
Надъ несчастной кончиной ея?
Нѣтъ!—обширна столица богатая
И толпой многолюдной полна;
Но, всѣмъ чуждая, точно проклятая,
Не имѣла пріюта она.
Тамъ, гдѣ въ черной рѣкѣ отражается
Слабый свѣтъ отъ вечернихъ огней,
И, дрожа, въ темной влагѣ купается
Дальній отблескъ ночныхъ фонарей,
И бушуетъ пучина глубокая,
Ударяя о берегъ волной,—
Тамъ, стояла она одинокая,
Безпріютная, ночью глухой.
Но ее эта ночь непроглядная
Не пугала ужъ тьмою своей,
Не пугала и арка громадная,
Ни холодная бездна подъ ней.
Смерть влекла ее съ страшною силою,
И тоска надрывала ей грудь...
Только-бъ съ жизнью покончить постылою,
Какъ-нибудь—все равно—какъ-нибудь!
И отважно, безъ слезъ, безъ раскаянья,
Она бросилась въ волны рѣки...
Кто пойметъ эту бездну отчаянья,
Этотъ адъ безнадежной тоски?!
Окажите-жъ усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе—
Прикасайтеся бережно къ ней!
Пока смерти рука леденящая
Не сковала ей членовъ нѣмыхъ,
Осторожно, съ заботой любящею
Распрямите, расправьте вы ихъ.
И закройте глаза ей стеклянные,

Что сквозь тьму и такъ слѣпо глядятъ,
Будто въ вѣчность вперивши туманную
Свой послѣдній отчаянный взглдъ.
Надоѣла ей жизнь безотрадная,
Преступленье позоръ впереди,
И жестокость людей безпощадная,
И тоска въ наболѣвшей груди...
Пусть, измучась житейскою битвою,
Она вѣчнымъ покоится сномъ!
И, какъ будто съ нѣмою молитвою,
Вы сложите ей руки крестомъ.
И простите ей съ кроткой любовью!
Вы не судьи! Судья у ней—Тотъ,
Кто своею божественной кровью
Искупилъ человѣческій родъ.

Д. Михаловскій.

Два мальчика.

На морѣ тихо, на солнышкѣ знойно,
Берегъ, какъ будто бы, дремлетъ спокойно;
Не шелохнутся на деревѣ вѣтки;
Лишь между камней, какъ малыя дѣтки,
Мелкія рѣзвыя волны играютъ,
Словно другъ друга шутя догоняютъ.
Къ морю купаться бѣжитъ цыганенокъ,
Смуглый, красивый, здоровый ребенокъ;
Такъ и горятъ воровскіе глазенки,
Смуглыя блещутъ на солнцѣ рученки,
Кинулся—поплылъ... Движенія смѣлы,
Точно изъ бронзы отлитое тѣло.
Славный мальчишка, хоть нищій, да вольный...
Съ берега смотритъ съ усмѣшкой довольной
Мать молодая въ лохмотьяхъ картинныхъ,
Глазомъ сверкая подъ массою длинныхъ
Взбитыхъ волосъ, незнакомыхъ съ гребенкой.
Съ гордостью смотритъ она на ребенка.
Съ гордостью шепчетъ: „Хорошъ мой галченокъ!

Я родила тебя, мой цыганенокъ!...“
Въ мягкой коляскѣ заморской работы
Возятъ вдоль берега жалкое что-то,
Блѣдное, вялое... Въ тонкихъ пеленкахъ,
Въ кружевѣ, въ лентахъ—подобье ребенка.
Личико блѣдное, все восковое,
Глазки усталые, тѣльце сквозное.
Видно, что смерть ужъ его приласкала—
Пѣсенку спѣла ему, закачала...
Онъ подъ вуалями спитъ, какъ въ туманѣ.
Рядомъ плыветъ въ парчевомъ сарафанѣ
Мамка-красавица, съ грудью продажной,
Бѣлой гусынею, плавно и важно,
Барыня знатная, мать молодая,
Ихъ провожаетъ, глубоко вздыхая.
Смотритъ въ колясочку взглядомъ печальнымъ,
Смотритъ на море... По волнамъ зеркальнымъ
Смѣлый мальчишка съ веселой улыбкой
Плаваетъ быстро, какъ рѣзвая рыбка.
Барыня знатная завистью тайной
Вся загорѣлась при встрѣчѣ случайной...
Думаетъ: „Боже мой, Боже Великій!
Вотъ вѣдь живетъ же звѣрекъ этотъ дикій...
Счастіе далъ Ты цыганкѣ косматой.
Нищая, нищая, какъ ты богата!“
„Жаль мнѣ васъ, барыня! Знаю,—вамъ больно,
Но вѣдь у васъ утѣшеній довольно...
Все у васъ есть, все что счастьемъ зовется;
Нищей, увы!—ничего не дается...
Только даны ей здоровыя дѣти;—
Изрѣдка есть справедливость на свѣтѣ!

А. П. Барыкова.

Въ послѣдній разъ.

(Изъ Вильяма Монтервелля).

Въ головѣ моей мозгъ хочетъ треснуть,
Кровью сердце мое истекло,
Измѣняютъ мнѣ ноги... О, Вилли!
Умереть, видно, время пришло.
Приложи свою руку мнѣ къ сердцу
И щекою приникни къ моей,
И скажи, ты меня не забудешь,
Даже тамъ, даже въ царствѣ тѣней?
О, къ чему утѣшать меня? Полно!
Пусть бѣснуется горе въ груди!
Только дай мнѣ наплакаться вволю;
На колѣни меня посади.
Дай обнять твою голову, Вилли,
Дай облить мнѣ слезами ее;
Дай потухшимъ глазамъ наглядѣться
На лицо дорогое твое!
Проклинаю тотъ день, какъ впервые
Образъ твой въ мою душу проникъ!
Рокового съ тобою свиданья
Проклинаю я сладостный мигъ!
И ту рощу, тотъ рай, гдѣ бывало
Не устанемъ всю ночь мы бродить,
И судьбу, что меня допустила
Безпредѣльно тебя полюбить!
О, прости мнѣ, мой милый! не слушай—
Я сказала тебѣ не въ укоръ!
Но вѣдь я такъ глубоко страдаю:
Вѣдь на долю мнѣ выпалъ позоръ!
Вижу,—градомъ внезапныя слезы
Изъ очей покатились твоихъ...
Но о чемъ же ты плачешь, скажи мнѣ?
О грѣхѣ-ль? о страданьяхъ людскихъ?
Опостылѣлъ мнѣ міръ этотъ, Вилли!
Я всѣхъ радостей стала чужда,
Чѣмъ была, не могу я остаться,
И женой мнѣ не быть никогда.

О, прижми мое сердце больное
Къ своему еще разъ, еще разъ...
Поцѣлуй эти впалыя щеки,
На которыхъ румянецъ погасъ!
Въ головѣ моей мозгъ хочетъ треснуть
Кровью сердце мое истекло...
Еще разъ передъ вѣчной разлукой
Я твое поцѣлую чело,
Еще разъ—и въ послѣдній, мой милый...
Подогнулись колѣни... прощай...
На кладбище, гдѣ буду лежать я,
Не ходи... надо мной не рыдай.
Этотъ жаворонокъ, звонкой пѣснью
Оглашающій воздухъ полей,
Цѣлый день будетъ пѣть, не смолкая,
Надъ могилою тихой моей.
Эта влажная зелень долины
Скроетъ бѣдное сердце мое,
Что любило тебя такъ безмѣрно,
Какъ тебя не полюбитъ ничье.

А. Плещеевъ.

— „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?“
— Она была прекрасна...
— „Любила-ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,
Надъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
Могла-ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньи никогда,
Съ твоими горячо-ль сливалися устами?

Въ тѣ ночи тайныя, когда-бъ застали васъ,
Достало-ли-бъ въ ней силъ, открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? на строгій судъ людей
Глядѣла-бъ-ли она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась-ли-бъ она любви своей позоромъ?...
Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
О, хороша она!.. и образъ ненавистной
Я вырвать не могу изъ памяти твоей!..“
— Ахъ, не брани ее! Глубоко, безкорыстно
Любили мы. Но вѣрь, ни разу, ни она.
Ни я, любви своей мы высказать не смѣли,
Она была со мной какъ будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли:
Лишь худо скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ,
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,
Угадывали мы душою смыслъ иной
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись: но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ: онъ требовалъ пощады...
Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...
— „И вы разсталися?“
— „Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли—должны мы были замолчать...
— „Любить! Молчать! И вы любили?!
Боже. Боже!..“

А. Н. Майковъ.

———

Любимыя куклы.

Двери отворили, рады ребятишки...
Елка вся огнями залита до вышки;
Елка—чудо-диво изъ волшебной сказки;
У счастливцевъ малыхъ разбѣжались глазки,
Прыгаютъ, смѣются, ушки на макушкѣ,
Мигомъ расхватали новыя игрушки.
Мальчикъ на лошадкѣ молодцомъ гарцуетъ
Въ киверѣ уланскомъ... Дѣвочка цѣлуетъ
Куклу изъ Парижа, очень дорогую,
Въ завитомъ шиньонѣ, модницу большую,
Съ синими глазами, шлейфомъ и лорнеткой
(Ну, точь въ точь, безъ лести, съ Невскаго кокеткой)
Обнимая куклу ручкой бѣлоснѣжной.
Дѣвочка ей шепчетъ въ поцѣлуѣ нѣжномъ,
„Лучше этой куклы въ свѣтѣ нѣтъ, конечно...
Ты моей любимой будешь вѣчно, вѣчно!“
Отъ большихъ, должно-быть, дѣвочка слыхала
Это слово: *вѣчно* и его сказала
Куклѣ парижанкѣ важно такъ и мило...
На ребенка съ куклой я гляжу уныло:
Жалко мнѣ чего-то стало вдругъ и больно...
О судьбѣ обѣихъ думалось невольно...
Дѣвочка и кукла! Ахъ, какъ вы похожи
Въ жизни ожидаетъ васъ одно и то же
Куколка франтиха! Предстоитъ вамъ горе,
Съ красотой своею вы проститесь вскорѣ:
Шелковое платье, сшитое въ Парижѣ,
И шиньонъ изящный, модный свѣтло рыжій,
Мигомъ все растреплетъ милая вострушка...
(Страшно и опасно въ свѣтѣ жить игрушкамъ).
На чердакъ васъ стащутъ съ головой пробитой—
Кукла-парижанка будетъ позабыта...
Дѣвочка-шалунья, въ золотыхъ кудряшкахъ!
Лѣтъ черезъ десятокъ и тебя, бѣдняжка,
Кто нибудь обниметъ, говоря, конечно,
Что любить намѣренъ пламенно и вѣчно...

Чьей нибудь игрушкой будешь ты навѣрно—
Только не на долго... Вотъ что очень скверно.
Молодость, надежды,—будетъ все разбито...
Старая игрушка будетъ позабыта...
Елка догорѣла... Мальчикъ надъ лошадкой
Приклонилъ головку и ужъ дремлетъ сладко.—
И, съ улыбкой счастья, пробѣжала мимо
Въ дѣтскую малютка съ куклою любимой...
Да съ чего же я то хнычу понапрасну?
Можетъ быть, обѣихъ встрѣтитъ жизнь прекрасно:
Вѣдь не всѣ же куколъ дѣти разбиваютъ...
А счастливыхъ женщинъ—развѣ не бываетъ?

Барыкова.

Солимская гетера.

Свѣтла, какъ образъ серафима,
Межъ падшихъ женъ была одна,
Далекой Греціи жена—
Живой кумиръ всего Солима.
Когда она на пышный пиръ,
Въ благоуханьи сладкихъ мирръ,
Бывало, явится царицей
Съ золотострунною цѣвницей
И кубокъ стараго вина,
Въ гирляндахъ розовыхъ, она
Надъ головою, какъ менада,
Въ вѣнкѣ изъ миртъ и винограда,
Подниметъ нѣжною рукой,
Отбросивъ съ персей покрывало,
И запоетъ передъ толпой—
Ей все восторженно внимало.

ЭЛЕОНОРА ДУЗЕ.

Гулъ острыхъ словъ и соль сатиръ,
И смѣхъ гостей и все—смолкало,
Когда, подъ звуки нѣжныхъ лиръ,
Изъ „Пѣсни Пѣсней“ Соломона
Иль старика Анакреона
Она имъ пѣла. Плески, крикъ,
Стихи, сложенные поэтомъ,
На пѣсню были ей отвѣтомъ...
И юный отрокъ, и старикъ
Въ восторгѣ млѣли... Всѣ заботы
Сжигалъ огонь ея очей,
И даже постникъ-фарисей
При всѣхъ, забывъ уставъ субботы,
Дрожа, лобзалъ колѣни ей.
Былъ пиръ у ней. Среди маслинъ
На ложа кругъ гостей склонялся—
И въ искрометной пѣнѣ винъ,
Казалось, жемчугъ растоплялся.
Изъ вазъ на эллинскій кумиръ
Благоуханія кропились;
Изъ вертограда доносились
Напѣвы трепетные лиръ;
Въ ладъ говорливой сикоморы
Звучали праздничные хоры.
Гремѣли бубны на отлетъ
И брызгалъ перлы водометъ.
Блистая роскошью Востока,
Ликуетъ пиръ—и кругъ гостей
Все шире, бойче и хмѣльнѣй.
На праздникъ ждали всѣ пророка.
О немъ чудесная молва
Межъ возлежавшими ходила:
Что, будто, въ немъ святая сила
Сокрыта, что его слова
Вѣщаютъ странныя сказанья,
Что онъ страдалъ, но презрѣлъ онъ
Всѣ эти дряхлыя преданья
И вызвалъ истины законъ:

Онъ въ человѣкѣ видитъ брата;
Его крушитъ одна утрата
Любви и истины въ сердцахъ,
И такъ онъ святъ, что предъ толпою
Любая грѣшница съ мольбою
Предъ нимъ повергнется во прахъ.
И вдругъ, съ надменною улыбкой,
Презрѣнья гордаго полна,
Лѣниво выгнувъ станъ свой гибкій,
Отъ ложа вспрянула она.
„Не вѣрю я“,—она сказала,—
„Чтобъ вашъ прославленный пророкъ
Прельститься женщиной не могъ!
Повѣрьте мнѣ: я испытала
Съизмлада силу женскихъ чаръ,
Когда и царственный кидаръ
Склонялся къ этому подножью,
Какъ будто къ жертвеннику божью.
Не вѣрю я! И знайте—онъ
Ко мнѣ склонится, какъ повѣса.
Призывомъ первымъ охмѣленъ!“
Но вотъ расторглася завѣса—
И входитъ Онъ: и простъ, и святъ...
И всѣ замолкли—ждутъ, глядятъ...
И встала гордая блудница!
Соблазна женскаго полна,
Въ величьи царственномъ она
Къ Нему подходитъ... Какъ орлица,
Взглянула въ очи... Мигъ—и вдругъ
Въ ея чертахъ нѣмой испугъ...
Вздрогнула, съ ужасомъ въ очахъ,
Лицо скрывая въ покрывало,—
И вдругъ поверглася во прахъ
И въ изступленьи зарыдала...
И, передъ Нимъ склонясь у ногъ,
Она дрожитъ—и, сквозь рыданье,
У ней вдругъ вырвалось признанье:
„Ты побѣдилъ меня, пророкъ!

Прости же дерзкому невѣрью,
Простри цѣлительную длань—
И въ жизнь войду я узкой дверью!“
И Онъ сказалъ ей кротко: „Встань!“.

В. В. Крестовскій.

Дѣлежъ.

(Изъ Манюэля).

Въ рабочій день, въ обѣденную пору,
На чердакѣ, высоко надъ землей,
Мы застаемъ супружескую ссору.
Лишь на зарѣ вернувшійся домой,
Проснулся мужъ—съ тяжелой головой
И ноющимъ, какъ бы разбитымъ тѣломъ.
Въ хмельномъ чаду—и голоденъ, и золъ—
Вокругъ глядитъ онъ взглядомъ отупѣлымъ.
Очагъ потухъ—и пустъ убогій столъ;
Повсюду грязь; безъ ласки и вниманья,
Въ угрюмую печаль погружена,
Скользитъ, какъ тѣнь, увядшая жена...
Онъ удрученъ; онъ ищетъ оправданья.
— Ты только-что явилась? гдѣ была?,
Чуть отвернись—тебя ужъ нѣтъ и дома.
А мужъ одинъ... Все это намъ знакомо.
Ну, сказывай, съ кѣмъ утро провела?
— Съ ума сошелъ! вотъ не было заботы!
Никакъ, меня онъ ревновать готовъ!
Смотри—у насъ ни хлѣба нѣтъ, ни дровъ!
Ты пьянствуешь всю ночь,—а я работы
Весь день, снуя по городу, ищу...
— Я дѣлаю все то, что я хочу.
— Ну, хорошо! я стану дѣлать то же!
— Что-любо мнѣ—ужъ тѣмъ не поступлюсь.

— Тогда и я дружкомъ обзаведусь!
— Я не шучу. Смотри за мной построже...
— Негодная!
И полился потокъ
Обидъ, угрозъ, проклятій, сожалѣній:
О, если-бъ кто предвидѣть это могъ!
Былой любви—ни признака, ни тѣни;
Взамѣнъ ея—лишенья и разладъ,
А въ будущемъ—не жизнь—кромѣшный адъ!
И, споръ прервавъ, воскликнулъ мужъ
— Довольно!
На каторгу никто насъ не обрекъ.—
Къ чему-жъ терзать другъ друга добровольно?
Я выбился изъ силъ! я изнемогъ!
— Ты изнемогъ? зачѣмъ же дѣло стало?
Разстанемся!
— Ну, этимъ ужъ давно
Грозимся мы—да толку что-то мало.
— А, если такъ—прекрасно! рѣшено!
Сегодня-же... ни часа, ни мгновенья...
И, вся дрожа отъ гнѣвнаго смятенья,
— Ступай! ступай! закончила она:
— Я какъ нибудь одна прожить сумѣю;
Мнѣ черная работа не страшна—
И о тебѣ, хоть буду голодна,
Не вспомню я—не то что пожалѣю!
Вѣдь насъ двоихъ кормилъ не ты, а я...
Спѣши въ кабакъ! тамъ ждутъ тебя друзья
И женщины продажныя, быть можетъ.—
Пей до ночи, проспись и снова пей,
Пока вино всего тебя не сгложетъ,—
Но въ эту дверь стучаться ужъ не смѣй!
— Повремени! я не уйду такъ скоро:
Какъ нищаго, ни съ чѣмъ, средь бѣла дня,
На улицу не вышвырнешь меня!
Я не дуракъ... такъ лучше ужъ безъ спора
Намъ порѣшить. Вѣдь это все мое:
Давай дѣлить по-совѣсти...

— Твое?!
Изъ-за чего я сна порой не знала,
Что по крохамъ сбирала я любя,
Надъ чѣмъ не разъ я слезы проливала—
Твое? Гдѣ стыдъ, гдѣ совѣсть у тебя?
Э, Богъ съ тобой! Чужого мнѣ не надо:
Уходишь ты—и то ужъ мнѣ отрада...
Давай дѣлить!
И начался дѣлежъ.
Безъ устали, порывисто, сурово—
Чтобы успѣть покончить до огня—
Работали они при свѣтѣ дня,
Лишь изрѣдка роняя два-три слова.
Мужъ былъ жестокъ; мужъ былъ неумолимъ.
Исполненный безумнаго злорадства,
Въ пыли, въ поту, съ усердіемъ тупымъ...—
Сознательно творилъ онъ святотатство!
Въ той комнатѣ, гдѣ нѣкогда вдвоемъ
Живой любви зарю они встрѣчали
И гнали прочь сомнѣнья и печали,—
Царилъ теперь безжалостный разгромъ,
Тамъ слышались отрывисто и рѣзко:
— Мое... твое...
— Вотъ скатерть... занавѣска...
— Стаканъ возьми, а чашку не отдамъ...
Кровать моя...
— Простыни пополамъ..
— Подсвѣчники—тебѣ и мнѣ по штукѣ...
Такъ рушился былого счастья храмъ!
Такъ, все порвавъ,—безъ слезъ, безъ тайной муки—
Жена и мужъ готовились къ разлукѣ!
Пришелъ къ концу супружескій раздѣлъ.
Какъ-бы застывъ въ нѣмомъ ожесточеньи,
Мужъ всѣ углы еще разъ оглядѣлъ—
И вдругъ въ шкапу, въ укромномъ углубленьи,
Чуть видимый замѣтилъ узелокъ...
„А это что? Какіе-то наряды
Припрятала?“

Онъ развернулъ платокъ...
И встрѣтились растерянные взгляды,
И дрогнули смущенныя сердца
Надъ платьицемъ ребенка-мертвеца!
Разсѣялось постыдное забвенье,
Въ душевный мракъ лучъ прошлаго проникъ,—
И дѣвочки прелестное видѣнье
Въ ихъ памяти воскресло въ этотъ мигъ...
И мужъ сказалъ тревожно и поспѣшно:
— Ужъ этого я не отдамъ, конечно...
— Нѣтъ, ты отдашь! на что оно тебѣ?
Я берегла... Возьми все остальное...
О, ангелъ мой, дитя мое родное!
Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ прибралъ ее къ себѣ
Все мучусь я—и нѣтъ конца мученью...
Да что! теперь ужъ поздно горевать;
И, смутному покорствуя влеченью,
Онъ уступилъ. Взволнованная мать,
Не отводя отчаяннаго взора
Отъ нѣжнаго, поблекшаго узора
Счастливыхъ дней любимаго труда,—
Безцѣнные останки бережливо
Сложила вновь и шопотомъ тоскливо
Промолвила:
— Теперь ужъ поздно!—Да?
Ты думаешь?—невнятный и покорный
Послышался вопросъ—а ради той,
Что къ намъ пришла? чей образъ дорогой
Смирилъ нашъ гнѣвъ безбожный и позорный?
Я виноватъ... я говорю: прости...
Ну, что-жъ еще?.. я не могу уйти!
Онъ смолкъ и сѣлъ, закрывъ лицо руками.
Она къ нему тихонько подошла...
Окликнула... склонилась... обняла...
— Не уходи!
И залилась слезами.

В. С. Лихачевъ.

Кукла.

(Изъ Сырокомли).

Не плачь, моя кукла, не будь своенравной:
Умненько сиди, не мотай головой!
Послушай—о чемъ говорили недавно
Папа и мамаша со мной:
Мнѣ къ празднику платье сошьютъ—заглядѣнье!
Я къ этому времени буду ужъ знать
Молитвы французскія: мы въ воскресенье
Поѣдемъ къ обѣднѣ опять.
А наши крестьяне—вотъ будутъ дивиться
И, слыша молитву, качать головой!
Вѣдь мнѣ неприлично по польски молиться,
Какъ будто мужичкѣ простой.
Но тихо—по-польски просить буду Бога,
Чтобъ мнѣ хорошѣть и рости поскорѣй,
Чтобъ далъ онъ папашѣ такъ много, такъ много
И бѣлыхъ и желтыхъ грошей!...
Ужъ какъ же папаша мой любитъ монеты!
И служитъ молебны, и въ церковь даритъ;
„Господь,—говоритъ онъ,—заплатитъ за это
И больше въ сто разъ возвратитъ“.
Такъ вотъ онъ и молитъ усердно у Бога,
И Богъ ему больше и больше даетъ,
И скоро накопится денегъ такъ много,
Что мы потеряемъ и счетъ.
Ахъ, кукла! какая ты, право, смѣшная!
Ты думаешь: Богъ намъ появится Самъ,
Иль спустится съ деньгами ангелъ изъ Рая
И деньги отдастъ эти намъ?
Нѣтъ,—явится жидъ въ длиннополомъ кафтанѣ
И будетъ онъ деньги папашѣ носить;
За деньги мы купимъ крестьянъ, а крестьяне
Намъ будутъ и жать, и косить.
Ты знаешь-ли, кто мы? Мы—паны, я панна
А это—холопы, рабочій народъ!
Самъ Богъ имъ велѣлъ, чтобъ они постоянно

Трудились для насъ, для господъ.
Фи, какъ они грубы, нечисты и пьяны.
Въ дырявыхъ сермягахъ, всегда безъ сапогъ...
Да кто-жъ виноватъ въ томъ! Не слушаютъ пана:
За то и караетъ ихъ Богъ.
Папа любитъ лошадь, мамаша—собачку.
Холоповъ же всякій ругаетъ и бьетъ.
Хоть жаль, а нельзя же даватъ имъ потачку:
Таковъ ужъ упрямый народъ.
Вчера вотъ: папа отдыхалъ въ кабинетѣ,
Они-же—ну, право, ихъ мало бранятъ!—
Вошли, натоптали слѣдовъ на паркетѣ...
„Ѣсть нечего, баринъ!"—кричатъ.
За то были выгнаны вонъ и прибиты...
Ну, право, когда я начну управлять,—
Пока эти люди не будутъ всѣ сыты,
До тѣхъ поръ не лягу я спать!
Уснешь-ли спокойно, когда тутъ толпится
Голодный народъ у окна, у воротъ?
Пожалуй, какой нибудь нищій приснится
И въ сумкѣ съ собой унесетъ...
А пуще боюсь, чтобы Боженька съ неба
Не зналъ, какъ мы злы съ бѣдняками...
Попросимъ-же, кукла, здоровья и хлѣба
Холопамъ, и папѣ и мамѣ!

С.

Милостыня.

Сцена: балкончикъ на дачѣ весною
Тонетъ въ сирени, облитой росою;
А персонажи: папаша съ дѣвицей,—
Дочкой, прелестной, сквозной, блѣднолицей,
Въ блузѣ прозрачной, съ шикарнѣйшимъ бантомъ.
Да и папаша отъявленнымъ франтомъ
Смотритъ... Самъ Шармеръ ему, ради лѣта,
Создалъ костюмъ блѣдно-желтаго цвѣта.

Вся къ персонажамъ подъ стать обстановка:
Поданъ имъ чай; à l'Anglaise сервировка
Даже и въ галстукѣ бѣломъ лакея
Аристократіи видны затѣи.
Нищій прохожій вдоль пыльной дороги
Шелъ, еле двигая старыя ноги,
Мимо той дачи... Нарядная пара,
Роскошь и блескъ, серебро самовара
Сразу глаза старика ослѣпили:
„Жили и мы прежде этакъ—вотъ жили!"
Шамкаетъ, глядя на франта лакея;
„Тоже, бывало, ходили въ ливреѣ,
Золотомъ шитой... Пора миновала,
Въ нищіе наша вся дворня попала"...
Зависть блеснула въ потухнувшемъ взглядѣ,
И прохрипѣлъ онъ: „На хлѣбъ... Христа ради!"
„Пьяный, должно быть—одѣтъ непристойно;
Богъ подастъ"... Баринъ отвѣтилъ спокойно
И отвернулся: дѣвица вскочила:
„Oh! quelle misèrel!"—прокартавила мило:
„Ахъ! мои нервы!.. Старикъ... Такой бѣдный"...
И пятачекъ ему кинула мѣдный.
Долго папаша потомъ наставленья
Дочкѣ читалъ... Полились разсужденья
О безполезномъ ея подаяньи,
О развращающемъ, гнусномъ вліяньи
Милостынь нашихъ на нравственность бѣдныхъ,
О размноженьи мошенниковъ вредныхъ..
„Стыдно, ma chère!.. ни на что не похоже!"
Кончилъ онъ рѣчь: „Эта пьяная рожа
Стащитъ... въ кабакъ пятачокъ твой...
Навѣрно!
Ты... Угостишь его... водкою скверной".
Плавно лились разсужденья папаши
Только... забылъ онъ, что дѣдушки ваши,
Милая барышня,—барственно жили,
Этихъ—вотъ нищихъ... они расплодили.
Много вѣдь бывшихъ дворовыхъ съ сумою

По міру бродитъ, голодной толпою...
Много несчастныхъ такихъ дармоѣдовъ
Гибнетъ напрасно, по милости дѣдовъ...
Чтожъ за бѣда, если изрѣдка внучка
Броситъ съ балкона хорошенькой ручкой
Мѣдный пятакъ... что-бъ дешевою водкой
Нищій старикъ промочилъ себѣ глотку!

Барыкова

Сонъ монахини.

I.

На желѣзную цѣпь ворота заперты,—
Опочила обитель святая;
Не домчится сюда шумъ мірской суеты
И грѣховная пѣснь удалая;
Всюду мракъ и покой,—и темницей сырой
Монастырь этотъ смотритъ уныло;
Сколько жизни цвѣтущей и силы младой
Здѣсь на-вѣки схоронено было!..

II.

Охватила степная, томящая ночь
Эти кельи—могилы живыя,
Слышна пѣснь соловья: гонитъ сны она прочь
И смущаетъ молитвы святыя...
Ароматомъ весны отъ цвѣтущихъ садовъ
Вѣетъ, словно дыханьемъ любви,
Эта ночь много-много нарушила сновъ,
Зажигая желанья въ крови!..

III.

Въ душной кельѣ святая лампада горитъ,
Въ темный садъ отворилось окно;
Разметавшись въ постели, черница лежитъ,—
Грѣшный сонъ ее мучитъ давно;
Снится ей тотъ чудесный, невѣдомый міръ,
Что лежитъ за оградой святою—
Тамъ и пѣсни, и смѣхъ, и веселый тамъ пиръ,
Всюду вѣетъ тамъ жизнью иною.

IV.

Снится ей, что на балѣ блестящемъ она,
Прислонившись къ колоннѣ стоитъ—
Любопытства, испуга и нѣги полна,
Въ грудь высокую сердце стучитъ...
И такъ страненъ на ней монастырскій нарядъ—
Эти четки и рясы черницы;
На нее съ изумленіемъ гости глядятъ,
Полны жизни и счастья ихъ лица.

V.

Отдѣлясь отъ толпы, къ ней подходитъ одинъ
Тихо шепчетъ ей страстныя рѣчи:
„Сбрось печальный, ненужный нарядъ
И открой свои юныя плечи;—
И звѣздою роскошной и первою здѣсь
Станешь тотчасъ же, милая, ты!
Полюблю я тебя и отдамся я весь
Дивнымъ чарамъ твоей красоты!“

VI.

И, внимая мольбѣ, она нѣжно къ нему
Протянула прекрасныя руки.
Поклялася отдаться на-вѣки ему,—
И полна была счастья и муки...
И сняла она черный клобукъ съ головы
И, блѣднѣя, откинула прочь;—
И разсыпались до полу, на двѣ волны,
Ея темныя косы, какъ ночь...

VII.

Пробудившись мгновенно отъ сладкаго сна,
Она въ ужасѣ встала съ постели,—
И боясь, стыда и испуга полна,
Затворила окно своей кельи;
И, повергнувшись ницъ предъ иконой святой,
Она долго и жарко молилась;
Но мѣшала ей пѣснь соловья,—и душой
Она къ милому сну уносилась...

Ив. Якунинъ.

На кладбищѣ.

Мы шли на кладбищѣ. Осенній день былъ свѣтелъ,
Деревья—пурпуромъ и золотомъ горя—
Стояли пышныя... Въ стѣнахъ монастыря
Насъ хоръ торжественно и величаво встрѣтилъ.
Опущенъ въ землю гробъ. Рыдавшая вдова
Со стономъ ужаса упала на колѣни...
Священникъ говорилъ напутствія слова,
Кругомъ монахини темнѣлись, точно тѣни.
Осенній вѣтерокъ, такъ шаловливо свѣжъ,
Играя складками печальными вуали,
Ласкаясь, пробѣгалъ сквозь траурный кортежъ...
И равнодушныя, какъ онъ къ слезамъ печали,
Недвижно темныя монахини стояли.
Обрядъ окончился—надгробный хоръ утихъ,
И плавно двинулись монахини... Межъ нихъ
Двѣ—юныя совсѣмъ—ступая тихо рядомъ,
Вдругъ подняли глаза и обожгли насъ взглядомъ.
Потомъ скользнулъ ихъ взглядъ по каменнымъ стѣнамъ—
Стѣнамъ монастыря, спокойнымъ и холоднымъ...
— Онѣ мучительно завидовали намъ,—
Страдавшимъ, плакавшимъ, рыдавшимъ—но свободнымъ.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

* *
*

Говорятъ, я мила... Говорятъ что мой взглядъ
То голубитъ, то жжетъ, какъ огнемъ.
Звонкій смѣхъ мой весельемъ звучитъ, говорятъ...
Ты не любишь? такъ что же мнѣ въ немъ!
Говорятъ, небеса вдохновенья дарятъ
Часто музѣ капризной моей.
Моя жизнь дорога для людей, говорятъ...
Ты не любишъ?.. Такъ что же мнѣ въ ней?..

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Я должна извиниться предъ вами:
Никакихъ я не знаю стиховъ!
Я учила, но—знаете сами,
Что на bis не всегда чтецъ готовъ.
Я учила стихи такъ прилежно,
Я учила ихъ цѣлые дни,
Я учила... но все безнадежно,
Не даются совсѣмъ мнѣ они.
Я въ карету садилась—зубрила,
На балахъ ихъ твердила не разъ,
Спать ложась и вставая, учила
Все стихи: увѣряю въ томъ васъ,
Я учила стихи и исправно!
Не забывъ о сегодняшнемъ днѣ
И о васъ, господа, вѣдь забавно,—
Я учила ихъ даже во снѣ.
И теперь, извините, не знаю,
Не могу я стиховъ прочитать,
А за этотъ экспромтъ, ожидаю,
Вы не станете очень пенять?
Нѣтъ, ну что-жъ вы молчите?
Ну, ужъ тутъ-то исходъ я найду:
Вы потомъ о стихахъ мнѣ шепните,
Да! Когда я отсюда уйду!

О. Карпова.

Война.

(Стихотвореніе для дѣтей).

— Говорятъ: война! война!—
Рѣзвый мальчикъ Ваня
Лепеталъ:—да гдѣ-жъ она?
Разскажи-ка, няня!
—Тамъ, далеко... Подростешь—
Послѣ растолкуютъ".
— Нѣтъ, теперь скажи: за что-жъ,
Какъ же тамъ воюютъ?
—Ну сойдутся, станутъ въ рядъ
По срединѣ луга,
Да изъ пушки и палятъ,
Да и бьютъ другъ друга,
Дымъ-то такъ валитъ тогда,
Что ни зги не видно.
— Такъ они дерутся?—Да.
— Да вѣдь драться стыдно?
Мнѣ сказалъ папаша самъ:
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ!
Помнишь: какъ-то съ Мишей я
За игрушку спорилъ;
Онъ давай толкать меня,
Да и раззадорилъ.
Я прибилъ его. Вотъ,—на!
Побѣдили наши!
„Это что у васъ? Война?"—
Слышимъ крикъ папаши:
„Розгу!"—Съ Мишей тутъ у насъ
Было слезъ довольно.
Насъ папаша въ этотъ разъ
Высѣкъ очень больно...
—Стыдно драться, говоритъ,
Ссорятся лишь злые."
—Вишь! и маленькимъ-то стыдъ,

А вѣдь тамъ большіе?
Самъ я видѣлъ сколько разъ—
Мимо шли солдаты:
У! большущіе! Я глазъ
Не спускалъ—все хваты!
Шапки мѣдныя, съ хвостомъ,
Ружей много-много...
Барабаны—тромъ-томъ-томъ!..
Вся гремитъ дорога!
Тромъ-томъ-томъ!—
И весь горитъ
Отъ восторга Ваня.
Но, подумавъ, говоритъ:
— А вѣдь вѣрно, няня,
На войну шло столько ихъ,
Гдѣ палятъ изъ пушки?
Вѣрно, вышла и у нихъ
Ссора за игрушки!

В. Г. Бенедиктовъ.

* * *

Возлюбите врага... заповѣдалъ Христосъ,
Оттого и люблю я тебя.
Ты-ль не врагъ мнѣ? О, сколько мнѣ горя и слезъ
Твой плѣнительный образъ съ собою принесъ,
Мою юную душу сгубя,
Онъ зажегъ меня всю непонятнымъ огнемъ,
Онъ лишилъ меня дѣтскаго сна...
Мои думы о немъ, мои грезы о немъ,
И душа вся отравы полна.
Всю-то ночь предо мной неотвязный вопросъ,
Любишь ты? или шутишь со мной, не любя?...
Возлюбите врага, заповѣдалъ Христосъ...
Оттого и люблю я тебя...

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Артистка РЕЖАНЪ.

Изъ Петефи.

Спишь ты, справедливость, или ты убита?
Кто служить свободѣ на землѣ стремится,
Кто въ борьбу съ неправдой выступилъ
открыто,
Тотъ закованъ въ цѣпи, тотъ въ тюрьмѣ
томится.
Кто же губитъ въ сердцѣ лучшія стремленья,
Съ совѣстью вступая въ сдѣлки безъ
стѣсненья,
Тотъ живетъ свободно, весело и сыто.
Спишь ты, справедливость, или ты убита?

С. Башкинъ.

Изъ еврейскихъ мелодій.

— Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ...
За дверями голосъ милаго звучитъ:
— „Отвори, моя невѣста, отвори!
Догорѣло пламя алое зари;
Надъ лугами надъ шелковыми
Бродитъ бѣлая роса
И слезинками перловыми
Мнѣ смочила волоса;
Сходитъ съ неба ночь прохладная—
Отвори мнѣ, ненаглядная!“
—Я одежды легкотканныя сняла,
Я омыла мои ноги и легла;
Я на ложѣ цѣпенѣю и горю—
Какъ я встану какъ я двери отворю?—
Милый въ дверь мою кедровую
Стукнулъ смѣлою рукой:

Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной.
И, полна желанья знойнаго,
Встала съ ложа я покойнаго.
Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной
скользитъ;
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ;
На рукахъ запястья цѣнныя бренчатъ.
Отперла я дверь докучную:
Статный юноша вошелъ
И со мною сладкозвучную
Потихоньку рѣчь повелъ...
И слилась я съ рѣчью нѣжною
Всей душой моей мятежною!

Л. А. Мей.

Аррія.

...Предъ нимъ лежалъ
Уже наточенный кинжалъ;
И молвилъ онъ, вздохнувъ невольно:
„А разставаться съ жизнью больно!“
Горда, прекрасна и блѣдна,
Стояла передъ нимъ жена,
Вдругъ ярче, радостнѣй, смѣлѣе
Зажегся взоръ у ней... Она
Одной рукой у бѣлой шеи
Застежку платья сорвала,
На мужа, на кинжалъ взглянула—
И верхъ туники распахнула:
Свѣжа, полна, какъ снѣгъ бѣла,
Раскрылась грудь... Еще мгновенье—
И передъ мужемъ со стола
Она, безъ страха, безъ волненья,

Другой рукой кинжалъ взяла,
Какъ лучъ, блеснулъ ударъ кинжала!...
Кровь брызнула и струйкой алой
По бѣлой груди потекла...
На ложе Аррія склонилась.
Послѣдней судорогой билось
Въ ней сердце; взоръ одѣлся мглой...
Жизнь уходила молодая;
Но, холодѣющей рукой
Кинжалъ изъ раны вынимая,
Она сказала, умирая:
„Не больно вовсе, милый мой!“

М. Л. Михайловъ.

Мать.

Для любви обѣтъ она забыла,
Для позора позабыла честь!..
Но съ дѣтьми разлуку перенесть
У нея откуда эта сила?

*

О, ужель въ своей порочной страсти
Эту силу обрѣла она?
Какъ худа она и какъ блѣдна!—
Ей мечтать возможно-ли о счастьи?

*

Вотъ она, смотрите, подъ вуалью
У подъѣзда стала: дѣти тутъ;
Но на нихъ взглянуть ей не дадутъ...
Взоръ ея подернулся печалью.

*

И швейцару трепетной рукою
Съ образкомъ вручила коробокъ:
„Дѣтямъ... тамъ... наверхъ... отдай дружокъ!..“
И пошла, подавлена тоскою.

К. Д. Д.

Дѣтскій балъ.

Я разъ попалъ на дѣтскій балъ,
Гдѣ, признаюся, ожидалъ
Отрадной дѣтской хлопотни,
Законной въ розовые дни,
Гдѣ души мягкія, какъ воскъ,
Не изсушилъ житейскій лоскъ!..
Но нѣтъ! Все чинно было здѣсь;
Царила въ дѣтскихъ глазкахъ спесь,
И на щекахъ слѣда нѣтъ розъ.
Да дѣти-ль это?—Вотъ вопросъ.
Вотъ мальчикъ въ дорогомъ бѣльѣ,
Танцуетъ съ дѣвочкой „Лансье“
И шепчетъ ей во время па:
— „Совѣтникъ тайный мой папа!
А vis-a-vis нашъ мальчикъ—жидъ,
Его отецъ, какъ листъ, дрожитъ
Всегда передъ моимъ отцомъ,
Какъ предъ вліятельнымъ лицомъ!...“
Подруга-жъ юная его
Пищитъ:—„Какое торжество!“—
А vis-a-vis ихъ мальчикъ-жидъ
Своей подругѣ говоритъ:
— „Вотъ этотъ глупый мальчуганъ
Хоть платьемъ чистъ,—душой поганъ,
Его отца папаша мой
Надняхъ попотчевалъ—тюрьмой;
И подѣломъ: долги плати
И заповѣдь осьмую чти!!..“
— „Министръ вы просто по уму!..“
Такъ дѣвочка пищитъ ему.—
Вотъ семилѣтній кавалеръ,
Картавя сильно букву „р“
Пищитъ:—„Любовь мою пойми!..“
А дѣвочка ему въ отвѣтъ:
— „Ахъ, Voldemar, что скажетъ свѣтъ?
Да и сама я не глупа:

Вѣдь очень бѣденъ вашъ папа.
Меня и любите хоть вы,
Но я не пара вамъ. Увы!!.“
Такъ вотъ, трагедія, гдѣ ты!?..
Гдѣ жъ прелесть дѣтской чистоты,
Съ которой, какъ на званый пиръ,
Стремятся дѣти въ Божій міръ?..
О! дѣти бѣдныя!.. Для васъ
Комедія ужъ началась!!!
Впередъ, актерики, впередъ!
Пусть сердце зрителя сожметъ
Искусство ваше, какъ морозъ...
Да дѣти-ль вы?—Вотъ въ чемъ вопросъ...

В. Гюго.

Спросили *они*:—„какъ, въ летучихъ челнахъ,
Намъ бѣлою чайкой скользнуть на волнахъ,
Чтобъ насъ сторожа не догнали?“
—Гребите! *онѣ* отвѣчали.
Спросили—*они*: „какъ забыть навсегда,
Что въ мірѣ юдольномъ есть бѣдность, бѣда,
Что есть въ немъ вражда и печали?“
— Засните!—*онѣ* отвѣчали.
Спросили *они*: „какъ красавицъ привлечь
Безъ чары: чтобъ сами, на страстную рѣчь,
Онѣ намъ въ объятія пали?“
—Любите!—*онѣ* отвѣчали.

Л. А. Мей.

Мадонна.

Близь Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ),
Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.
Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ.
И дочка порою душой унывала,
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.
—Не плачь, не кручинься ты, солнце мое!
Тогда утѣшала старушка ее:—
—Не плачь, перемѣнится доля крутая:
Придетъ къ намъ на помощь Мадонна святая.
Да, ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ!
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ!—
Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,
И, съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она, съ умиленнымъ и кроткимъ лицомъ,
На живопись темную взоръ подымала,
Что уголъ въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.
Но больше и больше нужда ихъ тѣснитъ,
Дочь плачетъ и ропщетъ, старушка молчитъ.
Съ утра по руинамъ бродилъ любопытный.
Забылся, красѣ ихъ дивясь, ненасытный.
Кровъ нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей,—
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.
На лавку садится пришлецъ утомленный,
Но вспрянулъ, картиною вдругъ пораженный.
—Божественный образъ! Чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ? Корреджьо, твоя!
И въ хижинѣ это творенье таится,
Которымъ и царскій дворецъ возгордится!
Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее сто піастровъ даю!
— Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую.—

—Я двѣсти даю, согласися продать!
— Синьоръ, синьоръ! бѣдность грѣшно
искушать!—
Упрямства не могъ побѣдить онъ въ
старушкѣ,
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.
Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.
Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.
За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.
Такъ, вѣру и геній въ едино сливая,
Равно оправдала ихъ Дѣва святая.

Е. Баратынскій.

Утро.

На вершинѣ горной коршунъ прокричалъ.
Вѣтеръ этотъ возгласъ до меня домчалъ.
Я разсвѣтъ весенній не одинъ встрѣчалъ.
Солнце протянуло вострые лучи,
И они зардѣли, ярко горячи,
И отъ нихъ запѣли горные ключи.
О, какъ много силы и любви вокругъ,
О, какъ нѣжно млѣетъ этотъ горный лугъ
Я съ тобой душою, мой далекій другъ.
Я гляжу въ долину съ горной высоты,
Въ мысляхъ, полныхъ страсти, расцвѣли цвѣты,
Въ этомъ мірѣ—Солнце, въ этомъ сердцѣ—ты.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Если-бъ легкой птицы крылья я имѣла,
Въ частый бы кустарникъ я не полетѣла.
Если-бъ я имѣла голосъ соловьиный,
Я-бы не носилась съ пѣсней надъ долиной.
Я бы не летала на разсвѣтѣ въ поле
Косарямъ усталымъ пѣть о лучшей долѣ.
Я бы не кружилась вечеромъ надъ хаткой,
Чтобъ ребенка пѣсней убаюкать сладкой.
Нѣтъ! я полетѣла-бъ съ пѣсней въ городъ дальній
Есть тамъ домъ обширный, всѣхъ домовъ печальнѣй.
У стѣны высокой ходятъ часовые:
Въ окна смотрятъ люди блѣдные, худые.
Имъ никто не скажетъ ласковаго слова,—
Только вѣтеръ пѣсни имъ поетъ сурово.
Отъ окна къ другому тамъ бы я летала,
Узниковъ привѣтной пѣсней утѣшала,
Я-бъ имъ навѣвала золотыя грезы,
И изъ глазъ потухшихъ вызывала слезы,
Чтобы эти слезы щеки ихъ смочили,
Полную печали, душу облегчили...

И. З. Суриковъ.

За счастьемъ.

Не плачь, моя добрая, бѣдная мать!
Мнѣ больно разстаться съ тобой.
Но здѣсь не могу я ни жить, ни дышать.—
Мнѣ душенъ мой воздухъ родной.
Мнѣ дороги наши поля и цвѣты,
И домикъ нашъ бѣдный, и садъ,
Но ихъ за надежды мои и мечты
Отдать я безъ горечи радъ!
О, если бъ ты знала, какъ больно, какъ жаль
Покинуть малютокъ-сестеръ,
Но сердцу дороже безвѣстная даль,
Мой юный манящая взоръ.
— Дитя мое, сынъ мой, опомнись, постой...

Что гонитъ тебя изъ степей?..
Иль мало простора въ равнинѣ родной,
Иль мало здѣсь добрыхъ людей?..
— О, нѣтъ дорогая!—Привольнѣй полей
Мнѣ въ мірѣ нигдѣ не найти;
Я знаю, добрѣе и проще людей
Не встрѣчу въ далекомъ пути,
Но душно мнѣ!.. Мертвенный сельскій покой
Усталое сердце гнететъ...
Мнѣ грезятся грохотъ и шумъ городской,
И битвы съ полками невзгодъ,
Мнѣ грезятся плески толпы и цвѣты,
И слава великихъ побѣдъ
Прости-жъ мнѣ, родная, ребяческій бредъ,
Оставь дорогія мечты...
Покинутъ убогій отцовскій очагъ,
Свиваетъ гнѣздо въ немъ печаль,
Такъ грустныя очи въ тоскѣ и слезахъ
Все смотрятъ съ надеждою вдаль;
Тамъ кроткой молитвой звучатъ по ночамъ
Слова материнской любви!
Мой мальчикъ, ты живъ-ли, ты счастливъ-ли тамъ?..
Сбылись-ли мечтанья твои?..
Сбылися!—Онъ славенъ, могучъ и богатъ,
Имъ съ завистью бредитъ молва,
Вокругъ его бурные плески гремятъ
И въ лаврахъ его голова;
Восторженно сыплетъ хвалы ему свѣтъ,
И подъ ноги сыплетъ цвѣты,
Сбылися надежды ребяческихъ лѣтъ,
Сбылись дорогія мечты!..
И вѣсть пронеслася: онъ въ городъ родной
Вернется отъ бурь отдохнуть,
Вернется, чтобъ къ груди своей молодой
Прижать материнскую грудь,—
Вернется... Кто сердцемъ сумѣетъ понять,
Какъ жадно, съ какою мольбой
Глядитъ на дорогу безумная мать

Съ зари до зари золотой!
Вернется!.. Ужели такъ милостивъ Богъ,
Ужель на яву, не во снѣ,
Мой мальчикъ кудрявый, искатель тревогъ,
Прижмется, какъ въ дѣтствѣ, ко мнѣ!..
Но нѣтъ, то не греза безсонныхъ ночей...
Вотъ дверь распахнулась... Вотъ крикъ
Раздался безумный...И кто-жъ предъ ней?—
Печальный, согбенный старикъ!
Морщины чело бороздятъ,
Въ кудряхъ серебро сѣдины,
Устало блуждаетъ разсѣянный взглядъ,
Уста и ланиты блѣдны...
—Мой мальчикъ, скажи, что съ тобой?..
Гдѣ-жъ темныя кудри, скажи,—гдѣ они?
Гдѣ юности радостной свѣтлые дни?
Гдѣ пылкій твой взоръ молодой?!.
Умолкни, родная... Къ чему надрывать
Мнѣ сердце больное, разбитое...
Возврата дней юныхъ мнѣ больше не ждать
И темныхъ кудрей не вернуть...
Но лавры, а слава великихъ побѣдъ,
А плески толпы и цвѣты?..
Родная! Прости мнѣ ребяческій бредъ,
Прости мнѣ безумства мечты!

Н. Щедровъ.

Бѣсъ.

Кружевной мантильей скрыта,
Въ покаяніи грѣховномъ
Горько плачетъ Карменита
Предъ отцомъ своимъ духовнымъ:
„Падре, падре! Предъ тобою
Исповѣдаться должна я;
Душу всю тебѣ раскрою:
Знай, я грѣшница большая.

Грѣхъ великъ мой... Боже правый!
Нѣтъ мнѣ болѣе прощенья
Нынче ночью духъ лукавый
Ввелъ меня во искушенье,
Какъ его я ни просила,
Какъ молиться ни старалась,
Эта демонская сила
Ничего не испугалась.
Слушай, падре,—все, какъ надо,
Разскажу тебѣ про бѣса;
Легъ туманъ, дыша прохладой
Съ береговъ Мансанареса.
Ночь настала... Божьи очи
Съ неба на землю глядѣли,
И въ молчаньи тихой ночи
Вдалекѣ гитары пѣли.
Напоенный страстью знойной,
Воздухъ ночи ароматной
Объялъ духъ мой неспокойный
Силой чудной, непонятной.
Что сомною,—я не знала,
Вся горѣла, какъ въ огнѣ я,
То ложилась, то вставала,
Трепеща и холодѣя.
Но напрасно я боролась,—
Спорить съ бѣсомъ не легко намъ...
Вдругъ я слышу, чей-то голосъ
Раздается подъ балкономъ:
„Карменита, Карменита!
О, зачѣмъ меня ты губишь!?
Будетъ жизнь моя разбита,
Коль меня ты не полюбишь.
Карменита! Другъ отъ друга
Далеки мы... Будемъ ближе!
Счастье, жизнь моя, подруга,
О, впусти меня, впусти же!“
„Хитрый бѣсъ!—я отозвалась,—
Тщетно ты меня смущаешь:

Дома я одна осталась,
Мужа нѣтъ—ты, это знаешь...
И шептала я заклятья:
„Сгинь, разсыпся, духъ лукавый!“
Что-жъ еще могла сказать я,
Научи, о, Боже правый!
Вдругъ, я слышу, по ступенямъ
Кто-то входитъ,—дверь толкаетъ
И, приникнувши къ колѣнямъ,
Крѣпко станъ мой обнимаетъ.
Бѣсъ вошелъ... Огнемъ дыханья
Жегъ уста мои и плечи...
Въ погасающемъ сознаньѣ
Все смѣшалось:—клятвы, рѣчи...
Я не помню, что тутъ было;
Что ему я говорила...
Сердце билось, сердце ныло...
Ахъ, сильна ты, вражья сила!
„Но, послушай, Карменита,—
Дверь-то, дверь была открыта?
Какъ иначе-бы вошелъ онъ?
Это странно! Неужели
Дверь замкнуть ты не старалась?“
„Дверь замкнуть? А! Въ самомъ дѣлѣ!
Падре, я не догадалась“.

В. Мазуркевичъ.

Безъ любви.

(На мотивъ Теодора Шторма).

Я вѣрила ласкамъ твоимъ, какъ святынѣ,
Мечтала въ нихъ правду найти —
И все поняла я, не вѣрю отнынѣ,
Не надо объятій—пусти...
Ты думалъ, желаньемъ минутнымъ волнуемъ,
Что сердце подъ ласкою спитъ,
И ты—ты шутилъ, не любя, поцѣлуемъ,

Но этого Богъ не проститъ!
Богъ видитъ неправду; мнѣ страшны объятья,
Въ нихъ—сердце сжигающій ядъ...
Мой ангелъ въ слезахъ: на устахъ, какъ проклятья,
Твои поцѣлуи горятъ.
Уйди—ты узнаешь мученія вскорѣ,
Знай—совѣсть тебя истомитъ...
Меня не любя, цѣловалъ ты на горе...
И этого Богъ не проститъ!
Любви поцѣлуй передъ Богомъ святится,
Любви поцѣлуй—благодать,
Когда въ немъ любовь можетъ съ правдою слиться,
Но грѣхъ—безъ любви цѣловать.
Уйди! измѣнить мнѣ былого нѣтъ силы,
А сердце тоскуетъ, болитъ...
Меня, не любя, цѣловалъ ты... о, милый,
Пусть Богъ тебѣ грѣхъ твой проститъ!

Мих. Гербановскій.

Въ защиту маленькихъ.

(Подражаніе нѣмецкому).

Мнѣ говорятъ, что ростомъ я мала.
На это часто я сердилась
И много слезъ я пролила
О томъ, что маленькой родилась.
Прошли недѣли, мѣсяцы, года,
И стало мнѣ теперь понятно,
Что это вовсе не бѣда,
Что это даже препріятно.
Товарки мнѣ по росту моему,
Которыхъ небо вверхъ не тянетъ
И на которыхъ потому
Подчасъ иной съ насмѣшкой глянетъ!

Пускай смѣется, кто настолько простъ,
Но я за васъ за всѣхъ вступаюсь,
И этотъ маленькій нашъ ростъ
Я вамъ возвысить постараюсь.
Кто русской поговорки не слыхалъ
И кто ея не повторяетъ,
Что золотникъ, хотя и малъ,
Да очень дорогъ намъ бываетъ.
Родимся мы не злыми; но съ тѣхъ поръ,
Какъ зло въ кого-нибудь попало,
Въ большомъ ему большой просторъ,
А въ маленькомъ и мѣста мало.
„Жена, какъ ноша, мужу тяжела"—
Твердятъ иные,—ну, прекрасно;
Такъ, если женщина мала,
И ноша легче,—это ясно.
Любовь къ супругу, преданность ему
Прочнѣе въ маломъ человѣчкѣ:
Вѣдь только, только одному
Уютно въ маленькомъ сердечкѣ.
Соблазна меньше для того, кто малъ:
Мы къ почвѣ лѣпимся такъ близко,
Что если кто изъ насъ упалъ,—
Никто не упадетъ такъ низко.
Свой станъ сгибать приходится большимъ,
Большіе внизъ глядятъ не смѣло,
Мы гордо вверхъ всегда глядимъ,
И спину гнуть не наше дѣло.
Гроза ломаетъ крѣпкіе дубы,
Но мелкой травки не ломаетъ.
Насъ, маленькихъ, гроза судьбы
Совсѣмъ въ конецъ не разрушаетъ.
Мы твердо сносимъ всякую печаль,
Не утомляемся борьбою,
Вѣдь малымъ жертвовать не жаль:
Не жаль намъ жертвовать собою.
А потому совсѣмъ я не тужу,
Что такъ мала я по природѣ:

Я въ этомъ счастье нахожу...
Безъ маленькихъ, въ любомъ народѣ,
Ни прочной силы, ни величья нѣтъ;
Въ нихъ все народное богатство.
И маленькимъ обязанъ свѣтъ
Войной за равенство и братство.

В. Крыловъ.

Письмо къ Богу.

Трещатъ декабрьскіе морозы;
Въ сѣдомъ туманѣ гаснетъ день;
Въ столицу тянутся обозы
Изъ отдаленныхъ деревень.
Подходитъ праздникъ, городъ шумный,
Въ чаду заботы многодумной
Уже кипитъ съ разсвѣтомъ дня;
На рынкахъ давка, толкотня,
Въ взаимномъ торгѣ споръ и толки,
Возы съ провизіей и елки.
Гостиный дворъ подъ свой пріютъ
Собралъ, что могъ, для распродажи.
По бойкимъ улицамъ снуютъ
До поздней ночи экипажи
Для свѣтскихъ барынь и для баръ.
Маня къ себѣ, вдоль улицъ длинныхъ,
Блистаетъ въ окнахъ магазинныхъ
Заморской роскоши товаръ.
И, съ видомъ общаго собратства,
Кружится въ вихрѣ суеты
Избытокъ сытаго богатства
И Грошъ голодной нищеты!
Подъ покровомъ ночи смолкъ столицы гулъ;
Городъ утомленный до утра уснулъ.
Ночь темна, морозна, и метель съ разбѣга,
Воя жаднымъ звѣремъ, сыплетъ клочья снѣга.

АРТИСТКА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ
Марія Николаевна ЕРМОЛОВА.

И кругомъ сурово городъ облегла
Ледянымъ дыханьемъ сумрачная мгла.
Въ узкомъ переулкѣ, въ захолустьѣ дальнемъ
Огонекъ мелькаетъ въ этажѣ подвальномъ,
Слабо освѣщая образокъ въ углу
И дѣтей-малютокъ, спящихъ на полу.
Лишь не спитъ спокойно, мучась и вздыхая,
И въ бреду метаясь, женщина больная;
Да не спитъ малютка-дочка лѣтъ восьми,
Не смыкая глазки черные свои.
Въ пламенной головкѣ возникаютъ грезы;
Бѣдную малютку душатъ злыя слезы.
„Боже милосердный!—думаетъ она:—
Сестры голодаютъ, матушка больна.
Холодъ насъ и голодъ мучитъ день и ночь,
И никто не хочетъ намъ ничѣмъ помочь...
Цѣлыя недѣли не встаетъ съ постели,
И съ квартиры выгнать насъ давно хотѣли“.
До утра малютка не смыкаетъ вѣжды,
И возникли въ сердцѣ первыя надежды.
Вспыхнуло нежданной радостью лицо:
„Дай—пошлю я къ Богу съ просьбой письмецо.
Люди пишутъ просьбы... такъ и намъ, быть
можетъ,
Онъ на свѣтлый праздникъ чѣмъ-нибудь по-
можетъ?...“
И, завѣтной мысли вѣруя, она
Тихо засыпаетъ, ясныхъ думъ полна...

Пробудился городъ шумный,
И съ разсвѣтомъ дня
Пробудились той же жизни
Шумъ и хлопотня;
Пробудилась и малютка,
Радостно лицо;
Написала, какъ умѣла.
Къ Богу письмецо.
Отъ сестеръ своихъ украдкой
Изъ дома ушла...

Черезъ часъ къ церковной кружкѣ
Смѣло подошла,
Опустить письмо хлопочетъ,
Вспоминая мать,
И рученками до кружки
Силится достать.
Въ этотъ мигъ священникъ старый
Мимо проходилъ
И малютку, какъ воровку
За руку схватилъ,
Но, узнавъ тотчасъ, въ чемъ дѣло,
И взглянувъ свѣтлѣй,
Пастырь съ доброю улыбкой
Отвѣчаетъ ей:
Письмецо твое, малютка,
Перешлю я самъ,
И отвѣтъ тебѣ отъ Бога
Завтра передамъ...“
Не всѣ сердца къ добру не близки,
И пламень чувствъ для многихъ данъ:
Пятьсотъ рублей онъ по подпискѣ
Собралъ отъ добрыхъ прихожанъ.
И вотъ, придя въ пріютъ убогій,
Онъ эту бѣдность увидалъ
И съ рѣчью доброю, но строгой
Малюткѣ деньги передалъ,
И молвилъ онъ: „молитесь, дѣти,
И вѣрьте вы, исполнясь силъ,
Что ни къ кому на бѣломъ свѣтѣ
Съ отказомъ Богъ не приходилъ...“

Классикъ.

Конечно.

Когда я оставляла институтъ,
Меня къ начальницѣ позвали:
Пришлось мнѣ слушать сорокъ пять минутъ
Принципы жизненной морали.
Начальница для насъ—вторая мать,
Такъ вѣдь нельзя же отпускать
Безъ наставленья и совѣта
Своихъ дѣтей на треволненья свѣта...
И рѣчь ея катилась, какъ волна,
Житейской мудрости полна,
Участьемъ родственнымъ согрѣта.
Тутъ было все: какъ съ выгодой блеснуть
Тончайшимъ свѣтскимъ воспитаньемъ,
Когда краснѣть, когда взглянуть,
Какъ управлять своимъ желаньемъ,--
И даже какъ носить корсетъ,
И какъ лечиться отъ холеры...
Ну, словомъ, тутъ являлись мѣры
Отъ всякихъ золъ, отъ всякихъ бѣдъ.
— „Но—что важнѣй всего другого"...
Такъ говорила мнѣ она:—
„Ты строго взвѣшивать должна,
Кому сказать какое слово.
Не всякому пріятна простота,—
И откровенностью обидѣть можно;
Особенно въ твои лѣта
Высказываться надо осторожно.
Не лгать!—о нѣтъ,—зачѣмъ тутъ ложь;
Но есть такія выраженья,
Въ которыхъ смысла и значенья,
Какъ ни старайся, не поймешь,
А все-таки въ минуту затрудненья
Они бываютъ якоремъ спасенья.
Ну, напримѣръ,—иному ты въ отвѣтъ
Промолвишь: „о! конечно!.."—что же это?
Понятно ли изъ этого отвѣта,

Что ты согласна или нѣтъ?
Ты этимъ словомъ не открыла
Нисколько мнѣнья твоего;
Ты отвѣчала очень мило,
Ты никого не оскорбила,
Но не сказала ничего.
Словцо мое изъ жизни взято—
Запомни крѣпко ты его"...
Мы разошлись. Я помню свято
Урокъ начальницы моей,
И съ той поры меня не мало
Ея словечко выручало
И отъ враговъ, и отъ друзей.
Толкуютъ ли передо мною
Мнѣ непонятныя слова,
Я все мое незнанье скрою,
На важный ладъ себя настрою,
Скажу:—„конечно!"—и права.
Хочу ли съ кѣмъ я не стѣсняться,
Отъ разговора отвязаться,
Которымъ я не дорожу,
Кидаю быстро мимоходомъ:
„Конечно!"—и такимъ-то родомъ
Не обижая, отхожу.
Я часто съ пользой прибѣгаю
Къ моей уловкѣ здѣсь и тамъ,
И молодежи угождаю,
И угождаю старичкамъ.
А ужъ вчера,—что это было!
Смогу-ли только повторить...
Словцо мнѣ службу сослужило,
Которой вѣкъ мнѣ не забыть.
Совсѣмъ одна была я дома,
Такой ужъ выдался денекъ,
Сижу въ гостиной, вдругъ—звонокъ!
Борисъ Андреичъ...
Я знакома
Съ нимъ больше года, но вполнѣ

Бесѣдовать наединѣ
Ни разу намъ не приходилось;
Не мудрено, что я смутилась.
Онъ входитъ...
Сѣлъ...
Заговорилъ...
Я... ничего не понимаю.
Забилось сердце, умъ застылъ,
И чувствую, что—замираю.
Онъ, правда, мнѣ... никто другой...
Онъ далъ понять мнѣ очень ясно,
Хотя и вскользь, что будто мной
Онъ восхищается ужасно.
И я сама... сама давно
Мечтала съ тайнымъ ожиданьемъ,
Какимъ плѣнительнымъ признаньемъ
Все это кончиться должно.
Какъ скажетъ онъ, какъ я отвѣчу...
Ну,—я обдумала всю встрѣчу;
Но тутъ, въ такой желанный часъ,
Когда одни мы очутились,
Я растеряла весь запасъ
Заранѣ выдуманныхъ фразъ,
Всѣ мысли какъ-то... испарились.
Пришла мнѣ полная бѣда,
Какъ заблудившейся овечкѣ,
Да вспомнила я о моемъ словечкѣ
И въ немъ спасеніе нашла.
—„О, наконецъ, она настала,—
—Минута счастья!“
Началъ онъ,
Но я смущенно отвѣчала:
—Конечно...—
И онъ сбавилъ тонъ.
—Зачѣмъ вы смотрите пугливо?
Я чѣмъ-нибудь обидѣлъ васъ?“
— Конечно...
—Чѣмъ?.. что въ первый разъ

Я невзначай и такъ счастливо
Васъ застаю наединѣ?
Но развѣ не были ко мнѣ,
Къ моимъ словамъ, къ моей надеждѣ
Вы снисходительнѣе прежде?“
— Конечно...
„Отчего-жъ теперь
Меня встрѣчаете сурово?
Я не разбойникъ, я не звѣрь,
Мое восторженное слово
Васъ не погубитъ... При другихъ
Вы не носили этой маски
И не отталкивали ласки
Въ намекахъ искреннихъ моихъ.
Я не таковъ, чтобъ мнѣ кичиться
Тѣмъ, что безмолвно говорится
Нѣмымъ пожатіемъ руки...
Еще мы очень далеки“...
— Конечно!
„Но зачѣмъ дичиться?
Не правда-ль: кто бы ни былъ я
Мы съ вами все-таки друзья?
И, хоть желай, но вашей воли
Нельзя отнять, нельзя сломить“.
— Конечно!..
„Дайте-жъ говорить,
Хотя въ тискахъ сердечной боли,
Объ увлеченіи моемъ,
О счастьи молодости честной,
Объ этой радости небесной,
Пока мы здѣсь одни вдвоемъ...
И что бы ни было потомъ,
Съ какимъ бы рѣзкимъ вы отвѣтомъ
Ни отнеслись къ моимъ мольбамъ,
Теперь иль позже,—но объ этомъ
Я долженъ высказаться вамъ“.
И что же?
Какъ это вышло, не пойму,

Но я опять-таки ему
Отвѣтила словцомъ: конечно!..
И вотъ онъ ринулся поспѣшно
Въ потокъ неудержимыхъ словъ.
Онъ увѣрялъ, что мною очарованъ,
Что жизнь онъ мнѣ отдать готовъ,
Онъ говорилъ: „я къ вамъ прикованъ,
Какъ самый вѣрный изъ рабовъ,
О, да, что проку мнѣ въ свободѣ,
Гдѣ рядомъ съ милымъ божествомъ
Мы безучастными живемъ!
Я васъ люблю“...
И въ этомъ родѣ;
Чѣмъ дальше—больше до того,
Что стала слушать я его
Совсѣмъ ужъ молча, безъ смущенья,—
Какой-то чадъ самозабвенья
Меня внезапно охватилъ...
Онъ говорилъ, онъ говорилъ,
А я молчала и молчала.
Взялъ руку,—я не отнимала;
Но все лицо мое пылало
До самой маленькой черты.
Онъ обращаться сталъ на „ты“,—
Я... только слушаю и млѣю...
Мнѣ такъ отрадно, такъ легко,
И вотъ онъ шепчетъ на ушко:
„Скажи мнѣ, хочешь быть моею?“
Тутъ я сдержаться не могла,
Вся кровь мнѣ къ сердцу прилила,
Рука невольно задрожала,
Хотѣла что-то я сказать,
Но только вдругъ, шатаясь, встала.
— Конечно! О, конечно!—закричала,
И бросилась на шею цѣловать.

В. Крыловъ.

Путешествіе въ Кевлааръ.

I.

У окошка мать стояла.
Сынъ больной лежалъ въ постели...
„Встань, мой милый, мы бы вмѣстѣ
На процессью посмотрѣли.“
— Мать моя, я тяжко боленъ,
Видѣть, слышать не могу я;
Плачу я о мертвой Гретхенъ.
И болитъ душа, тоскуя.
— Встань, пойдемъ мы къ Кевлаару
На процессію святую,
Матерь Божія излечитъ
Душу бѣдную больную;
Мать уходитъ за толпою,
Сына грустно провожая,
И поетъ она со всѣми:
„Слава, Дѣва Пресвятая!“

II.

Матерь Божья въ Кевлаарѣ
Платье лучшее надѣла;
Къ ней пришло страдальцевъ много,
Ей сегодня много дѣла.
И Ее больные люди
Покрываютъ всю дарами,
Покрываютъ восковыми
И руками и ногами.
Кто принесъ изъ воска руку,
Тотъ съ рукой безъ раны снова;
Кто далъ ногу восковую,
У того нога здорова.
Мать взяла свѣчу изъ воска,
Сердце изъ нея слѣпила...
„Дай Святой Маріи сердце,
Чтобъ страданье излѣчила.“
Сынъ беретъ, вздыхая, сердце,
Сталъ у образа святого;

Изъ очей струятся слезы
И изъ сердца льется слово!
„Дѣва, чтимая высоко,
Дѣва чистая, святая,
О, небесная царица,
Я пришелъ къ тебѣ, страдая!
„Жилъ я съ матушкой моею
Въ Кельнѣ,—городѣ, гдѣ много
Есть капеллъ великолѣпныхъ
И церквей во славу Бога.
„Подлѣ насъ жила и Гретхенъ;
Но ее взяла могила...
Я принесъ изъ воска сердце,
Чтобъ ты сердце излечила.
„Излечи больное сердце,
Буду я, ложась, вставая,
Пѣть съ горячею молитвой:
Слава, Дѣва Пресвятая!“

III.

Сынъ больной и мать-старушка
Спали въ комнатѣ убогой,
И вошла неслышно, тихо,
Къ нимъ Святая Матерь Бога.
И склонилась надъ страдальцемъ
И рукою прикоснулась
До больного сердца тихо.
Кротко, свято, улыбнулась...
Мать во снѣ все это видитъ.
Все старушка замѣчаетъ...
Просыпается тревожно...
На дворѣ собака лаетъ...
Предъ старушкой, безъ движенья
Мертвый сынъ лежалъ въ постели;
Свѣтлымъ, утреннимъ сіяньемъ
Щеки блѣдныя алѣли...
Мать скрестила тихо руки
И, себя не понимая,
Пѣла набожно и тихо:
„*Слава*, Дѣва Пресвятая!

Ѳ. М.

Три души.

Три блѣдныхъ тѣни чередой
Стучатся робко въ двери рая,
—„Открой, святой ключарь, сткрой!“
Съ мольбою тихою взывая.
И вопрошающій въ дали
Онѣ внимаютъ голосъ: „кто вы,
Во тьмѣ грядущія съ земли
Подъ эти благостные кровы?
Чѣмъ были вы? Въ какой борьбѣ,
Какіе подвиги свершали?
Какъ жили вы и чѣмъ себѣ
Блаженство райское стяжали?“
И говоритъ изъ нихъ одна:
— „Мнѣ чуждъ былъ громъ житейской
битвы;
Вся жизнь моя была полна
Благоговѣнья и молитвы:
Жрецомъ я былъ, всю жизнь людей
Добру и правдѣ поучая,
Гася постыдный пылъ страстей
И свѣточъ вѣры возжигая“...
— „Съ мечомъ въ рукѣ я міръ земной
Прошелъ—отвѣтила вторая—
Широкой пламенной волной,
И страхъ и гибель разливая,
Вся жизнь прошла средь буйныхъ сѣчъ;
Но лишь за немощныхъ и правыхъ
Я поднималъ и стягъ, и мечъ
Въ бояхъ свирѣпыхъ и кровавыхъ“...
— „А твой путь чѣмъ былъ озаренъ?“
Апостолъ третью вопрошаетъ.—
Глубокій, долгій, тяжкій стонъ
Звучитъ въ отвѣтъ и замираетъ.
И голосъ робкій и больной
Пугливо шепчетъ:—„Я?... Не знаю...
Не помню... Что-то... мракъ сырой...

Пустыня, холодъ, ночь нѣмая..,
Чужія окна—въ нихъ огни;
Чужія двери на запорѣ...
И такъ вся жизнь,—вся жизнь и дни,
И ночи—голодъ, мракъ и горе...
Молилась?...—Нѣтъ, я не могла,
Я не умѣла... Богъ?... Не знаю,
Не помню... Голодъ, стужа, мгла..:
О, посмотри, какъ я страдаю?...
Какъ страстно жаждала я дня
И часа благостной кончины;
Открой, открой, впусти меня...
Прилечь, согрѣться разъ единый.
Уснуть... уснуть... А тамъ—конецъ:
Покой и миръ и тишь нѣмая"...
—„Посторонитесь, вождь и жрецъ!"...
Раздался гласъ у двери рая.

С. Фругъ.

Послѣ балета.

Въ уборной. Лицо уронивши на руки,
Танцовщица, скорби полна,
Рыдала... Неужто житейскія муки
Извѣдала также она?
—Могу-ли войти?—Не дождавшись отвѣта,
Онъ входитъ, красивый богачъ.
—Вы плачете? Боже! возможно-ли это!
Вѣдь, глазки испортитъ вамъ плачъ!
— Уйдите, вы видите: я утомилась...
—И это причиною слезъ?..
—Конечно, я много предъ вами кружилась,
И вашъ неумѣстенъ вопросъ...
—Простите... когда вы осушите глазки...
— Уйдите!—Вы строги и злы!
Ужель не дождусь я обѣщанной ласки?
Меня не полюбите вы?

Давно-ли вы мнѣ обѣщали свиданье...
— Свиданье? Не помню, когда...
Ахъ, правда, и надо сдержать обѣщанье,
И вы возвратитесь сюда,
Когда я одѣнусь; сегодня готова
Я васъ у себя увидать...
—Одинъ поцѣлуй на прощанье!—Ни слова.
Ступайте и можете ждать!..
Окутана мглой полуночной,
Не свѣтитъ сквозь тучи луна,
На городъ веселый, пустой и порочный
Сердита, должно быть, она...
Роскошныя санки несутся стрѣлою,
И снѣгъ подъ копытомъ хруститъ...
—О, милая, радъ я, что ѣду съ тобою!
Онъ, къ ней наклонясь, говоритъ.
Она—ни полслова...—Зачѣмъ такъ угрюма?
Мы мчимся, другъ друга любя,
Зачѣмъ же какая-то грустная дума
Закралась, плутовка, въ тебя?
— Направо! къ подъѣзду—она прошептала,
И конь захрапѣлъ у дверей...
Онъ вышелъ и быстро (въ немъ кровь клокотала)
Далъ руку холодную ей.
Звонокъ. Отворили. По лѣстницѣ темной,
Гдѣ тускло горѣли огни,
Среди обстановки и грязной, и скромной,
Наверхъ поднялися они...
„Я гость твой,—сказалъ онъ,—моя дорогая“.
И къ ней наклонился слегка...
— Постойте!—и гордо его ледяная
Ея оттолкнула рука.
— Пойдемте за мною,—сказала печально,
И молча пошелъ онъ за ней...
Къ нимъ ласковый свѣтъ доносился изъ спальной...
И вотъ ужъ они у дверей...
— Теперь отоприте! Дрожа отъ волненья,

Онъ отперъ... Что сдѣлалось съ нимъ?
Зачѣмъ онъ не входитъ, но, полный волненья,
Стоитъ у дверей, недвижимъ?
Зачѣмъ его губы, какъ снѣгъ, побѣлѣли?
Зачѣмъ онъ, какъ листъ, задрожалъ?
Предъ нимъ на убогой желѣзной постели
Ребенокъ умершій лежалъ:
Бѣлѣе подушки своей бѣлоснѣжной,
Съ улыбкой на блѣдныхъ устахъ,
Лежалъ онъ, какъ ангелъ, спокойный и нѣжный,
Лежалъ, утопая въ цвѣтахъ.
Богачъ оглянулся: какъ мраморъ, спокойна,
Тая въ себѣ гордость и хладъ,
Стояла она, и не страстію знойной—
Величіемъ полонъ былъ взглядъ.
Какъ ангелъ, привратникъ божественный рая
Дышала она простотой
И гнѣвомъ невольнымъ покой охраняя
Обители этой святой...
— Ступайте!—сказала она!—но свиданья,
Надѣюся, вамъ не забыть!
И знайте, что въ мірѣ и зла и страданья
Способна я также любить!

И. Оленинъ.

Двѣ труженицы.

Барышня, съ разсвѣтомъ воротившись съ бала,
Томно протянула: „Ахъ, какъ я устала!“
Опустилась въ кресло и, закрывши очи,
Предалась мечтаньямъ о минувшей ночи.
Вся ея фигура жалкій видъ имѣла:
Нѣжное, худое, дрябленькое тѣло
Какъ-то утомленно—страстно разбросалось;

Въ миломъ, но измятомъ личикѣ, казалось,
Не было кровинки.—И, уже больная,
Слабо подымалась грудь полунагая...
Страшная усталость въ каждой складкѣ платья
Видѣлась,—и трудно было не устать ей:
Бѣдное созданье, три ужъ ночи къ ряду,
Танцовала въ полномъ смыслѣ до-упаду,—
И сегодня ночью предстоитъ ей то же...
Дай ей силъ на этотъ трудъ тяжелый Боже!...
Въ томъ же самомъ домѣ, но гораздо выше,
Въ маленькой, убогой комнаткѣ, подъ крышей,
Обитала швейка... Ужъ перевалило
За полночь. Бѣдняжка напрягла всѣ силы,
Кончила работу, потянулась сладко,
Кое-какъ раздѣлась, улеглась въ кроватку,
Съежилась—и крѣпко-накрѣпко заснула,
Подъ глухую пѣсню уличнаго гула.
Сладко отдыхало тѣло молодое,
Ясно улыбалось личико худое...
Видѣлся, должно быть, сонъ хорошій: вѣрно,
Милый сердцу снился... (Милый былъ, навѣрно!...).
Бѣдная!... А завтра, чуть ужъ свѣтъ, готова—
И съ утра засядетъ за работу снова
До глубокой ночи... Впереди все то же...
Дай ей силъ на этотъ трудъ тяжелый, Боже!

В. Лихачевъ.

Сонъ Лэди

Леди въ пышной пуховой постели спала,
Вкругъ нея все покоемъ дышало;
Но тревоженъ былъ сонъ ея: съ мраморныхъ плечъ
Она сбросила шелкъ покрывала
И, раскинувши бѣлыя руки во снѣ,
Какъ больная, порою стонала...
И, очнувшись внезапно, она поднялась

Истомленныхъ подъ гнетомъ вседневной нужды
И безъ крова по свѣту бродящихъ,
Сонмы блѣдныхъ, согнутыхъ болѣзнью людей
И о хлѣбѣ насущномъ просящихъ!
Шелъ увѣчный, слѣпой, мать съ младенцемъ въ рукахъ,
Голодавшимъ у груди безсильной;
Шелъ ребенокъ бездомный, шла, плача, вдова
И просила на саванъ могильный...
И нагой, и голодный прошли предо мной—
Жившій благами жизни обильной...
Всѣ, кого бы одѣть, накормить я могла,
Чьи утѣшить могла бы я муки,
Чью слезу отереть—всѣ они предо мной,
Шли, простерши дрожащія руки,
И въ молчаньи ночномъ разносились кругомъ
Ихъ моленій скорбящіе звуки!
О, прости мнѣ, мой Боже!... Ужасно душѣ
Вспомнить то, какъ донынѣ жила я.
Сколько бѣдныхъ людей въ ранній гробъ я свела,
Ихъ тяжелымъ трудомъ угнетая!
Мнѣ отплатится каждая горя слеза,
Изъ очей бѣдняка пролитая!
Въ наслажденіи, нѣгѣ я жизнь провела,
Я питалась роскошною пищей,
И сыта и довольна собой, каждый день
Веселилась въ богатомъ жилищѣ,
И не думала я никогда, никогда
О тебѣ, голодающій нищій!
Былъ блестящъ и богатъ мой вседневный нарядъ,
Кружева, брилліанты сіяли,
Пышный бархатъ и шелкъ, и атласъ, и мѣха
Мое тѣло тепло одѣвали;
Что-жъ мнѣ было до тѣхъ, что холодной зимой
На холодныхъ камняхъ замерзали!..
Многимъ помощь могла бы я дать на землѣ,
Облегчить и утѣшить страданья,

Но ни разу въ холодное сердце мое
Не пролился огонь состраданья:
Заглушило въ немъ голосъ любви къ бѣдняку
Жизни праздной, пустой ликованье!“
И, рыдая, руками всплеснула она,
По лицу ея слезы катились;
Совѣсть душу ей грызла, и мрачно предъ ней
Всѣ грѣхи ея жизни столпились...
О, когда бы такіе же страшные сны
Многимъ лэди въ часъ ночи приснились.

В. Буренинъ.

Среди бриллiантовъ.

Въ будуарѣ пышномъ тишина ночная,
Угольки въ каминѣ меркнутъ, догорая;
Блѣдною полоской отблескъ золотистый
Падаетъ, волнуясь, на коверъ пушистый;
Шелковое платье брошено небрежно;
Туфельки другъ къ дружкѣ жмутся будто нѣжно;
Тутъ же на козеткѣ ленты шляпки пестрой
Въ свѣтовой полоскѣ бьютъ окраской острой;
Теплота ласкаетъ мягкими струями,
И сигарой пахнетъ, пудрой и духами...
Тишина... Но что-то будитъ слухъ какъ будто,
И душой невольно внемлешь тутъ чему-то...
Вотъ вблизи шкатулки тонкой мозаики,
Блѣднаго сiянья отражая блики,
Искрятся цвѣтные, яркiе каменья,
И, полны живого, страстнаго движенья,
Кольца, ожерелья, серьги, дiадемы—
Женскаго блаженства милыя эмблемы—
Точно вдругъ объяты чудодѣйной силой,
Межъ собой вступаютъ въ разговоръ премилый...

Впрочемъ, коль все дѣло разсказать вамъ стройно,
Тутъ была бесѣда не совсѣмъ спокойна.
Первымъ голосокъ свой для другихъ примѣромъ—
Подало колечко съ крупнымъ солитеромъ:
—Гм!.. нельзя-ли... какъ васъ, милая... немножко
Быть поделикатнѣй!... всякая тутъ брошка,
Мелкота—и лѣзетъ тоже... Я себя вѣдь
Не могу же рядомъ съ кѣмъ-нибудь поставить!
Я къ хозяйкѣ нашей не спроста попало,
Не хвалюсь нисколько—стоило не мало:
Этотъ старикашка дряхлый, дряблый, кислый,
Съ челюстью вставною и губой отвислой—
Брр! съ какою дрожью, жалкою и гадкой,
Припадалъ губами онъ къ ея перчаткѣ...
„Я люблю—шепталъ онъ—я люблю васъ, фея!"—
Запахомъ пачули въ личико ей вѣя...
Какъ дрожали ручки у голубки бѣдной
Близь руины этой, немощной и блѣдной!...
А старуха тетка на подарокъ глядя,
Шамкала:—„Въ сорочкѣ родилась ты, Надя"...
„Э—mon cher, па-сюшьте!"—Голосокъ слащавый
Тутъ прервалъ колечко, и рубинъ кровавый
Глянулъ изъ шкатулки ярко, величаво:
„Что тамъ старикашка! Э... отстаньте, право,
Вы со старикашкой вашимъ интендантскимъ,—
Я былъ ей подаренъ атташе испанскимъ,
Статнымъ, чернобровымъ, родомъ изъ Севильи,
Гдѣ его усердно донны Инезильи
Обучали разнымъ вкусамъ и манерамъ,
Свойственнымъ всѣмъ лучшимъ въ mond'ѣ
кавалерамъ.
Отъ нея испанецъ былъ въ восторгѣ прямо
И съ одною свѣтской, лѣтъ преклонныхъ дамой
Юношѣ сулившей путь удачъ безбрежный,
Для нея порвалъ онъ узы дружбы нѣжной"...
„—Только-то? Скажите! отозвалась брошка,—
Есть и подороже, поважнѣй немножко:
Я вотъ съ этимъ самымъ дивнымъ брилліантомъ.

Куплена блестящимъ, виднымъ адъютантомъ
Съ пышными усами, съ обликомъ героя,
Съ крупнымъ состояньемъ и долгами втрое,—
И—замѣтьте, за день до вѣнца съ прелестной,
Говорятъ, невѣстой изъ семьи извѣстной...
Какъ! Вы не слыхали? Да вѣдь прошлымъ лѣтомъ
Всюду толковали пять недѣль объ этомъ"...
„—Ну-съ, а я вотъ съ этимъ дорогимъ опаломъ
Преподнесена ей полнымъ генераломъ!—
Звякнула браслетка (двѣ цѣпочки мигомъ
Вытянулись въ струнку..). Подъ житейскимъ игомъ
Пылъ свой сохранило сердце генерала.
И предъ битвой новой, не смутясь ни мало,
Женино имѣнье заложилъ онъ въ банкѣ,
Чтобъ доставить новый будуаръ вакханкѣ,
И вступить на мѣсяцъ, на два, въ роль Париса"...
„—Нѣтъ, постой, душа мой! Мы хоть изъ Тифлиса,—
Грянула другая, съ чудной бирюзою—
А поспорить крѣпко можемъ мы съ тобою.
Мы и адъютанта ей побольше любы;
Крѣпче генерала цѣловали въ губы...
Да, душа мой—правда!"... И разсказъ подробный
Повела браслетка, яркій безподобный
Объ упорномъ торгѣ передъ соглашеньемъ,
Кутежахъ съ тоскою, ласкахъ съ омерзеньемъ,
Съ явною улыбкой, съ тайною измѣной
И, разрывомъ съ грубой и скандальной сценой...
Каждая бездѣлка въ будуарѣ этомъ,
Убранномъ такъ мило, нѣжно обогрѣтомъ,
Громко говорила о затѣяхъ шумныхъ,
О ночахъ разгульныхъ, о ночахъ безумныхъ...
Часъ прошелъ. Погасли угольки въ каминѣ;
Все кругомъ безмолвно было, какъ въ пустынѣ,
За окномъ уныло вьюга завывала.
А въ углу лампадка трепетно мерцала.
И при свѣтѣ кротко полночью безсонной
Женщина сидѣла съ головой склоненной

И глядѣла взоромъ вдумчивымъ и строгимъ
На одно колечко съ камушкомъ убогимъ,
Вынутое ею изъ какой-то мѣдной
Сломанной тавлинки, старенькой и бѣдной,
И подъ вой мятели передъ ней вставали,
Полныя отрады, полныя печали,
Чудныя мгновенья: ночь въ степяхъ Украйны...
Первыхъ грезъ невинныхъ, первый трепетъ тайный...
Робкія признанья... Проводы и встрѣчи...
Милые тѣ взгляды, милыя тѣ рѣчи...
Вспомнились и слезы... Много безъ возврата
Ихъ изъ глазокъ чистыхъ вытекло когда-то...
Вотъ... одна осталась,—и горитъ родная,
И течетъ, на милый перстень упадая...
Мигъ,—и какъ же ярко, подъ слезой свинцовой
Засверкалъ алмазикъ тусклый и дешевый!—
Вспыхнулъ, загорѣлся звѣздочкой прощальной,
Искрою послѣдней памяти печальной...

С. Г. Фругъ.

Катерина.

Вянетъ, пропадаетъ красота моя!
Отъ лихого мужа нѣтъ въ дому житья.
Пьяный все колотитъ, трезвый все ворчитъ.
Самъ, что ни попало, изъ дому тащитъ!
Не того ждала я, какъ я шла къ вѣнцу!
Къ братцу я ходила, плакалась отцу,
Плакалась сосѣдямъ, плакалась родной,
Люди не жалѣютъ—ни чужой, ни свой!
„Потерпи, родная“,—старики твердятъ:—
„Милаго побои не-долго болятъ!“
„Потерпи, сестрица!“—отвѣчаетъ братъ:—
„Милаго побои не долго болятъ!“
„Потерпи!“—сосѣди хоромъ говорятъ:—
Милаго побои не долго болятъ!

Есть солдатикъ Ѳедя, дальняя родня,
Онъ одинъ жалѣетъ, любитъ онъ меня;
Подмигну я Ѳедѣ,—съ Ѳедей мы вдвоемъ
Далеко хлѣбами за село уйдемъ:
Всю открою душу, выплачу печаль,
Все отдамъ я Ѳедѣ—все, чего не жаль!
„Гдѣ ты пропадала?“—„спроситъ муженекъ!
— Гдѣ была, тамъ нѣту!—такъ-то, милъ дружокъ,
— Посмотрѣть ходила, высока-ли рожь!
„Ахъ, ты дура баба! ты еще и врешь“...
Станетъ горячиться, станетъ попрекать!
Пусть его бранится, мнѣ не привыкать!
А и поколотитъ—не великъ накладъ:
Милаго побои не долго болятъ!

Н. А. Некрасовъ.

Уличный Мальчикъ.

Если я вижу: по улицѣ грязной,
Блузою рваной прикрытъ,
Весь перепачканъ, походкой развязной
Мальчикъ красавецъ спѣшитъ;
Если я вижу: испорченый рано,
Плутъ и охотникъ до дракъ,
Между пролетокъ, онъ, въ обуви рваной,
Съ камнемъ гоняетъ собакъ;
Если рѣзвится на полной свободѣ
Этотъ терновый цвѣтокъ:—
—Можетъ быть, мама его на заводѣ,
Батька засаженъ въ острогъ—
Сердце мое замираетъ въ тревогѣ:
„Много-ль отъ жизни ты ждешь?
Въ рубищѣ ветхомъ, по темной дорогѣ
Ты беззащитнымъ бредешь!
Что-то тебѣ, мой птенецъ говорливый,
Годы весны принесутъ:
Жажду-ль разврата и жажду наживы,

Или терпѣнье и трудъ?
Будешь ходить ты въ клейменомъ халатѣ?
Блузу носить батрака?
Чахнуть въ тюрьмѣ, иль въ больничной палатѣ?
Дни коротать у станка?"...
О, какъ прижала-бъ я, крѣпко и страстно,
Бѣднаго крошку къ себѣ,
Въ бурномъ порывѣ печали всевластной,
Въ горькой душевной борьбѣ!
Бѣдному крошкѣ отдать я готова
Всѣ поцѣлуи свои—
Молвить, рыдая, великое слово,
Братское слово любви:
„Дикимъ терновникомъ я уродилась,
Вскормлена трудной борьбой,—
Мама моя на заводѣ трудилась:
Мальчикъ, мы—братья съ тобой!"

Ада Негри.

Безправная.

Окончился обрядъ блестящихъ похоронъ:
Осыпанъ розами, оплаканъ, погребенъ,
Согласно правиламъ строжайшимъ этикета,
И вотъ послѣдняя отъѣхала карета.
Какъ пѣли пѣвчіе, какая масса розъ,
И рѣчь надгробную какъ чудно произнесъ
Отецъ архимандритъ!.. Въ плерезахъ и вуали
Изъ крепа—символы наглядные печали—
Какой изящною казалася вдова.
Въ моментъ прощанія съ ней обморокъ едва
Не сдѣлался. Когда въ сопровожденьи брата
И стройнаго, въ pince-nez съ бородкой дипломата'
Она съ платкомъ у глазъ ко гробу подошла,
Шепнули многіе: „Ахъ какъ она мила
Въ глубокомъ траурѣ!—А жизнь ея была

Не легкою... Да, да!—и тутъ передавали
Другъ другу шепоткомъ подробности о томъ,
Что ихъ покойный другъ, къ несчастію, едва-ли
Способенъ былъ служить супруга образцомъ;
Тутъ женщина одна... Онъ съ нею былъ знакомъ,
Лѣтъ шесть... бухгалтерша, иль что-то въ этомъ родѣ,
Изъ нынѣшнихъ. И онъ мечталъ ужъ о разводѣ,
Хотѣлъ ей имя дать!—Возможно-ли? Horreur"!
Несчастная Aline!—Вѣдь ей грозилъ позоръ!„
Но все окончилось, и масса приглашенныхъ
Особъ и важныхъ лицъ, обрядомъ утомленныхъ
Разъѣхались; ушли рабочіе домой,
Поставивъ крестъ и холмъ, усыпанный цвѣтами.
Пригрѣтый яркими, весенними лучами,
Съ крестомъ, сіяющимъ на солнцѣ бѣлизной.
Остался одинокъ.

———

Но вотъ въ концѣ аллеи
Мелькнула женщина. Минуя мавзолеи
И скромные кресты, приблизилась она
Съ заплаканнымъ лицомъ, измучена блѣдна,
И, озираяся тревожно, боязливо,
Какъ робкій, загнанный собаками звѣрекъ,
Она изъ подъ плаща украдкою вѣнокъ
Рукой дрожащею достала торопливо,
И, положивъ его къ подножію креста,
Среди вѣнковъ другихъ, безмолвно зарыдала,
И, зашатавшися, лицомъ на дернъ упала:
Она не плакала, но блѣдныя уста
Дрожали отъ другихъ, подавленныхъ рыданій,
Ей выплакать пришлось за эти дни страданій
Всѣ слезы, и теперь, увы, ихъ больше нѣтъ.
Что было съ ней, когда впервые изъ газетъ
Пришлося ей узнать о моментальной смерти
Того, кто ей дороже жизни былъ!

Не можетъ быть! На-дняхъ онъ былъ въ концертѣ
Съ знакомою семьей, потомъ онъ заходилъ
Къ ней утромъ. Радуясь заранѣе свободѣ
Своей, онъ говорилъ, что просьба о разводѣ
Имъ заготовлена, и вдругъ... Не можетъ быть—
Къ нему, скорѣй къ нему! Увидѣть, разспросить!

У памятнаго ей массивнаго подъѣзда
Въ ней сердце дрогнуло на мигъ, при видѣ съѣзда
Громаднаго каретъ. Кружилась голова...
Какъ будто-бы сквозь сонъ ей слышались слова:
—„Скончался въ эту ночь!"—По лѣстницѣ, блѣднѣя
Спѣшитъ она, и вотъ предъ ней лицо лакея·
„Не велѣно пускать!"—А тамъ, за дверью той,
Предъ ней безжалостно, нахально запертой,
Ей слышится напѣвъ печальной панихиды,
И слезы жгучія страданья и обиды,
Позора—хлынули изъ глазъ!..
Какъ жаждала она въ послѣдній разъ
Проститься съ тѣмъ, кого безумно полюбила
Она, и для кого оставила семью,
Отдавъ ему любовь, и жизнь, и честь свою!..
Взглянуть въ лицо его. И въ этомъ даже было
Отказано!!..—Туда идутъ толпы людей
Чужихъ ему, и ей, одной лишь только ей,
Нѣтъ мѣста близь него, нѣтъ мѣста между ними
И вновь сегодня, въ день печальныхъ похоронъ,
Съ вуалью на лицѣ, скрываясь межъ колоннъ
На паперти, она, подъ взорами косыми
Лакеевъ и зѣвакъ, съ тоской ждала конца.
Ей мѣста не было у гроба мертвеца.
Семья покойнаго боялася „скандала"
И „мѣры" приняла... О, какъ она страдала!.
Но все окончилось. Теперь она одна
Осталась съ нимъ. Кругомъ нѣмая тишина,
Никто не явится, отъ гроба дорогого

Никто не оторветъ, никто не запретитъ
Ей плакать. Отъ нея вѣдь отняли живого,
Но мертвый онъ лишь ей одной принадлежитъ.

Она слегла. Когда-жъ, оправясь черезъ силу,
Худая, слабая, пришла она могилу
Провѣдать, то ее едва могла она
Узнать... Рѣшеткою рѣзной обнесена,
Затворена на ключъ, вся мраморомъ обшита...
Искусственныхъ цвѣтовъ гирляндами обвита,
Она являлась ей холодною, чужой...
А какъ хотѣлось ей больною головой
Припасть на свѣжій дернъ, съ рыданіемъ,
какъ прежде.
Все отняли у ней, не сбыться и надеждѣ
Послѣдней! Боже мой! Умершій иль живой
Онъ имъ принадлежитъ, не ей, стыдомъ покрытой,—
„Безправной"—въ ихъ глазахъ... О, жгучая тоска!
Она отъ мертваго такъ страшно далека,
Какъ этотъ— весь въ грязи, поломанный, разбитый,
Съ могилы сброшенный въ траву, у самыхъ ногъ,
Когда-то ей самой возложенный вѣнокъ.

О. Чумина.

Разсвѣтъ.

З. В. Холмской.

Ты помнишь—мчались мы на тройкѣ зимней ночью...
Ужъ десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ...
какъ десять дней...
Ты помнишь эту ночь?.. Свѣтили ярко звѣзды
И первый снѣгъ игралъ милльонами огней,
Въ блѣстѣвшія глаза ревнивыя снѣжинки
Неслися искрами, и вѣтеръ обжигалъ,
Летя на встрѣчу намъ, пылающія щеки.
Ты былъ моимъ тогда!.. Тогда твой взоръ не лгалъ.

Въ твоихъ глазахъ горѣлъ огонь любви могучей;
И было—помню—мнѣ такъ хорошо тогда,
Прижавшися къ тебѣ, въ морозной этой ночи
Неслись впередъ безъ думъ, заботъ... Зачѣмъ?
Куда?—
Не все-ль равно!.. Тогда въ шумящемъ этомъ вихрѣ
И холодѣ снѣговъ мнѣ было такъ тепло.
Такъ сладко билась грудь... Ты помнишь эту ночь?
Ты былъ моимъ тогда!..

* * *

Какъ быстро все прошло!
Вся ночь прошла, какъ сонъ волшебный и
прекрасный!
И наступилъ разсвѣтъ... Сырой туманный день...
Кой гдѣ растаялъ снѣгъ... Измученные кони
Везли, скользя въ грязи. На нашихъ лицахъ тѣнь
Усталости легла... Устали мы съ тобою
Отъ блеска и огней пылавшихъ въ эту ночь...
И если нашихъ глазъ случайно взоръ встрѣчался,
Спѣшили отвести мы ихъ скорѣе прочь,
Чтобы не встрѣтить взглядъ холодный и
усталый...
Томило сердце намъ сознанье, что прошла
Ужъ эта ночь.. прошла и больше не вернется.
И думалось тогда: о, еслибъ я могла
Къ груди его теперь еще прижаться грудью,
Къ устамъ его опять лобзаніемъ прильнуть!..
Но руки холодны... Уста твои сомкнуты,
И жаждешь ты скорѣй окончить скучный путь

* * *

Ты помнишь эту ночь? Ты помнишь это утро?
Какой въ твоихъ глазахъ читала я отвѣтъ!
Вся наша жизнь прошла какъ эта ночь...
мелькнула
Волшебнымъ сномъ любви...
И наступилъ разсвѣтъ.

А. Мюссаръ-Викентьевъ.

* * *

Женщинѣ дорогу!
И, рабой царицей,
Безмятежно шла ты яркой вереницей
Выспреннихъ восторговъ, робкихъ воздыханій,
Сладкозвучныхъ пѣсенъ, пламенныхъ желаній.
И безумныхъ вспышекъ доблести спесивой—
Шла на жертву страсти, въ храмъ любви ревнивой.

* * *

Но разбиты мощнымъ дубомъ обновленья
Обветшалой цѣпи вѣковыя звенья:
Труженицей скромной, съ бодрою душою,
Брани и лишеній тяжкою стезею,
Шествуешь ты нынѣ къ пышному чертогу
Знанія и свѣта...
Женщинѣ дорогу!

В. С. Лихачевъ.

Умирающая мать.

„Что, умерла, жива? Потише говорите;
Быть можетъ, удалось на время ей заснуть“...
И кто-то предложилъ: „Ребенка принесите
И положите ей на грудь!“
И вотъ на мѣстѣ томъ, гдѣ прежде сердце билось,
Ребенокъ съ плачемъ скрылъ лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась,—
Все кончено: молитесь за нее!

А. Апухтинъ.

Бѣдный дроздъ.

(Изъ Владислава Сырокомли).

Охотникъ, охотникъ, продай мнѣ дрозда!"—
Такъ мальчикъ на рынкѣ вскричалъ подбѣгая
Къ стрѣлку...
Тотъ взглянулъ: рубашенка худая
На бѣдномъ ребенкѣ...
—„Продать не бѣда,
Да хватитъ-ли денегъ? Вѣдь дичь дорогая!"
Ворчалъ онъ съ презрѣньемъ:—„У васъ, голышей,
Я знаю, немного найдется грошей.
Два злота! Дешевле продать нѣтъ разсчета."
—„Побойся-же Бога! Ты просишь два злота.
Я столько имѣю, стрѣлокъ, но теперь
Деньжонки мнѣ нужны; мой братъ, изъ пеленокъ
Едва только вышедшій бѣдный ребенокъ,
Безъ хлѣба отъ голоду плачетъ, повѣрь.
Иду я за хлѣбомъ, а дальше—въ аптеку;
Хвораетъ и чахнетъ кормилица мать.
Не жить, ей, страдалицѣ, долгаго вѣку!
Микстуру ей лекарь велелъ принимать—
Три ложечки въ сутки, и дичью питаться...
Мой батюшка—слесарь. Злодѣйка-нужда
Его истомила, не буду скрываться...
За злотъ, ради Бога, продай мнѣ дрозда,
Иначе деньжонокъ въ аптеку не хватитъ.
Тебѣ самъ Господь остальное доплатитъ."
Со смѣхомъ стрѣлокъ отвѣчаетъ:—„Ей-ей,
У матки твоей аппетитъ не по чину!
Не зналъ я, что жены простыхъ слесарей,
Какъ барыни, кушать умѣютъ дичину;
Рецептъ я имѣю,—рецептъ дорогой,
Отъ всякихъ болѣзней; онъ стоитъ бездѣлки;
Скажи, чтобъ больная стаканчикъ—другой
Хватила веселой, цѣлебной горѣлки...
Два злота, не меньше—тебѣ говорятъ;
Для нищихъ невыгодно тратить зарядъ."

—„Охотникъ, охотникъ, поди-ка сюда!“—
Такъ баринъ въ коляскѣ вскричалъ торопливо!
Что просишь, любезный, съ меня за дрозда?“
—„Пять злотыхъ, извольте... Не птица, а диво:
—„Охотникъ, охотникъ, возьми полтора,
Я два заплачу!“—торговался малютка:
„Мнѣ некогда ждать, мнѣ въ аптеку пора.
Два злота даю, а вѣдь это не шутка!
Ты слово мнѣ далъ, свой товаръ оцѣня....“
А баринъ въ коляскѣ со злобой хохочетъ:
—„Вотъ мило, вотъ славно! Мальчишка, онъ хочетъ,
Онъ смѣетъ дичину отнять у меня.“
—„Я милости требую, ясновельможный!“
Воскликнулъ ребенокъ съ тоскою тревожной.
—„Какой? Для кого? Не могу я постичь...“
—„Позвольте истратить послѣдній грошъ мѣдный,
Позвольте купить мнѣ для матушки бѣдной
Лекарство ей нужное, свѣжую дичь.
Такъ лекарь велѣлъ“...
Господинъ изъ коляски
Прищурилъ, съ насмѣшкой, заплывшіе глазки.
—„Я, милый, съ базара тебя не гоню,
Сыновнее чувство въ тебѣ уважаю,
Но свѣжую, рѣдкую дичь обожаю,
И ею сегодня дополню меню.
Отличное блюдо! Оближешь всѣ пальцы.
А вы, бѣдняки, вы—святые страдальцы
Не можете прелесть дрозда понимать;
Для васъ не годится роскошное блюдо,
Живется вамъ горько, живется вамъ худо!
Поди-же, утѣшь ненаглядную мать,
Поди безъ дрозда, но съ отличнымъ совѣтомъ,
Чтобъ кушала борщъ или жирныя щи,
Прибавивши перцу немножко при этомъ,
И будетъ здорова зимою и лѣтомъ,
А дичь не отдамъ ей... Pardon! Не взыщи!“
Стрѣлку бросивъ талеръ и взявши дрозда,
Онъ быстро умчался, доволенъ развязкой.

Ребенокъ, рыдая, бѣжитъ за коляской,
А кучеръ кричитъ:—„Да куда ты? Куда?
Еще не доволенъ ты барскою лаской?
Такъ вотъ-же тебѣ!“ И ударилъ бичомъ,
И брызнула кровь изъ ребенка ключемъ.
Охотникъ смѣется:—„Какой ты неловкій,
Ты самъ виноватъ, что попался въ бѣду,
Ступай-же домой со своей двухзлотовкой,
А я выпить водки стаканчикъ пойду.“
Далеко коляска богатая скачетъ;
Стрѣлокъ распиваетъ въ трактирѣ вино.
Сжавъ деньги въ рученкѣ, ребенокъ все плачетъ,
Какъ глупо онъ плачетъ! Какъ это смѣшно!
Что жъ дальше случилось? Три гроба несутъ,—
Явилися трое на праведный судъ.
И слесарша въ первомъ некрашеномъ гробѣ
Не ей—истомленной, а важной особѣ
Личина достаться была суждена.
Стрѣлокъ занимаетъ вторую колоду;
Онъ сильно на барскія деньги кутилъ
И душу изъ тѣла пустилъ на свободу,
Когда изъ ружья—прямо въ сердце хватилъ.
Послѣднему гробу толпа удивилась;
Подобныхъ гробовъ не видать никогда!
Особа, лежавшая въ немъ, подавилась,
Какъ лакомка, косточкой мелкой дрозда.
Особа подъ пышнымъ покровомъ не дышетъ
И ждетъ, что свершится на страшномъ судѣ...
Тамъ ангелъ правдивую повѣсть напишетъ:
„О бѣдномъ дроздѣ“.

Л. Н. Трефлово.

Артистка Императорскихъ театровъ
Г-жа БАЛЕТА.

Мечты королевы.

1.

Шуменъ праздникъ; не счесть приглашенныхъ гостей.
Море звуковъ и море огней...
Ихъ цвѣтною каймой, какъ гирляндой, обвитъ
Прудъ,—и спитъ, и какъ будто не спитъ..
А изъ сада надъ замкомъ и свѣтлымъ прудомъ..
Замирая въ затишьи ночномъ,
Долетая до звѣздъ и до горныхъ громадъ,
Звуки флейтъ и литавровъ гремятъ.
Шуменъ праздникъ и веселъ,—и только грустна
На пиру королева одна.

2.

День прошелъ, какъ въ чаду, и во весь этотъ день
Оживленныхъ торжествъ безъ конца
Не сбѣгала съ чела ея грустная тѣнь,
Не сходило раздумье съ лица.
И когда на охотѣ, за шумнымъ столомъ,
Изъ блестящаго круга гостей
Всталъ прекраснѣйшій рыцарь, и чашу съ виномъ
Поднялъ въ честь королевы своей,
И раздался въ лѣсу вдохновенный привѣтъ,
Свѣтлый гимнъ красотѣ и вѣнцу,—
Королева едва улыбнулась въ отвѣтъ,
Не промолвивъ ни слова пѣвцу.

3.

Но настала душистая ночь—и кругомъ
По карнизамъ и въ мракѣ аллей,
Вкругъ фонтановъ и нишъ и надъ тихимъ прудомъ
Засверкали милльоны огней...
Вѣютъ перья баретовъ и шпоры звенятъ,
Залъ плющемъ и цвѣтами обвитъ,
И веселый гавотъ, оглашая весь садъ,
Изъ готическихъ оконъ звучитъ.
А надъ садомъ встаетъ золотая луна,

Изъ-за граней далекихъ высотъ.
Ароматная ночь, какъ вакханка, пьяна,
Какъ лобзанья, ласкаетъ и жжетъ.

4.

Королева одна, королева груститъ...
Высоко подъ цвѣтною парчей
Поднимается грудь и, какъ жемчугъ скользитъ,
По ланитамъ слеза за слезой.
Въ душной нишѣ окна полумракъ голубой;
Сладко плачетъ въ кустахъ соловей,
И какъ будто сквозь сонъ долетаютъ порой
Звуки танца и шумныхъ рѣчей.
А на завтра опять тотъ-же шумъ и огни,
Ложь восторговъ и ложь серенадъ...
Такъ безслѣдно промчатся всѣ лучшіе дни,
И потомъ не вернуть ихъ назадъ!..

5.

Сбросить прочь-бы скорѣй этотъ пышный нарядъ,
Потушить-бы огни—и одной,
Безъ докучливой свиты уйти въ этотъ садъ,
Убѣжать въ этотъ сумракъ ночной...
А въ саду, чтобъ прекраснѣйшій юноша ждалъ,
Чтобъ навстрѣчу онъ бросился къ ней,
И лобзалъ, безъ конца и безъ счета лобзалъ
И уста-бы, и кольца кудрей...
Безъ конца-бы лобзалъ, безъ конца бы любилъ,
Жегъ отвѣтныхъ объятій огнемъ,—
И чтобъ молодость, полная страсти и силъ,
Въ немъ кипѣла горячимъ ключемъ...

С. Надсонъ.

Вальсъ.

(Монологъ).

Въ разгарѣ балъ, и я—его царица,
Поклонниковъ толпой окружена,
Извѣстныя во всѣхъ салонахъ лица,

Знакомыя beau mond'у имена...
Моихъ таблетокъ первая страница
Фамиліями ихъ испещрена,—
Но жаль тѣхъ дней, когда въ замѣнъ, бывало,
Я имя здѣсь завѣтное встрѣчала.
Шесть лѣтъ назадъ! Возможно-ли? Ужели
Не цѣлый вѣкъ—прошло всего шесть лѣтъ?
Какъ помню я, мой первый выѣздъ въ свѣтъ
Блестящій балъ, аккорды ритурнели,
Мой дѣвственный воздушный туалетъ...
Онъ также былъ, восторженно горѣли
Его глаза, и этотъ мой успѣхъ
Дороже былъ, милѣй успѣховъ всѣхъ.
Играютъ вальсъ... Вы говорите: старый,
Но хорошо мнѣ памятный мотивъ;
Мелодіи тоскующій призывъ
Опять звучитъ, воспоминаній чары
Въ душѣ моей собою пробудивъ,
И подъ него опять несутся пары.
И каждый звукъ напоминаетъ вновь
Мнѣ молодость и первую любовь.
Все—прежнее, и залъ все тотъ же самый,
И вотъ опять встаютъ передо мной,
Какъ милый ликъ изъ пожелтѣвшей рамы:
Восторгъ любви наивно молодой,
Подробности полузабытой драмы:
Какъ въ забытьѣ, съ блестящею толпой
Я уношусь впередъ,—но что же это?
Мнѣ кажется, какъ будто волны свѣта
Померкли вдругъ, и музыка слышна
Издалека, какъ ропотъ водопада...
Мнѣ дурно?.. Нѣтъ, слегка утомлена,
Благодарю, мнѣ ничего не надо.
Вы испугались? Развѣ я блѣдна?
Здѣсь хорошо! Душистая прохлада
И вѣтерокъ... Вотъ такъ, шесть лѣтъ назадъ,
Когда-то съ нимъ сошла я въ темный садъ.
Мы такъ же здѣсь стояли, какъ теперь,

И полосою свѣтъ ложился лунный,
И музыка въ растворенную дверь
Неслася къ намъ, и онъ шепталъ мнѣ:—Вѣрь!
Какъ были мы неопытны и юны;
Года прошли,—но ясно до сихъ поръ
Я помню все; его улыбку, взоръ...
Я чувствую всю прелесть ночи звѣздной
И теплое пожатіе руки...
Въ душѣ—приливъ восторга и тоски
Мучительной и горько безполезной.
Но эти дни блаженства—далеки.
Прошедшее непроходимой бездной,
Преградою глубокою легло
Межъ тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что быть могло.
Смолкаетъ вальсъ... конецъ очарованья...
Гдѣ милый ликъ? Гдѣ милыя слова?
Зачѣмъ нельзя сказать воспоминанью:
— Умри и ты, когда любовь мертва?
Скорѣй туда—къ восторгу, къ ликованью!
Не даромъ я—царица празднества.
Я жажду блеска, лести, поклоненья:
Я все отдамъ за мигъ одинъ—забвенья!

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Противъ теченія.

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
„Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати-ли
„Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
„Много-ли васъ остается, мечтатели?
„Сдайтеся натиску новаго времени!
„Міръ отрезвился, прошли увлеченія—
„Гдѣ-жъ устоять вамъ, отжившему племени,
„Противъ теченія?“
Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,

Тѣ же насъ радуютъ звезды небесныя!
Правда все таже! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите во имя прекраснаго,

Противъ теченія!

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
Въ приступахъ ярыхъ на божьи обители,
Дерзко ругаясь святынѣ награбленной,
Также кричали иконъ истребители;
„Кто воспротивится нашему множеству?
„Міръ обновили мы силой мышленія—
Гдѣ-жъ побѣжденному спорить художеству

„Противъ теченія!“

Въ оные-жъ дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово учителя,
Книжники такъ говорили, надменные:
„Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ
„Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
„Имъ-ли, убогимъ идти галилеянамъ.

„Противъ теченія?“

Други, гребите: Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
На-берегъ вскорѣ, мы волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное.
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
„Противъ теченія!

Гр. А. Толстой.

Послѣдній поцѣлуй.

(Разсказъ прислуги).

Какъ это было—сейчасъ раскажу:
Барыня съ гостемъ *шу-шу* да *шу-шу*,
Гость нашу барыню—*чмокъ!*
Баринъ съ кровати какъ—*скокъ!*
Барыня—въ кресла, и—*ахъ*!
Баринъ на гостя, и *трахъ!*
Гость: „*О го-го*!“
Да на него!
Только... того!
Баринъ нашъ—*во!*
Гость передъ бариномъ—*тьфу*!
Баринъ его здѣсь—и *ну!*
Ужъ и сюда!
Ужъ и туда!
Знай только, *хлопъ* все, да *хлопъ!*
Послѣ за шиворотъ *цопъ!*
Въ двери—и *пехъ*!
Гость только „*Охъ*!“
Съ лѣстницы слышимъ мы, *тар-тарраррры!*
И не видать съ той поры.

Стрекоза и Одуванчикъ.

Сказка.

Былъ май, веселый мѣсяцъ май,—
Кому-же грустно въ маѣ?
Цвѣтовъ въ поляхъ хоть убавляй,
А лѣсъ? а птичьи стаи?
А небо въ звѣздахъ и лунѣ?
А тучи на закатѣ,
То въ перламутровомъ огнѣ,
То въ пурпурѣ, то въ златѣ,
Итакъ, былъ май: поля цвѣли,
Въ аллеяхъ пѣли пчелки,

На межникахъ коростели,
А въ просѣ перепелки.
Былъ старый лѣсъ веселый днемъ,
А ночью тайны полный.
Тамъ пѣлъ ручей, оброслый мхомъ,
И лѣсъ смотрѣлся въ волны.
Тюльпаны, пьяные отъ росъ,
На берегу шептались,
А одуванчики въ стрекозъ,
Какъ юнкера, влюблялись.
И вотъ одинъ изъ нихъ сказалъ:
— Я простъ и бѣденъ съ вида,
Но страстью жаркой запылалъ
Къ вамъ, милая сильфида!
Среди своихъ подругъ стрекозъ
Вы прямо—балерина!
Вы рождены для свѣтлыхъ грезъ,
Для ласкъ... и серпантина!
И даже пьяница тюльпанъ
Влюбленъ былъ въ ножки эти,
Когда плясали вы канканъ
Въ лѣсу при лунномъ свѣтѣ.
А въ сердцѣ пламенномъ моемъ
Царицей вы живете!
Для васъ я сдѣлаю заемъ
У медуницы-тети,
Потомъ и свадьбу въ добрый часъ
Отпразнуемъ мы съ вами,
И буду я глядѣть на васъ
Влюбленными глазами,
Перецѣлую, какъ кадетъ,
У васъ я каждый пальчикъ!
А стрекоза ему въ отвѣтъ:
— Какой вы глупый мальчикъ!
«Для васъ я сдѣлаю заемъ
У медуницы-тети.“
А много-ли, вопросъ весь въ томъ,
У тети вы найдете?

Питаться солнцемъ да росой,
Повѣрьте, я не стану!
Нѣтъ, балерина, милый мой,
Для васъ—не по карману!
Она умолкла; лѣсъ дремалъ.
Не шевелились травы,
И только вѣтерокъ вздыхалъ:
— Ну, времена! ну, нравы!..
Настала осень; лѣсъ желтѣлъ;
Листъ падалъ въ позолотѣ,
Косматый шмель въ гостяхъ сидѣлъ
У медуницы-тети.
И тетя бѣдная въ слезахъ
Печально говорила,
Что одуванчика на-дняхъ
Она похоронила,
А повѣнчался съ стрекозой
Какой-то жукъ рогатый;
Въ параличѣ, полуживой,
Но знатный и богатый...
Шмель слушалъ молча. Лѣсъ дремалъ,
Не шевелились травы,
А вѣтерокъ въ кустахъ вздыхалъ:
— Ну, времена! Ну, нравы!..

Ал. Будищевъ.

Сны.

Скажите,—вѣрите вы снамъ?
Неужли нѣтъ?—не вѣрите?—напрасно.
Иные сны пророчатъ правду намъ
И поразительно, и ясно.
Такъ, если, убѣжденный мною
И не дразня насмѣшкой злою,
Захочетъ кто-нибудь изъ васъ
Понять значенье сна,—спросите;
Я разберу вамъ, все сейчасъ.

Все объясню вамъ, что хотите.
Ну, напримѣръ, увидите вы сонъ,
Что вамъ готовятъ баню,—быть распечкѣ;
Услышите вы колокольный звонъ,
Такъ новости придутъ со всѣхъ сторонъ,
Приснится тараканъ на печкѣ,
Такъ лучшаго вамъ нечего желать,—
Гдѣ тараканъ, тамъ въ домѣ благодать.
Пригрезится военный у порога,
Такъ предстоитъ далекая дорога.
Во снѣ начнете золото дѣлить—
Ужъ непремѣнно будетъ ссора;
Съ газетой время проводить—
Не избѣжать пустого разговора.
Себя красавцемъ видѣть,—къ фатовству.
Идти прямой дорогой—ну, къ удачѣ;
Владѣть казной общественной есть знакъ,
Что вы, конечно, не дуракъ,
И жить вамъ въ собственной богатой дачѣ.
Кто видитъ льва, разинувшаго пасть,
Кто видитъ ласковую кошку,
Того ужъ извѣдутъ. бѣднягу, понемножку.
Блины—къ болѣзни; зеркало успѣхъ;
Заря намъ предвѣщаетъ смѣхъ;
Застава—тщетное желанье;
А плеточка сулитъ вѣнчанье.
Приснятся тучки—быть ненастью:
Меня увидите во снѣ,
Такъ это ужъ, навѣрно, къ счастью.

В. Крыловъ.

Покупка.

Пошли въ Гостиный дворъ мы съ бабушкой
однажды.
Велѣли бабушкѣ тогда гулять день каждый
Пошли не покупать,
А просто погулять.
Ее просила я зайти въ Гостиный дворъ,
Чтобъ-въ окна поглядѣть. Прелестный тамъ уборъ
Увидѣла въ окнѣ между цвѣтовъ и шляпокъ,
Платочковъ, ленточекъ и лайковыхъ перчатокъ.
Съ него я отвести была не въ силахъ глазъ...
Весь былъ изъ кружевъ онъ... Тутъ ленты...
тутъ же газъ...
На концахъ бахрома и шарики синели,
И точно слезки, вкругъ все блесточки висѣли...
Уйти я не могла отъ этого окна...
— Купите, бабушка.—купите? а цѣна?!—
Сказала мнѣ въ отвѣтъ.—Цѣна была большая!
Ахъ, цѣлыхъ три рубля!—Нельзя его купить,
И больше нечего объ этомъ говорить.
—Тогда хоть ленточку купите, дорогая,
Ее я бантикомъ вотъ этакимъ совью
И кружевомъ сама я старымъ обошью;
То будетъ, бабушка, и дешево и мило...
— Сказала я не разъ: что дешево, то гнило!
— Вѣдь надо-жъ что-нибудь хоть на себя надѣть..
Нельзя же такъ... Хочу я ленточку имѣть,
Надѣну я ее на Машино рожденье!...
— Не стыдно-ль, про свое забыла ты ученье...
Про географію, исторью, сочиненье...
Про ариѳметику совсѣмъ забыла ты!
О ленточкахъ однѣхъ и кружевахъ мечты...
Такія пустяки—головку всю вскружили...
Не хорошо, мой другъ... Въ былые годы мы
Старалися всегда о церкви, о постахъ,
А не о кружевахъ и танцахъ, и балахъ...
И не мечтали мы о дорогихъ нарядахъ.

Какихъ-то бантикахъ, о женихахъ и взглядахъ...
— Но, бабушка, войдемъ, войдемте въ магазинъ..
Мнѣ этотъ нравится лазурный муселинъ...
— Капризы всѣ твои выводятъ изъ терпѣнья!
— Хочу я посмотрѣть... Что стоитъ, я спрошу...
— Оставь, я глупостей твоихъ не выношу!
Не знаешь до сихъ поръ таблицы умноженья.
Нѣтъ денегъ у меня, нѣтъ гроша одного.
— Про цѣну я спрошу, и больше ничего.
И мы вошли. Желая цѣну муселина
Узнать, спросила я въ шинели господина,
Красивый былъ такой.—Лишь поцѣлуй одинъ!—
Отвѣтилъ тихо мнѣ красивый господинъ.
Неужели такою мелкою монетой
Въ прекрасный муселинъ возможно быть одѣтой?
Всего за поцѣлуй, а не за горсть полтинъ,
Возможно пріобрѣсть лазурный муселинъ?!
Вся покраснѣла я, задумалась сначала...
Потомъ подумала:—отрѣжьте,—я сказала—
Вотъ бабушка моя за пять такихъ аршинъ
Заплатитъ за меня вамъ поцѣлуй одинъ.

И. А. Гриневская.

Барышнѣ.

Ты въ бриллiантахъ, шелкахъ, и свѣжа, и мила;
Словно розанъ душистый въ теплицѣ цвѣтешь,
Твоя ручка стройна и нѣжна, и бѣла,—
Въ цѣломъ свѣтѣ подобной ищи,—не найдешь...

* * *

На твоихъ темныхъ, чудныхъ, глубокихъ глазахъ
Сколько нѣги и страсти живой, огневой...
Ты съ улыбкой безпечной на алыхъ губахъ
Съ увлеченьемъ поешь гимнъ веснѣ золотой.

* * *

И не знаешь того, что ровесницъ тебѣ
Много въ мірѣ иной жизнью тяжкой живетъ:
Вѣчнымъ горемъ, страданьемъ,—въ угоду судьбѣ,—
Давитъ ихъ безъ пощады злой жизненный гнетъ...

* * *

И не знаешь того, сколько горя, заботъ
На разбитыхъ плечахъ онѣ бодро несутъ,
Какъ сгибаетъ въ дугу ихъ отъ адскихъ работъ
И какъ силы свои убиваютъ на трудъ...

* * *

И не знаешь того, какъ ихъ часто судьба
Заставляетъ подчасъ стыдъ дѣвичій забыть
И продать красоту... и то только тогда,
Когда выходъ одинъ: умереть или жить?!

* * *

Доля ихъ—тяжкій трудъ, муки, слезы, борьба...
Какъ тебѣ—имъ не снятся счастливые сны:
Бѣдность, горе, нужда, да лихая судьба
Загубили деньки золотой ихъ весны!

* * *

Отъ работъ и заботъ помутились глаза...
Помертвѣло лицо... впала слабая грудь...
А по блѣднымъ щекамъ за слезою слеза
Вѣчно катится... труденъ и длиненъ ихъ путь!..

* * *

Веселись-же и пой громко гимны веснѣ:
Стоны труженицъ тѣхъ не дойдутъ до тебя—
И спасибо скажи своей доброй судьбѣ,
Что ты можешь прожить, свою долю любя...

* * *

Веселись и люби, съ поля жизни цвѣты
Беззаботно срывай, наслаждайся, живи;
Для тебя жизнь не адъ, для тебя жизнь—мечты,
Грезы, полныя счастья, покоя любви!..

И. Б—въ.

Пожаръ.

Мой дорогой!..
Пора... Намъ надо объясниться!..
Теперь четвертый часъ Я думала, что ты
Сегодня, можетъ быть, захочешъ возвратиться
Хоть часомъ ранѣе... Напрасные мечты!
Ты спросишь, почему я твоего прихода
Сегодня такъ ждала? Конечно, ты забылъ,
Что въ этотъ грустный день исполнилось три года,
Какъ поженились мы... Да вижу я, твой пылъ
Давно уже погасъ: другъ другу мы чужіе,—
Нѣтъ, это не упрекъ, мой дорогой, о нѣтъ...
Но въ жизни женщины бываютъ роковыя
Минуты слабости... Прими же мой совѣтъ:
Прочти внимательно и вникни въ строки эти;
Письмо я положу на письменный твой столъ,
Чтобъ ты, придя изъ клуба на разсвѣтѣ,
(Конечно въ клубѣ ты), сейчасъ его прочелъ.
Сейчасъ же... Слышишь-ли?—Не медля ни минуты
Опасность велика... Пусть, по твоимъ словамъ,
Тебѣ и тяжелы семейной жизни путы,
Все-жъ объясниться нужно намъ,
Такъ продолжать нельзя!.. Когда мы поженились,
Предсказывали всѣ намъ чуть не рай земной,
Мои подруги мнѣ завидовали, злились,
Твои друзья въ меня влюблялися толпой.
Да, впрочемъ, что скрывать?!—Ты молодъ, ловокъ,
строенъ,
Я тоже, говорятъ, ужъ не совсѣмъ дурна,
Люблю кокетничать,—но можешь быть спокоенъ,—
Я—вѣрная жена.
Однако жъ, есть предѣлъ для всякаго терпѣнья,
И если какъ-нибудь, вернувшись съ кутежа,
Услышишь ты, что я, сбиваясь и дрожа,
Начну исторію невольнаго паденья,
Давъ пищу сплетнямъ нашихъ дамъ,
То въ этомъ виноватъ ты будешь только самъ.

Наивной дѣвочкой, довѣрчиво, влюбленной
Я вышла за тебя... Мнѣ чуждъ былъ этотъ міръ
Мужскихъ безумныхъ ласкъ и нѣги распаленной
Ты былъ мой свѣтлый богъ, мой мужъ и мой кумиръ.
„Мой мужъ"... твердила я. Загадочно и ново
Звучало для меня невѣдомое слово,
И думалося мнѣ,—конечно, невпопадъ,—
Что слово „мужъ" почти синонимъ слову „братъ"
Да, очень можетъ быть, что такъ мѣщански-свято
Любила-бъ я тебя до сей поры, какъ брата,
Но въ этомъ ты меня разубѣдилъ... Повѣрь,
Что я тебя ни въ чемъ, ни въ чемъ не обвиняю,
О, нѣтъ, напротивъ, я тотъ мигъ благословляю,
Когда былъ пробужденъ во мнѣ дремавшій звѣрь,
Когда ты въ первый разъ привлекъ меня въ объятья,
Губами жадными моихъ касаясь губъ.
Цѣлуя руки мнѣ, грудь, шею, складки платья...
О, я забыла все... Пусть міръ страстей и грубъ,
Пусть низменъ онъ и пошлъ, но я въ него вступила.
Я въ немъ живу теперь, и онъ по праву мой!
Я—женщина! Жена!.. И никакая сила
Не можетъ, не должна насъ разлучать съ тобой.
А между тѣмъ, увы, ни для кого не тайна.—
По крайней мѣрѣ мнѣ жужжатъ со всѣхъ сторонъ;
(Узнала это я,—ты вѣришь мнѣ,—случайно),
Что ты другою увлеченъ. . . . . .
. . . . . .
Ты знаешь-ли:—вчера ко мнѣ, въ мой день пріемный,
Пришелъ... кто,—не скажу,—да это все равно,—
Ну, словомъ юноша, застѣнчивый и скромный.,
Который, говорятъ, въ меня, влюбленъ давно.
Какъ будто бы на зло, я въ этотъ день томилась,
Такою жаждой ласки молодой,

Звала тебя, къ тебѣ душой стремилась,—
А онъ сидѣлъ наединѣ со мной.
И вотъ—не знаю какъ,—но вдругъ съ мольбой
признанья,
Въ порывѣ дерзкомъ онъ упалъ къ ногамъ моимъ,
Весь трепетъ, весь огонь и жажда обладанья...
Ужъ онъ торжествовалъ, хоть не былъ мной любимъ...
Забылась я на мигъ... А!.. Васъ беретъ тревога,
Любезный мой супругъ?.. Не бойтесь ничего,
Сумѣла вашу честь сберечь я... Онъ порога
Не переступитъ больше моего!
А васъ, васъ спасъ звонокъ... Ко мнѣ пришла
подруга...
Но былъ опасный мигъ, опасный потому,
Что я могла забыть въ васъ уважать супруга
И только-бъ видѣла собрата по ярму...
Къ чему стѣсняться намъ?.. Въ обманчивыхъ картинахъ
Зачѣмъ стараться правду утаить!
Съ полгода мы живемъ на разныхъ половинахъ,
Я больше не хочу, я не могу такъ жить!..
Мой милый, дорогой! тебя зову, прошу я.
Опомнись! возвратись!.. Вернись назадъ ко мнѣ;
Въ твоей семьѣ пожаръ,—весь домъ стоитъ въ огнѣ,
Туши его скорѣй восторгомъ поцѣлуя!
Огонь забушевалъ.... Мнѣ справиться не въ мочь.
Еще не поздно, нѣтъ, но пламя все сильнѣе.
Пожаръ! Горитъ очагъ!.. Туши его скорѣе!
Туши его сейчасъ! Сегодня-жъ!.. Въ эту ночь!!..

Бракъ.

Я приняла сегодня постриженье,
И вотъ пишу тебѣ,—ты будешь пораженъ
И скажешь: „кинуть свѣтъ, любовь и развлеченья,—
„*Зачѣмъ*? Какая цѣль? Конечно,—это сонъ!“

Артистка Спб. театра „Фарсъ“.
К. КРУЧИНИНА.

Нѣтъ, далеко не сонъ!.. Дѣйствительность такая,
Мнѣ тяжела самой, но какъ же поступить?!
Жить не любя тебя, тебя не уважая,
Мой славный, дорогой, не значитъ ли не жить!?
Я все тебѣ скажу,—ты женщинъ знаешь мало,
Хоть признанъ знатокомъ довѣрчивой толпой;—
Но это такъ легко: одинъ иль два скандала
Съ подкладкою любви,—и ты уже герой!
Ты сразу окруженъ какимъ-то ореоломъ,
Молва тебѣ плететъ побѣдные вѣнки,
И дамы свѣтскія въ забвеніи веселомъ
Летятъ на твой огонь, какъ ночью мотыльки,
Однако-жъ разыграть одинъ иль два романа,
Гдѣ больше, чѣмъ любви, каприза и обмана,
Еще не значитъ женщинъ разгадать:
О, не суди о нихъ по моднымъ манекенамъ,
Привыкшимъ съ юныхъ лѣтъ къ притворству и измѣнамъ,
Привыкшимъ ночь любить, а къ утру забывать.
Свѣтъ создалъ полный сводъ различныхъ мудрыхъ правилъ;
Ихъ долженъ каждый знать и соблодать всегда;
Пусть втихомолку онъ себя и обезславилъ,—
Qu'il sauve les apparences!... А дальше—не бѣда!
Но свѣтскій этикетъ и нравственность порою
Раздѣлены широкою межою.
И я... я не могу соразмѣрять мораль
Съ безстыднымъ ханжествомъ пустого этикета,—
А искренность моя, что было-бъ очень жаль,—
Вредила-бъ мнѣ въ глазахъ неискренняго свѣта..
Ошибки и грѣхи,—все покрываетъ бракъ".
Внушаетъ съ давнихъ поръ онъ всѣмъ съ поддѣльнымъ жаромъ,
А надъ какимъ плохимъ, нестоющимъ товаромъ
Порою вьется этотъ флагъ!!
И все же хвалитъ свѣтъ въ пылу своихъ овацій
Мишурную красу блестящихъ декорацій.
Онъ въ форму старую подъ общій образецъ

Стремится выливать бушующую лаву,
Поставить метрономъ біенію сердецъ
И солнце затемнить...—Но по какому праву?!
Ты уважаешь свѣтъ и думаешь, какъ онъ:
„Страсть помрачила умъ; проступокъ совершенъ",—
„Но выходъ легкій есть: лишь надобно, какъ лакомъ",
„Всѣ пятна и грѣшки покрыть скорѣе бракомъ"...
Пятновыводчикъ—Бракъ!! Досадно и смѣшно
Глядѣть, къ чему теперь сведенъ безъ сожалѣнья
Людской толпой союзъ любви и уваженья.
Узнать ихъ въ наши дни не многимъ суждено...
Твоей женою быть я не должна, не смѣю,
Любовницей твоей была я и не лгу,
Что если бъ ты желалъ,—я-бъ оставалась ею,
Но замужъ за тебя итти я не могу.
Тогда къ себѣ самой тебя я ревновала-бъ,
Какъ честная жена, какъ мать твоихъ дѣтей,
Томила-бъ я тебя за то тоскою жалобъ,
Что на любовницѣ женился ты своей!
Мои слова полны глубокаго значенья:
Вѣдь я люблю тебя, я все готова снесть,
Ты взялъ и первый цвѣтъ любви моей, и честь,
Не отнимай хоть уваженья!
Настаиваешь ты на бракѣ,—но зачѣмъ?
Ты говоришь, что свѣтъ ужъ знаетъ нашу повѣсть?
Что мнѣ, какъ дѣвушкѣ, такъ жить нельзя, межъ тѣмъ,
Въ чемъ упрекнуть тебя могла бы даже совѣсть?
Пускай же нашъ союзъ презрѣніемъ клеймятъ,—
Я не виню тебя; нѣтъ, ты не виноватъ!
Ты виноватъ ли въ томъ, что въ теплый вечеръ мая,
Благоуханные садовые цвѣты,
Что садъ тѣнистый густъ, что ночь полна нѣмая,
Какой-то чувственной и пряной духоты?!
Ты виноватъ-ли въ томъ, что молоды мы оба,

Что кровь въ насъ горяча, что хочется любить,—
Пускай меня язвитъ двуличныхъ сплетенъ злоба,
Но этой ночи мнѣ всю жизнь не позабыть!
О, ночь любви моей! Ночь брачная безъ брака,
Гдѣ каждый поцѣлуй былъ милъ своимъ грѣхомъ!..
Но увлекаюсь я... Пора кончать... Изъ мрака
Въ душѣ моей встаютъ печали о быломъ;
Но здѣсь не мѣсто имъ... Мои воспоминанья,
И жажду ласкъ твоихъ, и грезъ поблекшихъ рой,
Оставила я тамъ, гдѣ счастье, гдѣ страданья,—
За монастырскою стѣной.
Ты понялъ-ли меня? Согласенъ ли со мною?
Сегодня ль, завтра ль,—я увѣрена вполнѣ,—
Почувствовалъ-бы ты презрѣніе ко мнѣ,—
Любовницѣ былой, назвавшейся женою...
А знаешь, я, межъ тѣмъ, лелѣяла давно
Надежду стать женой твоею,—въ институтѣ,
Мечтала я порой о сладостной минутѣ,
Когда войду въ твой домъ; ну, что жъ, не суждено...
А принимать любовь, которую съ презрѣньемъ
Любовницѣ дарятъ,—о, сколько здѣсь стыда!..
Что можно оправдать минутнымъ увлеченьемъ,
Ты самъ бы не простилъ мнѣ послѣ никогда.

. . . . . .

И вотъ,—я здѣсь теперь. Пишу тебѣ письмо я,
Не плача о быломъ, не мучась, не скорбя,
Я здѣсь лишь потому, что я люблю тебя,
Я одного хочу,—покоя, лишь покоя.
Прости же навсегда! Но если миръ души
Твоей отравитъ грусть, забота, иль измѣна,—
Знай, милый, о тебѣ здѣсь молится въ тиши,
Сестра Евпраксія въ міру Елена!

ИЗБРАННЫЯ ПОЭМЫ,
СТИХОТВОРЕНІЯ
И МОНОЛОГИ
ВЪ СТИХАХЪ.

Для любителей

декламаціи и чтенія.

Артистъ Спб. литер. артист. кружка
П. Н. ОРЛЕНЕВЪ,

Пѣсенки юродиваго.

I.

Странничку, странничку помогите!
Копеечку юродивому подарите!
А ужъ я, бояре, землицу распашу.
Я копеечку, бояре, во землецу положу.
Выростетъ копеечка во деревцо,
Выростетъ, бояре, во кудрявое;
А ужъ деревцо я кровію полью,
Кровью алою землицу напою.
А ужъ вы, бояре, не взыщите,
Къ тому деревцу гурьбою поспѣшите;
Не хотите ли, бояре, веревочку свить?
Не хотите ли мочалочку скрутить?
Я съ охотою, бояре, пособлю;
На головушку накину я петлю;
А вы вздернете скорехонько меня,
За копеечку за мѣдную кляня...

II.

Какъ здоровье, князь? Что княгинюшка?
Много ль яствушекъ вамъ настряпали?
Много ль золота вы награбили?
Бью челомъ тебѣ, разлюбезный князь:
Я—юродивый—тебѣ кланяюсь.
Не оставь меня твоей милостью.
У меня ль казна пребогатая,
Все бренчитъ-гремитъ, будто золото.
Ты возьми ее на-про черный день,
А я, странничекъ,—безъ веригъ пойду,
Безъ казны моей,—съ одной пѣснею...

III.

Что, любезные, пригорюнились?
Что, ребятушки, носъ повѣсили?
Иль не слышите, что юродивый
Пѣснь веселую вамъ поетъ сейчасъ?
Издалека я притащилъ съ собой
Кольца съ гирями,—и бренчу-пою
О израненной моей душенькѣ.
Ее Богъ-Отецъ потревожилъ разъ
Невзначай смутилъ повелѣніемъ.
Съ той поры хожу и звеню кольцомъ
Я во славушку, во пророчество.
Славлю небо я, славлю чистое.—
А пророкомъ я—для земли родной.
Ты, родимая, кровью вскормлена,—
По тебѣ ходилъ Христосъ-Батюшка;
Гдѣ же слѣдъ Его,—не найду никакъ:
Все затоплено кровью алою.
Эй, ребятушки, разыщите слѣдъ,
Разыщите слѣдъ Христа-Батюшки,
А не то,—бѣда: захлебнетеся,
Захлебнетеся кровью алою...

Г. Чулковъ.

Рыцарь на часъ.

Звукъ за звукомъ, гудя, прокатился;
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ,—все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...
Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты,—грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
За враговъ, умирая молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?...
Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.

О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...
Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная—
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой-же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою;
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? Пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу.
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ—

И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!...
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце неробкое билося,
Что умѣлъ онъ любить и прощать...

Н. А. Некрасовъ.

Опричникъ.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ, и крикъ торговый;
Лишь только лаетъ стражъ дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.
И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ, полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,

Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы,
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ...
Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей?—Опричникъ удалой
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье,
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ:—„мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!...—„Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столбовъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровый
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется".
Назадъ!—„Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не мы-ли здѣсь вчера скакали,
Не мы-ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ насмѣшниковъ царя?
Не ихъ-ли кровію омыты
Твои булатныя копыта?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..."—и конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ...

. . . . . .

А. С. Пушкинъ

Мигъ свободы

Vae vietis!

Надъ угрюмою темницей, надъ оградою глухой,
Пробѣгаютъ вереницей тучи въ пляскѣ грозовой...
Имъ привольно на свободѣ, въ безконечномъ хороводѣ,
Наступать за ратью рать,—
Грохотать могучимъ громомъ, яркой молніи изломомъ
Дальній сумракъ озарять!
А за ними въ вихрѣ дикомъ, изъ ущелій темныхъ горъ,
Вѣтеръ шумный съ воемъ, крикомъ, выбѣгаетъ на просторъ...
То гудитъ въ степи безлюдной, будто въ, бой послѣдній трудный
Трубятъ въ тысяча роговъ,—
То притихнетъ, будто внемлетъ, всѣ-ли,
Кто въ темницѣ дремлетъ,
Откликаются на зовъ.
Но въ отвѣтъ на кличъ мятежный слышенъ только тихій стонъ,
Да—въ тревогѣ безнадежной—ржавой цѣпи скрипъ да звонъ,—
И несется вѣтеръ снова, полный бѣшенства лихого
Чрезъ долины и лѣса—
И, взвиваясь въ высь, за кручи, надуваетъ въ небѣ тучи,
Точно въ морѣ паруса...
Съ нимъ уходитъ мигъ отрады... тише ропотъ дальше вой!
Только громче вдоль ограды бродитъ зоркій часовой.

Ю. Балтрушайтисъ.

Предъ зарею.

Не тревожься, не дремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Ели скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ;
Это стало темнѣй—предъ зарею...
Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Эти гады бѣгутъ—предъ зарею...
Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый папѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ:
Это сонъ, это—лай предъ зарею...

Н. М. Минскій.

Призывъ.

Глухо въ берегъ каменистый
Бьетъ девятый, грозный валъ.
Теменъ ночи саванъ мглистый,
Длиненъ, труденъ перевалъ...
Что-жъ! Бери скорѣй правило!
Чутко ухо, зорокъ взоръ..
Лучше ранняя могила,
Чѣмъ бездѣйствія позоръ,
Чѣмъ проклятый гнетъ насилья,
Чѣмъ безплодныхъ слезъ порывъ,
Чѣмъ сомнѣнія безсилье,
Чѣмъ презрѣнныхъ жалобъ взрывъ!

Утромъ съ яркимъ солнца блескомъ
Ждетъ тебя твоя страна,
Или трупъ твой съ жаднымъ плескомъ
Приметъ бурная волна...
Глухо въ берегъ каменистый
Бьетъ девятый, грозный валъ,
Теменъ ночи саванъ мглистый,
Труденъ, дологъ перевалъ...
Чу! Волна стѣною взмыла,
Пѣна мечетъ свой узоръ...
Лучше ранняя могила,
Чѣмъ бездѣйствія позоръ!

О. Рунова.

Изъ пѣсней о скотахъ и людяхъ.

Когда собакѣ въ день холодный
Я далъ ненужную мнѣ кость,
Лизнулъ мнѣ руку песъ голодный,
Забывъ свою собачью злость.
Когда жъ отъ бѣдствій, горшихъ казни,
Спасенъ былъ мной пріятель мой—
По человѣческой пріязни
Онъ заплатилъ мнѣ клеветой.
Забавно, право въ нашемъ вѣкѣ,
Гдѣ такъ горды собою всѣ,
Скотство отмѣтить въ человѣкѣ,
И человѣчность въ бѣдномъ псѣ?

Ф. Черниговецъ.

Соборный благовѣстъ.

I.

Давно въ степи блуждая дикой,
Вдали отъ шумнаго жилья,
Внезапно благовѣстъ великій,—
Соборный звонъ, услышалъ я.
Охваченъ трепетнымъ смятеньемъ,
Забывши тѣсный мой шалашъ,
Спѣшу къ проснувшимся селеньямъ,
Твержу:—Товарищи, я—вашъ.
Унынье темное уснуло,
Оставилъ душу блѣдный страхъ,
И сколько говора и гула
На перекресткахъ и путяхъ!

II.

Клеветники толпою черной
У входа въ городъ намъ кричатъ:
— „Вернитесь, то не звонъ соборный,
А возмущающій набатъ!“
Но кто повѣритъ лживымъ крикамъ?
Кому ихъ злоба не ясна,
Когда въ согласіи великомъ
Встаетъ родимая страна!

III.

Толпы благимъ вѣщаньямъ внемлютъ.
Соборный колоколъ великъ,
Труды безстрашные подъемлютъ
Его торжественный языкъ
Онъ долго спалъ, надъ колокольней
Зловѣщимъ призракомъ вися,
Пока дремотой подневольной
Кругомъ земля дремала вся.
Свободный вѣтеръ бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не могъ разрушить сонъ печальный,
Колыша мѣдные бока.

Артистъ Императорскихъ театровъ
В. П. ДАЛМАТОВЪ.

И лишь порою стонъ неясный
Издастъ тоскующая мѣдь,
Чтобы въ дремотѣ безучастной
Опять безсильно онѣмѣть.
Но часъ насталъ, запретъ нарушенъ,
Разрушенъ давній тяжкій сонъ,—
Порыву гордому послушенъ
Торжественно-свободный звонъ.
Слѣпой судьбѣ противорѣча,
Горитъ надеждами востокъ,
И праздникъ радостнаго вѣча,
Великій праздникъ не далекъ.

Ѳ. Соллогубъ.

Входъ воспрещается.

„Входъ воспрещается",—какъ часто надпись эту
Встрѣчаешь на вратахъ, гдѣ хочешь ты войти,
Гдѣ входять многіе, тебѣ-жъ—посмотришь—нѣту,
Свободнаго пути!
Тамъ—кабинетъ чудесъ; тамъ—рѣдкостей палата!
Хотѣлъ-бы посмотрѣть!—Туда навезено
Диковинъ множество—и мрамора, и злата:
Пойдешь—воспрещено!
Тамъ—смотришь—голова! Прекрасной мысли, знанья,
Ты пробуешь внести въ нее отрадный свѣтъ:
Напрасно, тутъ на лбу, какъ на фронтонѣ зданья,
Отмѣтка: „впуска нѣтъ",
А тамъ—храмъ счастія; кругомъ толпы народа;
Иные входятъ внутрь: ты хочешь проскользнуть,
Но стража грозная, стоящая у входа,
Твой заграждаетъ путь.
Ты просишь, кланяясь учтиво и покорно:
Ногою шаркая, подошвою скользя:
„Позвольте!"—А тебѣ настойчиво, упорно
Отвѣтствуютъ:—„нельзя".—

„Да почему-жъ нельзя? Проходятъ-же другіе!“
Спросили мы тогда, а намъ гремѣлъ отвѣтъ:
—Проходятъ, можетъ быть, да это не такіе;—
Для васъ тутъ мѣста нѣтъ.
Вы—безъ протекціи. Вы—что? Народъ небесный
Ни знатныхъ, ни большихъ рука вамъ не далась,
Вотъ если было-бы отъ барыни извѣстной
Ходатайство о васъ!
Просили-бы о васъ пригожія сестрицы,
Колдунья-бабушка, иль полновѣсный братъ,
А то вы налегкѣ летите, словно птицы:
Назадъ, дружки, назадъ!
„Что дѣлать?—Отойдемъ! Намъ не добиться счастья“,—
Мы грустно молвили:—„златой его вѣнецъ
Намъ, вѣрно, не къ лицу. Поищемъ-же участья
У ангельскихъ сердецъ!“
Идемъ. Вотъ женщина: открытая улыбка,—
Открытое лицо, открытый милый взглядъ!
Знать, сердце таково-жъ... Приблизились: ошибка!
И тутъ—„ступай назадъ!“
„Входъ воспрещается“: задернута завѣса,
Дверь сердца заперта; несчастный не войдетъ,
А между тѣмъ туда-жъ какой нибудь повѣса
Торжественно идетъ.
Дивишься иногда, какъ въ самый день рожденья
Намъ былъ дозволенъ входъ на этотъ бѣлый свѣтъ!
И какъ ни прогремѣлъ намъ голосъ отверженья,
Что намъ тутъ мѣста нѣтъ.
Одинъ еще открытъ намъ путь—и насъ уважутъ:—
Я знаю, какъ придетъ святая череда:
„Не воспрещается,“—намъ у кладбища скажутъ:—
„Пожалуйте сюда!“
На дрогахъ насъ везутъ; широкую дорогу
Мы видимъ, наконецъ, и ѣдемъ безъ труда.

Вотъ тутъ и ляжемъ мы близъ церкви, слава
Богу!..
Но нѣтъ,—и тутъ бѣда!
И мертвымъ намъ кричатъ:—„куда вы? Тутъ
ограда;
Здѣсь мѣсто мертвецамъ большимъ отведено;
Вамъ дальше есть мѣста—четвертаго разряда,
А тутъ—воспрещено!“.

В. Г. Бенедиктовъ.

* * *

Я хочу веселья, радостнаго пѣнья,
Буйнаго разгула, смѣха и остротъ—
Оттого, что зналъ я лишь одни мученья,
Оттого, что жилъ я подъ ярмомъ заботъ.
Воздуха, цвѣтовъ мнѣ, солнечной погоды!
Слишкомъ долго шелъ я грязью, подъ дождемъ..
Я хочу веселья, я хочу свободы—
Оттого, что былъ я скованнымъ рабомъ!
Я хочу, рубиться, мстить съ безумной страстью—
Оттого, что долго былъ покоренъ злымъ.
И хочу любви я, и хочу я счастья—
Оттого, что не былъ счастливъ и любимъ!

Скиталецъ.

Фея.

Въ лѣсу надъ рѣкой жила фея;
Въ рѣкѣ она часто купалась;
Но разъ, позабывъ осторожность,
Въ рыбацкія сѣти попалась.
Ея рыбаки испугались...
Но былъ съ ними юноша Марко—
Схватилъ онъ красавицу-фею
И сталъ цѣловать ее жарко,

А фея, какъ гибкая вѣтка,
Въ могучихъ рукахъ извивалась,
Да въ Марковы очи глядѣла
И тихо чему-то смѣялась...
Весь день она Марко ласкала,
А какъ только ночь наступила,
Пропала веселая фея...
У Марко душа загрустила...
И дни ходитъ Марко, и ночи
Въ лѣсу надъ рѣкою Дунаемъ,
Все ищетъ, все стонетъ:—„гдѣ фея?"
А волны смѣются:—„не знаемъ".
Но онъ закричалъ: имъ—„вы лжете!
Вы сами играете съ нею"!
И бросился юноша глупый
Въ Дунай, чтобъ найти свою фею.
Купается фея въ Дунаѣ,
Какъ раньше до Марко купалась...
А Марко ужъ нѣту... Но все же
О Марко хоть пѣсня осталась.
А вы на землѣ проживете,
Какъ черви слѣпые живутъ,
Ни сказокъ про васъ не разскажутъ,
Ни пѣсенъ про васъ не споютъ.

М. Горькій.

Игры.

(„Хлѣба и зрѣлищъ!").

Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы
Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждутъ борьбы.
А тигръ межъ тѣмъ ревѣлъ, и прыгалъ барсъ игривый.
Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
И кровью, какъ огнемъ, глаза его зажглись.
Отворено: взревѣлъ, взмахнувъ хвостомъ и гривой,

На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
Въ толпѣ, окутанный льняною грубой тогой,
Съ нахмуреннымъ челомъ, сѣдой старикъ стоялъ.
И ликъ его сіялъ, торжественный и строгій,
Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ,
Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,
Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ
И злился въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
Воскликнулъ:—„Проклятъ будь, о Римъ, о лютый тигръ!
О, проклятъ будь народъ безъ чувства, безъ любови,
Ты, рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!“
— Кто ты? спросилъ старикъ.—Аѳинянинъ! Привыкъ
Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ.
Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ...
— Ребенокъ, ты не правъ,—отвѣтствовалъ старикъ.
— Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!
— А я благодарю боговъ пенатовъ Рима!—
— Чему же ты такъ радъ?—Я радъ тому, что есть
Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ—честь
Бросаются рабы у насъ на растерзанье-
Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
Что толку въ жизни ихъ—привыкнувшихъ къ цѣпямъ?
Достойны ихъ они, достойны поруганья!

А. Майковъ.

Смерть князя Гвоздева.

Ой, не веселъ пиръ у Ивана-царя!
Онъ пьетъ изъ ковша золотого,
И очи сверкаютъ, какъ угли горя,
И хмурятся брови сурово.
Онъ пьетъ одиноко за царскимъ столомъ.
Лишь рабъ его вѣрный Малюта,
Поодаль съ желѣзнымъ стоитъ топоромъ
И смотритъ въ молчаніи люто.
Хоть крѣпки заморскія вина и медъ,
Да нѣту Ивану похмелья...
И вотъ онъ Малютѣ приказъ отдаетъ
Покликать шутовъ для веселья.
Шуты государевы входятъ толпой,
На лицахъ ихъ блѣдныхъ улыбки;
Гремятъ бубенцы ихъ одежды цвѣтной;
Въ рукахъ балалайки и скрипки.
Князь Гвоздевъ предъ всѣми идетъ впереди...
Царь глянулъ и молвитъ съ усмѣшкой:
„У ногъ моихъ, князенька, сядь-посиди,
Сшути-ка мнѣ шутку, не мѣшкай.
„Болитъ мое сердце, не можется мнѣ,
Тоска меня гложетъ, нѣтъ мочи.
Веселья найти не могу я въ винѣ,
И пиръ мнѣ не въ пиръ въ часъ полночи.
„Затмили мнѣ радость, затмили мнѣ свѣтъ
Князья-лиходѣи-бояре;
Что больше казню ихъ, то больше мнѣ нѣтъ
Услады въ похмельномъ угарѣ.
„Напрасно огнями мой блещетъ чертогъ—
Все адова тьма передъ взоромъ...
Сядь, князенька, сядь-ка у царскихъ-то ногъ,
Потѣшь-ка царя разговоромъ“.
И шутъ близъ Ивана подсѣлъ на полу.
Царь меду позволилъ дать шуту;
Цѣлуетъ онъ царской одежды полу

И молвитъ, косясь на Малюту:
„Эхъ, царь, не радѣютъ холопья тебѣ,
Во всемъ-то ихъ глупость повинна:
Что толку, что ты въ полуночной гульбѣ
Меды испиваешь да вина?
„Холопьевъ прямая была бы любовь,
И ты позабылъ-бы печали,
Когда бы те княжью, боярскую кровь
За пирнымъ столомъ наливали!“
И шутъ засмѣялся, и вслѣдъ за шутомъ
Самъ царь залился, закатился;
И ножъ захватилъ и, играя ножомъ,
Онъ къ князю внезапно склонился.
„Ну князенька, добрый совѣтъ мнѣ даешь:
Вотъ не было, право, догадки“...
И вновь засмѣялся... И въ грудь ему ножъ
До самой вонзилъ рукоятки!

В. П. Буренинъ.

Царица Марья Долгорукая.

Повѣнчали. Весь свадебный чинъ соблюдая, какъ встарь.
Самодержецъ Руси, ея первый и памятный царь,
Отпустивъ поѣзжанъ, одаривъ ихъ богато казной,
Удалился въ сѣнникъ ночевать съ молодою женой
На пухову постель, съ кадью, полной пшена въ головахъ,
Среди воткнутыхъ стрѣлъ съ сорока соболями въ углахъ.
Тишина во дворцѣ, тишина и повсюду извнѣ.
Съ обнаженною саблей конюшій на царскомъ конѣ
Объѣзжаетъ дворецъ, смотритъ,—нѣтъ-ли измѣны какой.
Спитъ Малюта въ сѣняхъ, охраняючи царскій покой.

Вдругъ раздался ударъ—отскочила и хлопнула дверь
Какъ хозяинъ крутой, иль сорвавшійся бѣшеный звѣрь,
Вышелъ грозный. На немъ сверхъ рубахи кафтанъ.
Онъ, шатаяся шелъ, хотя былъ и здоровъ, и не пьянъ.
На столѣ стоялъ кубокъ съ виномъ; царь глотнулъ—
И ногою Малюту, какъ пса, онъ со злобой толкнулъ.
Тотъ вскочилъ, ошалѣвъ, и съ хмельною еще головой
Взоръ вперилъ на царя; онъ привыкъ уже къ ласкѣ такой.
— „ Отправляйся сейчасъ на конюшенный дворъ и вели
„Чтобы пару лихихъ, самыхъ буйныхъ коней запрягли
„Въ колымагу, въ которой я ѣхалъ сегодня къ вѣнцу;
„Но ея подавать, чтобъ несмѣли сюда, ко дворцу;
„А поставь ее тамъ, за оврагъ, по дорогѣ къ пруду—
„И держать тѣхъ коней подъ уздцы, пока я не приду;
„Самыхъ буйныхъ, смотри! Коль не сдержатъ, такъ я не стерплю:
„Ротозѣевъ дрянныхъ головами свиней накормлю!“
Для царицы Руси, для супруги царя мододой
День расплаты пришелъ за порывъ для нея роковой.
Страшный часъ наступилъ, и никто ужъ не могъ ей помочь
И ждала ее смерть въ ея первую брачную ночь!
Вмѣсто мужней любви, вмѣсто сладостныхъ брачныхъ утѣхъ,

Страшной казнью пришлось искупить ей свой дѣвичій грѣхъ.
На полу, босикомъ, лишь въ сорочкѣ вѣнчальной одной,
Съ разметавшейся вдоль ея плечъ темнорусой косой.
Закрывая рукой свои чудныя очи, она
И дрожала, и билась, смятенья и страха полна!
Не какъ мужъ, а судья, полный страшныхъ кровавыхъ угрозъ,
Царь стоялъ передъ ней и чинилъ ей свой властный допросъ.
Страшенъ былъ тотъ допросъ—испугалась царица-жена
И съ рыданьемъ царю разсказала всю правду она.
Разсвѣло. На дорогѣ предъ царскимъ дворцовымъ прудомъ
Пару дикихъ коней, въ колымагу впряженыхъ съ трудомъ,
Рой опричниковъ рослыхъ въ смятеньи великомъ держалъ.
Кони бились—одинъ, словно пойманный звѣрь, весь дрожалъ.
Хорошо былъ извѣстенъ тотъ прудъ: сотни сгубленныхъ тѣлъ
Послѣ дьявольскихъ мукъ, находили въ немъ смертный удѣлъ!
Въ немъ отборная рыба была, и жирна, и вкусна,
И частенько Ивану къ столу подавалась она.
Изъ дворца вышелъ царь, злобой ярой и местью палимъ;
Страшный посохъ въ рукахъ, хищный взглядъ, волчья поступь;—за нимъ
Молодую царицу подъ ручки двѣ мамы вели.
И съ трудомъ она шла, образокъ прижимая къ груди,
Въ полномъ брачномъ нарядѣ, блѣдна, ни кровинки въ лицѣ,

Лишь въ очахъ проблескъ мысли о страшномъ и близкомъ концѣ.
Подошли... Обернулся Иванъ—говорить онъ не могъ—
Изъ запекшихся устъ лишь раздался позорный упрекъ;
Съ страшной злобой взглянулъ на жену и, взмахнувши рукой,
Онъ сорвалъ съ нея кику съ покровомъ вѣнчальнымъ долой
Задрожала царица, какъ листъ, то не боли боязнь—
Ей позоръ площадной тяжелѣе, чѣмъ лютая казнь,
Какъ змѣя, опустилась коса, извиваясь межъ плечъ.
Уже некому ей ту роскошную косу беречь.
— „Ну! входи!—Отворили ей дверцы; покорна она
Въ колымагу вошла и поникла главой у окна.
Кони бились, храпя, озираясь пугливо кругомъ;
Ихъ опричники держатъ на мѣстѣ съ великимъ трудомъ.
— „Отпускай!"—Отскочили!... Рванулись они, понеслись—
И быстрѣе стрѣлы въ одинъ мигъ до пруда донеслись,
Не замѣтивъ обрыва, стремглавъ очутились въ водѣ
И исчезли совсѣмъ съ колымагой въ глубокомъ прудѣ.
Страшный крикъ за обрывомъ раздался и смолкъ – лишь прибой
Отъ волненья воды ударялся о берегъ крутой.
Всѣ молчали... Никто этой казни внезапной не ждалъ,
Царь Иванъ, опираясь на посохъ, угрюмый стоялъ.
— „Эй, Грязной! отправляйся не медля въ Рязань и въ пути
„Ни мгновенья не мѣшкай напрасно, какъ птица лети!
„Средь боярскихъ дѣтей отыщи Салтыкова Илью;
„Онъ, я помню, въ Литвѣ отличался отвагой въ бою,

„Передай, что за то, что красивъ онъ и молодъ, и смѣлъ,
„И со мной породниться чрезъ дѣвку-гулену хотѣлъ,
„Я его отличаю и даромъ почетнымъ дарю—
„Этотъ ножъ, что при мнѣ, я въ награду ему отдаю.
„Только, ты постарайся, получше ему угоди—
„Прямо въ сердце его этотъ ножъ ты съ размаха всади".

А. Навроцкій.

Охота.

Охота. Всюду сборы, толки,
Собачій лай. Въ поляхъ, въ лѣсахъ
Блестятъ и хлопаютъ двухстволки
Охотниковъ повсюду страхъ.
Я на охотѣ двѣ недѣли:
И ничего-съ, ягдташъ пустой!
Да что жъ мы дичью обѣднѣли?
Нѣтъ, дичи страсть, запасъ большой.
Мнѣ скажутъ:—э, да полно, что ты,
Стрѣлять не мастеръ, мой дружокъ!
— Не правда-съ, въ обществѣ охоты
Всѣ говорятъ, что я стрѣлокъ.
Да-съ, я стрѣляю превосходно,
Такъ въ чемъ же дѣло?—Дѣло въ томъ,
Пожалуй, если вамъ угодно,
Я вамъ признаюсь; все въ одномъ,
Во мнѣ-съ, въ характерѣ... не знаю,
Какъ это выразить яснѣй...
Я такъ животныхъ обожаю,
Я такъ люблю ихъ, ей-же-ей,
Что, право, совѣстно признаться...
Собаки лаютъ, рогъ трубитъ,
А сердце хочетъ разорваться,

Глаза въ слезахъ, въ виски стучитъ
И баста... мучусь, заставляю
Себя... пойду—убью!.. такъ нѣтъ.
Нарочно зайца выбираю
Постарше, въ 20—30 лѣтъ.
Вѣдь жалко; дѣти, можетъ статься,
Жена, семья...
Что-съ? вамъ смѣшно?
Грѣшно, грѣшно, такъ улыбаться,
Ей Богу же, грѣшно!
Вѣдь мы гуманность забываемъ.
Положимъ заяцъ, но вопросъ:
Кого мы въ зайцѣ убиваемъ?
А онъ бы, можетъ быть, принесъ
Семейству пользу? вы смѣетесь?
А если бъ онъ не заяцъ былъ?
Посмотримъ, какъ вы улыбнетесь,
Когда бы я да вдругъ убилъ
Не зайца глупаго, смѣшного,
А вашего отца родного?
Нѣтъ, надо справедливымъ быть,
Нельзя всегда и всѣмъ шутить!
Никто, навѣрное, не знаетъ,
Кто нынче больше уважаетъ
Родителей въ нашъ черствый вѣкъ—
Скотина, или человѣкъ?
Гдѣ чаще дѣти умираютъ,
Позвольте мнѣ спросить у васъ?
Гдѣ жизнь семейству посвящаютъ
У нихъ ли, или здѣсь,—у насъ?
Я не видалъ нигдѣ, чтобъ утка
На няньку бросила дѣтей...
А воспитаніе—не шутка!
Кокетокъ женъ и матерей
Встрѣчали вы между дроздами?
Чтобъ раззоряли такъ мужей,
Какъ вы, mesdames? И между нами:
Ни волкъ, ни заяцъ, ей-же-ей,

Олени даже не носили
Такихъ роговъ, какъ носимъ мы,
Не я-съ!—мужья, кого женили.
Я-съ отъ невѣстъ, какъ отъ чумы,
Я—холостой... А вы видали,
Чтобъ въ ресторанахъ кулики
Всю ночь, какъ гуси гоготали,
И, разстегнувши сюртуки,
Плясали, пили, пѣли, ѣли
И спать ложились по утру,
Ползкомъ добравшись до постели?
Видали? Нѣтъ? не по нутру
Имъ это, нѣтъ, имъ пьянство гадко,
Они честнѣй, скромнѣй живутъ.
Слыхали вы, чтобъ куропатка,
Когда всѣ въ городѣ уснутъ,
На тройкѣ въ „Самаркандъ“ летѣла?
Вѣдь нѣтъ? А рябчикъ взятки бралъ?
Какое волкъ обдѣлалъ дѣло?
А тетеревъ, кому онъ вралъ?
Ну развѣ дупель, защищая
Лисицу, могъ посмѣть сказать:
„Я судъ народный презираю
И мнѣ на общество плевать!“
Вѣдь это прямо невозможно!
Вѣдь правда? Вы согласны? Да?
Скажите, кто неосторожно
Изъ птицъ, изъ дичи, господа,
Былое топчетъ, презираетъ?
Родныхъ полей, лѣсовъ не знаетъ?
Посмотришь, такъ дергачъ—и тотъ
Свое болото стережетъ.
Замѣтьте, волкъ не грабитъ волка.
А мы?—и въ—явь, и въ тихомолку
Всечасно, всячески, всегда...
Ну, развѣ лгу я, господа?
Оставимъ мрачныя картины,
Вѣдь мы серьезнаго бѣжимъ.

Вѣдь такъ-съ? Что день, то именины.
Что день, то праздника хотимъ.
Не даромъ въ карты Русь играетъ
И крики: „пассъ безъ козырей!“
Россію нынче оглашаютъ,
Какъ прежде, крикъ лѣсныхъ звѣрей,
Медвѣжье-жъ, волчье, птичье племя
Живетъ безъ картъ, живетъ въ трудѣ,
Они не убиваютъ время...
Пари держу, что вы нигдѣ
Въ лѣсу или въ любомъ болотѣ
Такихъ курьезовъ не найдете,
Такихъ идей, такихъ газетъ,
Какіе есть у насъ! Ихъ нѣтъ тамъ, нѣтъ.
Шантажи, напримѣръ, тамъ рѣдки,
Ихъ нѣту даже у лисицъ.
Кафе-шантаны, оперетки,
И хоры сиплые дѣвицъ
Имъ даже вовсе неизвѣстны.
Ну, и не тащутъ, не крадутъ,
Живутъ скромненько, просто, честно,
И сыты тѣмъ, что поклюютъ...
Повѣрьте, еслибъ мы учились
У нихъ... Хоть даже у волковъ,
У насъ бы краха не случилось,
И тотъ...
кончается на „овъ“...
Ну тотъ, что,—помните, попался,
На Невскомъ не гулялъ бы онъ,
Онъ бы далеко прогулялся!
А тотъ... чуть-чуть не осужденъ...
Ну, этотъ, помните, устроилъ...
Ага, знакомы? Онъ, небось,
Домовъ бы здѣсь теперь не строилъ.
Не толковалъ бы вкривь и вкось
О правдѣ, совѣсти и чести,
А пребывалъ бы въ злачномъ мѣстѣ,
А та красавица... а тѣ...

Ну, вотъ, что мы, по простотѣ
Вездѣ любезно принимаемъ.
Однако жъ, что жъ мы совершаемъ,
Я говорю о томъ, о семъ,
О ворѣ, плутѣ, казнокрадѣ...
А вы... скажите, Бога ради,
Да вы ихъ знаете? И вы
На нихъ спокойно такъ глядите!
Нѣтъ, звѣри,—нѣтъ, не таковы...
Тамъ что про нихъ ни говори,
А у звѣрей: хорошъ—лизнетъ
А нѣтъ и шкуру обдеретъ.
Такъ вотъ-съ...
Ну развѣ хватитъ силы
При этихъ чувствахъ убивать?
Повѣрьте, такъ мнѣ звѣри милы,
Такъ близки къ сердцу... цѣлюсь, чтобъ стрѣлять,
Вдругъ чувство... Ну, и пуделяю...
Чѣмъ больше знаю я людей,
Чѣмъ больше жизнь я изучаю
Тѣмъ больше я люблю звѣрей.

А. Федотовъ.

---

* * *

Скуй мнѣ сердце, кузнецъ! На огнѣ раскали
И сѣдое желѣзо, и красную мѣдь,
Но недолго въ жару, въ искрометной пыли
Оставляй этотъ сплавъ пламенѣть!
Скуй мнѣ сердце, кузнецъ! Подъ стальнымъ молоткомъ.
Пусть дрожитъ и гудитъ наковальня твоя,
Пусть скорѣй отлетаетъ прощальнымъ огнемъ
Жгучихъ искръ золотая струя!
О, гони ихъ,—кузнецъ,—эти искры—гони!
Пусть остынетъ желѣза горячая гладь...
Наше сердце, кузнецъ, въ эти хмурые дни
Не должно ни любить, ни пылать!

В. П. Лебедевъ.

Артистъ Императорскихъ театровъ
К. ВАРЛАМОВЪ.

Князь Михайло Рѣпнинъ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкойМосквой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ,
„Да здравствуютъ тіуны, опричники мои;
„Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи.
„Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ—
„Я первый открываю веселый хороводъ!
„За мной, мои тіуны, опричники мои!
„Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!“
И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ;
Одинъ не поднялъ кубка,—Михайло князь Репнинъ.
„О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
„Опричиной на горе престолъ свой окружилъ!
„Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
„Тѣбѣ-ли—властелину,здѣсь въ машкерѣ плясать!“
Но царь, нахмуря брови: „Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
„Или хмеленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ,
„Не возражай ни слова и машкеру надѣнь—
„Или, клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день“.
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ правдивый князь!
„Опричина да сгинетъ!—онъ рекъ, перекрестясь,
—„Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
„Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
“Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ

„Личины-жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!“
Онъ молвилъ, и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ..
„Умри-же, дерзновенный!“—царь вскрикнулъ, разъярясь—
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ правдивый князь,
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ.
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье нынѣ я больше не могу“.
Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Графъ А. К. Толстой.

Эй, человѣкъ.

Ужъ пробило полночь. На стулѣ качаяся
Спитъ у парадныхъ дверей,
Домой изъ театра господъ дожидаяся,
Бѣдный, усталый лакей.
И льнутъ къ головѣ его грезы тревожныя,
Гонятъ порывистый сонъ,
То грезятся, бѣдному, щетки сапожныя,
То колокольчика звонъ,
То фраза, съ которой, привычкою тѣсною,
Связанъ онъ крѣпко на вѣкъ,
Вскочитъ лакей, какъ заслышитъ извѣстное:
— Эй, человѣкъ!
Но баринъ въ то время забылъ окончательно,
Живъ-ли лакей у него?
Онъ слушаетъ пѣніе Патти внимательно,
Въ ложе туза одного.

Чуть тузъ недоволенъ, — онъ свищетъ пре-
зрительно
Хвалитъ—онъ браво оретъ
И послѣ, прощаясь, патрону почтительно—
Самъ экипажъ подаетъ!
Высшимъ онъ сдѣлаетъ все, что прикажется,
Рабски покоренъ весь вѣкъ,
Но вспыхнетъ и взбѣсится, ежели скажется—
— Эй человѣкъ!
Есть странная сказка. При солнцѣ съ лампадою
Бѣгалъ оборванный грекъ
И желчно смѣялся надъ умной Элладою:
— Эй, кто здѣсь изъ васъ человѣкъ?
И не было отклика... Всѣ улыбалися,
Всѣ хохотали кругомъ.
Теперь же повсюду вдругъ люди сыскалися,
Только недавно, притомъ.
Идите на улицу... Сразу вы вникнете
Въ нашъ человѣческій вѣкъ,
Вамъ каждый лакей отзовется, какъ крикете—
— Эй, человѣкъ! *A. Z.*

Развернулось предо мною.

Развернулось предо мною безконечной пеленою .
Старый другъ мой — море.
Сколько власти благодатной въ этой шири
необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!
Я пришелъ на берегъ милый, истомленный и
унылый,
Съ ношею старинной —
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ, всѣхъ сомнѣній
ядовитыхъ.
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю, что съ судьбою ужъ
не спорю.

Что бороться болѣ
Силы нѣтъ, что я смирился и позорно покорился
Безобразной долѣ.
Но, когда предо мною безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны, вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ —
Пѣсню мощи и свободы, пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою —
Все во мнѣ затрепетало, и такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою —
За унынье, за усталость, за болѣзненную вялость,
За потерю силы —
Ни предъ чѣмъ не преклоняться и съ врагомъ— судьбой сражаться
Смѣло до могилы.
Отряхнулъ съ себя я снова малодушія пустого
Пагубное бремя
И врагу съ отвагой твердой снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время...
А сѣдыя волны моря, пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все впередъ быстрѣй летѣли, все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и свободы...

П. И. Вейнбергъ.

Не будите его.

Не будите его, пусть онъ спитъ!
Онъ не нуженъ теперь никому,
И напрасно по стекламъ скользитъ
Солнца лучъ, пробиваясь къ нему.

Тихо штору спустите окна...
Утра свѣтъ — это бичъ для него;
Съ недопитымъ бокаломъ вина
Пусть онъ спитъ, не будите его!
Пусть онъ спитъ; пусть зловѣщая тьма
Мутнымъ флеромъ покроетъ позоръ,
Эту лѣнь, эту тупость ума,
Эту грязь, этотъ жизненный соръ,
Эту пошлую блѣдность ланитъ,
Оскверненныя розы въ рукахъ
И улыбку на сытыхъ устахъ...
Не будите его, пусть онъ спитъ!
Восходящее солнце вдали,
Блескъ зари, — непонятны ему;
Онъ давно ужъ не видѣлъ земли
Не поверженной въ мрачную тьму
Свѣтъ искусственныхъ, позднихъ огней
Вѣчнымъ спутникомъ былъ для него...
Скройте-жъ чудное пламя лучей,
Пусть онъ спитъ... Не будите его!
Пусть онъ спитъ... На вашъ честный призывъ
Къ братству, равенству, благу труда,
Лишь насмѣшкою злой подаривъ,
Не откликнется онъ никогда.
Гнетъ, неправда,—все, ради чего
Чистымъ, страждущимъ гибель грозитъ,
Не коснулись до сердца его...
Не будите его, пусть онъ спитъ!
Даже жизнь, сама жизнь со стыдомъ.
Жаждетъ въ немъ свои дни сократить,
Не борясь, опьяняя виномъ,
Его тѣло на вѣкъ усыпить.
И тогда... О, тогда пусть надъ нимъ
Тише заступъ могильный стучитъ!
Тише, колоколъ! Гуломъ своимъ
Не будите его, — пусть онъ спитъ!

Николай Корецкій.

Зеленый шумъ.

Идетъ-гудетъ Зеленый шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!
Играючи расходится вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые, подниметъ пыль цвѣтущую,
Какъ облако: все зелено, и воздухъ, и вода!
Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!
Скромна моя хозяюшка, Наталья Патрикѣевна,
Водой не замутитъ; да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ... Сама сказала, глупая
Типунъ ей на языкъ! Въ избѣ самъ другъ съ обманщицей
Зима насъ заперла; въ мои глаза суровые
Глядитъ;—молчитъ жена. Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ: убить... такъ жаль сердечную!
Стерпѣть—такъ силы нѣтъ! А тутъ зима косматая
Реветъ и день, и ночь: „убей, убей измѣнницу!
„Злодѣя изведи! „Не то весь вѣкъ промаешься,
„Ни днемъ, ни долгой ноченькой покоя не найдешь.
„Въ глаза твои безстыжіе сосѣди наплюютъ!..“
Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю окрѣпла дума лютая—
Припасъ я вострый ножъ... Да вдругъ весна подкралася...
Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!
Какъ молокомъ облитые, стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ; пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые сосновые лѣса;
А рядомъ новой зеленью лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистая, и бѣлая березонька
Съ зеленою косой! Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ... Шумятъ они по новому

По новому, весеннему...
Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!
Слабѣетъ дума лютая, ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится одна—въ лѣсу, въ лугу:
„Люби покуда любится, терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается, и—Богъ тебѣ судья!“

Н. А. Некрасовъ.

Голосъ изъ вьюги.

Въ стонахъ вѣтра и бури, во мракѣ ночномъ,
Въ тьмѣ, рокочущей вьюгою снѣжною,
Чей-то голосъ мнѣ слышится все за окномъ,
Полный мощи, но съ ласкою нѣжною.
Слышу вѣщій глаголъ я, какъ будто въ бреду,
Сквозь порывы метели рыдающей.
Я иду! я иду! я иду!
Бѣдный людъ, горемычный, страдающій
Въ мукахъ жизни, какъ будто въ аду,—
Жди и вѣрь: я иду! я иду!
Ты, затерянный въ мракѣ забвенія,
Ты, задавленный игомъ мученія!
Черезъ бури, туманы и тьму
Я къ порогу иду твоему!
Ты, утратившій всѣ упованія,
Ты, съ невольной печатью молчанія
На запекшихся блѣдныхъ устахъ!
Все я вижу и слышу впотьмахъ:
Твой недугъ, и печаль, и рыданія!
Жди, иду я на помощь, мой братъ,
Мимо гордыхъ, высокихъ палатъ,
Мимо храмовъ, блистающихъ славою,
Гдѣ главу лицемѣрно клоня,
Распиная меня,

Лѣвой душатъ, но крестятся правою!
Вѣрь, мой братъ, не безслѣдно текли
Кровь и слезы для міра незримыя,
Что струилися въ лоно земли!
Охъ, несчастные! охъ, вы, гонимые!
Васъ укрыть отъ меня не могли!
Слышу, вижу тебя я страдающій,
И къ порогу иду твоему,
Въ полночь, въ стонахъ метели рыдающей
Я иду черезъ бурю и тьму.

А. И. Пальминъ.

Каторжникъ.

Лежалъ онъ блѣдный и больной
Съ своею каторжною цѣпью.
А день сіялъ, дышалъ весной
Надъ зеленѣющею степью.
Къ далекимъ пріискамъ легла
Широкой лентою дорога,
А тамъ, за ней — туманъ и мгла
Въ стѣнахъ плѣснѣющихъ острога.
Не ждетъ суровый часовой:
„Вставай скорѣе, шутъ кандальный!“
И вспомнилъ каторжникъ больной
Забытый міръ и городъ дальній;
И яркимъ заревомъ объятъ,
Какъ будто не было разлуки,
Опять онъ видитъ милый взглядъ,
Друзей протянутыя руки.
Широкихъ улицъ длинный строй
И жизнь, кипящую разладомъ;
Но гонитъ грезы часовой
И бьетъ колодника прикладомъ.
— „Вставай, варнакъ!“ — и онъ встаетъ.
И чуть дыша, зеленой степью
Къ далекимъ пріискамъ идетъ,
Гремя заржавѣвшею цѣпью.

В. И. Немировичъ-Данченко.

Утесъ на Волгѣ.

Есть на Волгѣ утесъ. Дикимъ мохомъ оброс.
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершинѣ его не растетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ;
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.
Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.
И хотя каждый годъ, по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсню поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.
Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.
Много думъ въ головѣ родилось у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.
И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,
И задумалъ пойти по другому пути,
И идти на Москву онъ рѣшился.
Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.
Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ на конѣ и съ мечемъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачемъ

Онъ сложилъ свои буйныя кости.
И Степанъ будто зналъ, никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ,
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.
И по нынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана.
И лишь съ волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье атамана.
Но за то, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался—
Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ.
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Г. Навроцкій.

Отецъ и дочь.

Эхъ, живи — не тужи, выпьемъ, пока пьется,
Наливай, выпивай! — пѣсня раздается.
Весь въ цвѣтахъ, будто садъ, убранъ залъ богато,
Яркимъ блескомъ горятъ мельхіоръ и злато.
Эхъ, живи — не тужи! — слышны крики хора;
Звонъ бокаловъ слился съ шумомъ разговора,
Вся веранда въ огняхъ блещетъ, утопая;
На верандѣ цыганъ пляшетъ, напѣвая.
Наливай, выпивай! — пѣснь звучитъ повсюду,
Какъ ни взглянь, на столахъ видишь денегъ груду.
Эхъ, живи — не тужи, — говорятъ всѣхъ взоры.
Только вьюги, порой, слышатся укоры,

Лишь на мигъ замолчитъ пѣсня удалая,
Такъ и рвется въ окно, будто голь какая.
„Нѣтъ ужъ врешь — не войдешь къ намъ сюда, ненастье“,
Кто-то молвилъ шутя, утопая въ счастьѣ,
И пронесся въ отвѣтъ въ залѣ дружный хохотъ,
Подъ напѣвы цыганъ и гитары грохотъ.

* * *

— Эхъ, живи — не тужи, пей, гуляй до свѣта! —
Шамкалъ франтъ за столомъ, старичекъ съ лорнетомъ
— Наливай, выпивай, что вы пріуныли?
Такъ ли мы, молодежь, въ старину кутили?!
Иль, быть можетъ, безъ дамъ вамъ скучна пирушка, —
Только глазомъ моргнемъ, явится рѣзвушка.
Человѣкъ, кто-нибудь, пять рублей на водку —
Кто доставитъ скорѣй намъ сюда красотку!
— Есть одна, да хмѣльна, а ужъ больно знатна..
— Волоки, во хмѣлю женщина пріятна;
Я-ль не знаю въ нихъ толкъ, — былъ знакомъ съ такою,
Коль мила, награжу щедрою рукою,
Ну, живѣй, да отъ насъ передай-ка хору,
Чтобы шелъ въ кабинетъ, — больше тамъ простору.
Мнѣ вѣдь денегъ не жаль, — я казакъ свободный,
Для меня деньги — тьфу! лишь металлъ безплодный.
Двадцать лѣтъ для другихъ прожилъ я аскетомъ,
Всѣхъ дѣтей воспиталъ, пятерыхъ при этомъ;
Сыновьямъ, дочерямъ далъ образованье,
А ужъ съ нимъ и дуракъ сыщетъ пропитанье,
Мое дѣло — учить, а добыть хлѣбъ — ваше!..
— Браво, браво! — гудитъ молодежь папашѣ.
Человѣкъ, растворяй двери кабинета,
Эхъ, живи — не тужи, пей, гуляй до свѣта!

* * *

Наливай, выпивай! — пѣсня раздается,
Лихо пляшетъ цыганъ, даже полъ трясется;
Ярко-красный фонарь озарилъ покои,
Въ дивныхъ вазахъ цвѣтутъ розы и левкои,
Средь цвѣтовъ на столахъ вина, ананасы,
За столами сидятъ пьяные саврасы.
Разгулялся старикъ, весело пируетъ,
Сбросилъ фракъ на диванъ и канканъ танцуетъ;
Впереди одинъ пшютъ пляскѣ подражаетъ,
Крикъ и „браво", и „бисъ", воздухъ оглашаетъ,
Смѣхъ и говоръ вокругъ воплями несутся,
Громко струны звенятъ, щелкаютъ и рвутся.
Эхъ, живи — не тужи, пей, гуляй до свѣта!..
Распахнулись подъ шумъ двери кабинета,
И явилась, какъ тѣнь, на порогъ красотка:
На бокъ шляпа съ перомъ, пьяная походка,
Какъ ребенокъ мала, въ щечкахъ ни кровинки;
Оперлась у дверей, отряхнувъ снѣжинки,
Что-то хочетъ сказать, слово съ устъ не сходитъ,
Дѣтскимъ взоромъ, дрожа, старика обводитъ,
Эхъ, живи — не тужи! — слышитъ его голосъ,
Помутились глаза, затряслась какъ колосъ.
— Что-жъ вы, барышня, тамъ у дверей съ лакеемъ?
Коль замерзли, такъ мы живо обогрѣемъ;
Какъ зовутъ васъ, мамзель, Надя иль Наташа? —
Крикнулъ франтикъ одинъ, — гостья къ вамъ, папаша!
Кончилъ танецъ старикъ, ловко обернулся,
Только взглянулъ — и въ мигъ грузно пошатнулся,
Залилось все лицо вдругъ стыдливой краской,
Слышитъ онъ: — Подходи, мой желанный, съ лаской
Не робѣй, продаюсь по цѣнѣ я сходной,
Лучше грошъ получить чѣмъ уйти голодной,
Говорятъ, предлагалъ плату ты большую,

Обними-жъ, поцѣлуй дочь свою родную,
Не стыдись, да спроси здѣсь при всѣхъ въ чертогѣ,
Гдѣ твой сынъ, а мой братъ, — въ петлѣ иль въ острогѣ
Съ той поры, какъ семью выгналъ ты изъ крова?..
Гнѣвно смотритъ старикъ, не проронитъ слова,
Только жестомъ молчать дочь онъ умоляетъ,
Передъ нимъ его дочь тѣло обнажаетъ,
На колѣни упавъ, плачетъ и смѣется...
Эхъ, живи — не тужи! — пѣсня раздается.

Н. В. Корецкій.

* * *

Я жду, упорно жду...
Мнѣ душу истерзала
До ранъ кровавыхъ жизнь... Живого мѣста нѣтъ.
Но все я жизнь люблю, все вѣрю, какъ бывало.
Онъ близокъ, онъ идетъ, спасительный разсвѣтъ
И лишь порою страхъ проснется малодушный
Не станетъ силъ страдать, бороться и терпѣть,
Меня раздавитъ сводъ моей темницы душной—
Я не дождусь зари...
Взглянуть и умереть!

П. Я.

Конецъ перваго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Передъ судомъ—соч. N. N.	5
Вѣтеръ—А Турскаго	7
Путникъ—В. Брюсова	8
Молитва—А. Голенищева-Кутузова	10
Ледяная дѣва—А. Н. Апухтина	10
Рабыня—В. Немировича-Данченко	14
Розы—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	15
Въ лунную ночь—Д. Минаева	18
Египетскія ночи—А. С. Пушкина	19
Безъ любви—М. Гербановскаго	21
Дочери горя—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	22
Двѣ сестры милосердія—Л. А. Мея	24
Бѣлое покрывало—М. Михайлова,	25
Яблоня—С. В. Потресова	27
На улицѣ—В. Немировича-Данченко	28
Пустая церковь—М. Розенгейма	29
Письмо—В. Мазуркевича	31
Сонъ въ лѣтнюю ночь—А. Майкова	34
Изъ женскихъ писемъ—Д. Ратгауза	35
На городскомъ мосту—И. Омулевскаго	36
Менестрель—А. Майкова	37
Убаюкай меня—М. Михайлова	38
Отцвѣло—В. Л. Величко	39
Мостъ вздоховъ—Л. Михаловскаго	40
Два мальчика—А. Барыковой	42
Въ послѣдній разъ—А. Плещеева	44
Скажи мнѣ, ты любилъ—А. Майкова	45
Любимыя куклы—Барыковой	47
Солимская гетера—В. Крестовскаго	48
Дѣлежъ—В. Лихачева	52
Кукла—С.	56
Милостыня—Барыковой	57
Сонъ Монахини—Ив. Якунина	59
На кладбищѣ—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	61
Я должна извиниться—О. Карповой	62
Война—В. Бенедиктова	63
Возлюбите врага—Т. Щепкиной-Куперникъ	64
Изъ Петефи—С. Башкина	66
Изъ еврейскихъ мелодій—Л. Мея	67
Аррія—М. Михайлова	67
Мать—К. Д. Д.	68
Дѣтскій балъ	69
В. Гюго—Л. Мея	70
Мадонна—Е. Баратынскаго	71
Утро—К. Д. Бальмонта	72
Если-бъ легкой птицы крылья—И. Сурикова	73
За счастьемъ—Н. Щедрова	73
Бѣсъ—В. Мазуркевича	75
Безъ любви—М. Гербановскаго	77
Въ защиту маленькихъ—В. Крылова	78
Письмо къ Богу—Классика	80
Конечно—В. Крылова	84
Путешествіе въ Кевлааръ—Ѳ. Миллера	89

Три души—С. Фруга 91
Послѣ балета—И. Оленина 92
Двѣ труженницы—В. Лихачева 94
Сонъ Лэди—В. Буренина 95
Среди бриллiантовъ—С. Фруга 99
Катерина—Н. А. Некрасова 102
Безправная—О. Чуминой 104
Разсвѣтъ—А. Викентьева 107
Умирающая мать—А. Апухтина 209
Женщинѣ дорогу!—В. Лихачева 109
Бѣдный дроздъ—В. Трефолева 110
Мечты королевы С. Надсона 114
Вальсъ—О. Чюминой 115
Противъ теченiя—гр. А. Толстого. 117
Послѣднiй поцѣлуй 119
Стрекоза и одуванчикъ—А. Будищева 119
Сны—В. Крылова 121
Покупка—И. Гриневской 123
Барышнѣ—И. Блинова. 124
Пожаръ—В. Мазуркевича 126
Бракъ—В. Мазуркевича 128
Пѣсенки юродиваго—Г. Чулкова 135
Рыцарь на часъ—Н. Некрасова 137
Опричникъ—А. Пушкина. 139
Мигъ свободы—Ю. Балтрушайтисъ 141
Передъ зарею—Н. Минскаго 142
Призывъ—Ѳ. Сологуба 142
Входъ воспрещается—В. Бенедиктова 146
Я хочу веселья—Скитальца 148
Фея—М. Горькаго 148
Игры—А. Майкова. 149
Смерть князя Гвоздева—В. Буренина. 151
Царица Марья Долгорукая—А. Навроцкаго. . . 152
Охота—А. Федотова. 156
Скуй мнѣ сердце, кузнецъ!—В. Лебедева . . . 160
Князь Михайло Рѣпнинъ—гр. А, Толстого . . 162
Эй, человѣкъ—А. Z. 163
Развернулось предо мною—П. Вейнберга . . . 164
Не будите его—Н. Корецкаго 165
Зеленый шумъ—Н. А. Некрасова 167
Голосъ изъ вьюги—А. Пальмина 168
Каторжникъ—В. Немировича-Данченко 169
Утесъ на Волгѣ—Г. Навроцкаго 170
Отецъ и дочь—Н. В. Корецкаго 171
Я жду—П. Я. 174

Stanford University Libraries
3 6105 015 005 759

2 vols TF

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305